

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Горностаева Юлия Андреевна

**ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛЯРИЗОВАННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ОПЫТ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ И АВТОМАТИЧЕСКОЙ
ОБРАБОТКИ**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор А.В. Колмогорова

Красноярск – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА	13
1.1. Манипуляция и воздействие: к проблеме соотношения.....	13
1.2. Манипуляция как вид непрямого речевого воздействия.....	18
1.3. Лингвистическая методология анализа манипуляции	28
1.3.1. Западный дискурс-анализ	28 29
1.3.2. Становление отечественной политической лингвистики.....	32 33
1.3.3. Уральская школа политической лингвистики	35
1.3.4. Школа политической лингвистики Сибирского федерального университета и лингвистика информационно-психологической войны	41 42
1.4. Основания для выбора материала исследования.....	45
1.4.1. Понятие поляризованного политического дискурса. Политический поляризованный дискурс как источник материала исследования.....	45
1.4.2. Критерии разграничения в выборке текстов с манипулятивной функцией и текстов с воздействующей неманипулятивной функцией	53
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	67
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАРАМЕТРОВ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ДИАГНОСТИРОВАНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЯРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗРАБОТКИ КОМПЬЮТЕРНОГО КЛАССИФИКАТОРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ	69
2.1. Автоматическая обработка естественно-языковых данных и статистические исследования в лингвистике.....	69
2.2. Методы машинного обучения в лингвистике	73

2.3. Вербальный маркер vs параметр (feature) в машинном обучении: к проблеме соотношения.....	78
2.3.1 Опыт выявления в лингвистике вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов: к истории вопроса	78
2.3.2. Параметр в машинном обучении	83
2.4. Алгоритм выявления параметров для автоматической классификации текстов на манипулятивные и неманипулятивные.....	86
2.5. Результаты предварительной экспериментальной работы для сужения выборки и выявления первого параметра	87
2.5.1. Создание первичной выборки	87
2.5.2. Дизайн экспериментальной работы для выявления первого параметра «дискурсивные маркеры манипуляции» и дальнейшего сужения выборки	89
2.5.3. Параметр «дискурсивные маркеры манипуляции»: результаты экспериментального исследования	94
2.6. Параметры для автоматической классификации текстов на манипулятивные и неманипулятивные	98
2.6.1. Военная терминология и лексика на советскую тематику.....	99
2.6.2. Прецедентные личности и феномены. Прецедентное имя <i>Vladimir Putin</i>	103
2.6.3. Лексемы <i>Nazi</i> и <i>fascist</i> и производные от них.....	108
2.6.4. Прилагательные с антонимичными приставками <i>anti-</i> и <i>pro-</i>	110
2.7. Пример анализа текстового материала с опорой на выявленные маркеры манипуляции	113
2.8. Статистическая проверка валидности отобранных для автоматической классификации параметров.....	125
2.9. Деревья принятия решений как метод автоматического анализа данных	128
2.10. Интерфейс онлайн версии программы и алгоритм работы с ней	133

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	154
ПРИЛОЖЕНИЯ	173
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	180
ПРИЛОЖЕНИЕ В	183
ПРИЛОЖЕНИЕ Г	188
ПРИЛОЖЕНИЕ Д.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению манипулятивного воздействия в политическом массмедийном дискурсе. Работа выполнена на материале английского языка.

Теоретическую базу исследования составили труды по дискурс-анализу Р. Водак, Т.А. ван Дейка, М.Л. Макарова, Н. Фэркло; работы по политическому и массмедийному политическому дискурсам В.Н. Базылева, Э.В. Будаева, Т.А. ван Дейка, А.А. Филинского, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал; статьи, посвященные поляризованной коммуникации М.М. Eissa, M.P. Fiorina et. al.; исследования коммуникативно-когнитивных основ манипуляции Т.А. ван Дейка, Е.Л. Доценко, А.В. Колмогоровой, Г.А. Копниной, П.Б. Паршина, И.А. Стернина, А.А. Филинского, Г. Шиллера; статьи, описывающие опыт обнаружения вербальных маркеров J. Arciuli et. al., K. Cohen et. al., P. Furko, M.M. Louwerse, H.H. Mitchell, M.L. Newman et. al., L. Pickering et. al.; работы по автоматической обработке естественно-языковых данных А.Н. Баранова, В.П. Захарова, В.Ш. Рубашкина, Р.М. Фрумкиной, S. Bird et. al. и методам машинного обучения П.Е. Велихова, Т.М. Митчела.

Актуальность диссертационной работы определяется остротой проблемы манипулятивного потенциала современных СМИ, деятельность которых направлена на изменение поведения общественности в выгодном для манипуляторов направлении; распространением манипулирования общественным мнением и контроля над информацией, определяющей политические взгляды и воззрения аудитории.

Кроме того, работа выполнена в русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, характеризуется междисциплинарностью и написана в рамках такого научного направления, как обработка естественных языков, с применением методов машинного обучения и опыта параметризации для классификации политических текстов.

Объектом исследования является манипуляция в поляризованном политическом дискурсе СМИ.

Предмет исследования – вербальные маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе СМИ как метрики для измерения уровня манипулятивности массмедийного текста.

Основная исследовательская **гипотеза** диссертационного исследования: вербальные маркеры манипуляции, выявленные в ходе экспериментального исследования, а также при использовании методологии дискурсивного анализа, являются валидными метриками для разработки компьютерного классификатора политических текстов по уровню их манипулятивного потенциала.

Термин *манипуляция* в работе рассматривается как вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования.

Цель исследования – выявить вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе СМИ, посвященном отношениям России и США на фоне актуальной политической ситуации на Украине, а также доказать их валидность в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности массмедийного политического текста и создания компьютерного классификатора текстов по уровню их манипулятивности.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- обосновать теоретическую базу исследования, опираясь на данные различных отраслей лингвистической науки: критический дискурс-анализ, теорию коммуникации, лексическую семантику;
- описать манипуляцию как вид речевого воздействия;
- рассмотреть особенности политического дискурса СМИ, совмещающего в себе особенности политического дискурса и дискурса СМИ;

- обосновать инструментарий дискурс-анализа и социологический инструментарий, применимые для выявления манипуляции;
- провести экспериментальное исследование, включающее в себя анкетирование и структурированное интервью с респондентами;
- выявить типологию и создать номенклатуру вербальных маркеров, позволяющих диагностировать манипулятивный дискурс в контексте обсуждения проблематики взаимоотношений России и США;
- проверить статистически валидность выявленных маркеров в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности массмедийного текста для дальнейшей разработки программы-классификатора текстов;
- создать компьютерный классификатор на основе алгоритма машинного обучения для оценки уровня манипулятивности англоязычных политических текстов, посвященных отношениям России и США.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Манипуляция является ведущей дискурсивной практикой организации непрямого воздействия в поляризованном политическом массмедийном дискурсе, позволяя скрыто производить деформации в картине мира массового адресата.
2. В поляризованном политическом массмедийном дискурсе, посвященном отношениям России и США, манипуляция реализуется при помощи двух основных стратегий: представление оппонента в невыгодном свете и позитивная самопрезентация.
3. Основные манипулятивные стратегии обнаруживают себя в текстах англоязычных СМИ посредством использования специфических средств, а именно: дискурсивных маркеров манипуляции, военной терминологии, лексем *Nazi* и *fascist* и производных от них, лексемы *soviet* и лексики на

советскую тематику, антонимичных приставок *pro-* и *anti-* прецедентного имени *Vladimir Putin*.

4. Выявленные вербальные средства являются маркерами манипулятивного воздействия, которые имеют статистическую валидность в качестве метрик для создания компьютерного классификатора текстов по уровню их манипулятивности.

5. Использование языка программирования *Python*, а также метода машинного обучения с опорой на алгоритм «дерево принятия решений» позволяют разработать компьютерное приложение, способное на основе учета статистической значимости выявленных метрик классифицировать англоязычные тексты на 1) тексты, не содержащие манипуляцию; 2) тексты с низким уровнем манипулятивности; 3) тексты со средним уровнем манипулятивности; 4) тексты с высоким уровнем манипулятивности.

Материалом для исследования послужили тексты новостных статей двух авторитетных американских изданий – *The Washington Post* и *The New York Times* с 2014 по 2018 гг. Своеобразие отобранного текстологического материала заключалось в том, что тексты статей отражают актуальную политическую ситуацию в Восточной Европе и отношения двух крупных оппонентов – России и США – на фоне геополитического кризиса на Украине. Выборка статей осуществлялась по тематическому принципу: отбирались статьи, освещающие украинский кризис и содержащие упоминание о России. Затем отобранные статьи были автоматически загружены в программу, сначала – для статистической проверки маркеров, затем в классификатор на базе алгоритма деревьев принятия решений.

В рамках статистической проверки маркеров манипуляции был также задействован блок статей на тематику, не входящую в зону нашего исследовательского интереса, т.е. не относящуюся к поляризованному дискурсу (миграция в Европе). Статьи были извлечены из тех же периодических изданий, за те же годы и в том же объеме, что и корпус текстов, репрезентирующий поляризованный дискурс.

Объем материала

Всего было отобрано и проанализировано 1800 статей на английском языке.

Основу **методологии** настоящего диссертационного исследования составляет теоретико-методологическая база когнитивной и дискурсивной лингвистики. Метод критического дискурс-анализа является ведущим в нашем исследовании, поскольку он разработан именно для анализа политической коммуникации, когда ставится цель обнаружить идеологизированные языковые явления, репрезентирующие неявно выраженные структуры власти, контроля и доминирования (R.Wodak, N. Fairclough, T.A. Van Dijk), которые существуют внутри поляризованной действительности. Вслед за Т.А. ван Дейком, дискурс-анализ текстов политической коммуникации осуществлялся в два этапа: анализ контекста, подразумевающий изучение обстоятельств, времени, места, события, участников, их ролей и когнитивных характеристик, сферы деятельности и т.д., с одной стороны, и текстуальный анализ – с другой. В рамках последнего тексты анализировались на лексическом уровне. Преимущество использования метода дискурсивного анализа заключается в возможности рассмотрения языка как формы социальной практики, укорененной в социальных условиях его реализации.

Помимо методики критического дискурсивного анализа применялись методы коммуникативного анализа стратегий и тактик организации воздействия в рамках политического дискурса, метод статистической проверки гипотез с помощью двухвыборочного t-критерия Стьюдента для независимых выборок и алгоритм машинного обучения – деревья принятия решений.

Выбор алгоритма деревьев принятия решений обусловлен удобством его применения для построения классификаций и точностью результатов, получаемых на относительно небольшом объеме данных по сравнению с другими алгоритмами машинного обучения.

Кроме того, применялся метод социолингвистического эксперимента, в котором было задействовано 36 русскоязычных респондентов, владеющих английским языком на сертифицированном уровне C1. Проведение эксперимента с вовлечением русскоязычных респондентов обусловлено выдвинутой нами гипотезой: русскоязычные респонденты как представители стороны «плохих» в макропропозиции *«мы – хорошие, они – плохие»* острее чувствуют проявления манипулятивного воздействия в поляризованном политическом массмедийном дискурсе.

Привлечение методики социолингвистического эксперимента обусловлено стремлением к проверке валидности полученных результатов и достоверности выводов. Валидность обеспечивается достаточным числом информантов и учетом экстралингвистических факторов, таких как: возраст, пол, заинтересованность политическими вопросами.

Таким образом, использование методов и подходов компьютерной лингвистики (машинное обучение, алгоритм деревьев принятия решений и методов статистической проверки), а также социолингвистического эксперимента в контексте дискурс-анализа, выступающего в качестве ведущего метода, позволяет говорить о междисциплинарности настоящего исследования.

В работе также были использованы основные компоненты общенаучного описательного метода: интерпретация и обобщение.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие коммуникативной и компьютерной лингвистики. В частности, уточняется понятие «манипуляция» и вводятся новые – «маркер манипуляции» и «метрика для измерения уровня манипулятивного воздействия текста». Кроме того, на примере манипуляции разработан исследовательский алгоритм, позволяющий выявить вербальные маркеры коммуникативно-психологических феноменов, а затем параметризовать маркеры для целей автоматической обработки и классификации текстов. Разработанный алгоритм предоставляет возможность экстраполяции

полученных результатов и технологии на материал других языков для создания аналогичных классификаторов на ином языковом материале.

Практическая значимость заключается в возможности использования разработанных алгоритмов машинного обучения в процессе мониторинга СМИ в аспекте информационной безопасности, а также применения основных положений и выводов в учебном процессе, при разработке курсов по прикладной лингвистике, прагмалингвистике, культуре речи, лингвистической интерпретации текста, лингвистике текста и языку СМИ.

Новизна исследования заключается в том, что впервые ставятся и решаются задачи 1) выявления вербальных маркеров манипуляции; 2) доказательства их валидности в качестве метрик для программы автоматической обработки и классификации текстов; 3) разработки и апробации концепт-модели компьютерного приложения, способного классифицировать тексты на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия.

Достоверность результатов обеспечена адекватной целям исследования методологией, достаточным объемом материала (около 8100000 знаков без пробелов или 1800 статей), источником для которого послужили тексты авторитетных американских изданий, а также применением методов статистической обработки данных.

Апробация результатов работы.

Основные положения работы обсуждались на заседаниях методологического семинара кафедры романских языков и прикладной лингвистики и Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. Результаты исследования были представлены на 4 конференциях международного уровня.

Международная научно-практическая конференция «Молодежь и наука: проспект Свободный» (г. Красноярск, 2015).

Международная научно-практическая конференция «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (г. Красноярск, 2015).

X Международная научная конференция «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург, 2016).

XI Международная научная конференция «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург, 2017).

По теме диссертации опубликовано 7 статей, 5 из которых – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация (общий объем – 191 стр., объем страниц основного текста – 153) состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, включающей 187 наименований, и 5 приложений.

Во введении обосновывается актуальность, представлены объект и предмет исследования, сформулированы гипотеза, цель и задачи, описаны методы исследования, аргументирован выбор материала, а также определена теоретическая и практическая значимость, описана структура работы и сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе дана характеристика политическому поляризованному дискурсу, сопоставлены понятия «манипуляция» и «воздействие», представлены основные методы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе, описаны результаты экспериментальных исследований. Вторая глава посвящена результатам дискурсивного анализа материала, статистической проверке результатов дискурс-анализа и экспериментальных исследований, а также результатам разработки компьютерного классификатора англоязычных текстов.

В заключении излагаются основные выводы по проделанной работе. В приложениях представлен список военной терминологии, программные коды статистической проверки и текстового классификатора, а также примеры текстов статей, задействованных в рамках эксперимента.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

1.1. Манипуляция и воздействие: к проблеме соотношения

Анализ теоретических работ по проблеме манипуляции [Бессонов, 1971; Волкогонов, 1983; Шиллер, 1980; Key, 1989; O'Connor at all, 1990; Paine, 1989; Rozenberg, 1987; Vilar, 1972; цит. по: Доценко, 1997], позволяет констатировать, что большинство из них не дают определение данному феномену. Одни авторы пытаются интуитивно охарактеризовать манипуляцию, другие анализируют отдельные манипулятивные ситуации, отбор которых осуществляется субъективно.

Е.Л. Доценко в своей книге «Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита» [Доценко, 1997] предпринимает попытки дать психологическое определение манипуляции, а также ответить на вопрос: всякое ли скрытое воздействие можно считать манипуляцией? В работе Е.Л. Доценко представлены точки зрения различных авторов на понятие манипуляции, при анализе которых выделены определенные критерии-признаки.

Так, Б.Н. Бессонов определяет манипуляцию как форму духовного воздействия, скрытого господства, осуществляемую насильственным путем [Бессонов, 1971]. Р. Гудин считает, что манипуляция – это скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого [Goodin, 1980]. Среди определений манипуляции встречаются следующие:

1. Господство над духовным состоянием, управление изменением внутреннего мира [Волкогонов, 1983].
2. Отношение к другому как к средству, объекту, орудию [Сагатовский, 1980: 84-85].

3. Скрытое влияние на совершение выбора [Proto, 1989].
4. Такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать [Riker, 1986].
5. Скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [Шиллер, 1980: 87] и др.

Проанализировав 11 источников по данной проблематике, Е.Л. Доценко выделил критерии-признаки, используемые авторами для определения манипуляции (в скобках указано число авторов, в определениях которых присутствует данный признак):

1. Скрыто, неявно обман (6).
2. Эксплуатация, господство (3).
3. Управление, контроль (2).
4. Принуждение, применение силы (2).
5. Использование другого в качестве вещей, объектов (2).
6. Косвенное воздействие, влияние (2).
7. Программирование мыслей, намерений (2).
8. Структурирование мира (1).
9. В интересах манипулятора (1).
10. Вразрез с волей другого (1).
11. Ради выигрыша (1).
12. Отношение к другому как к средству, объекту, орудию (1).
13. Побуждение (1).
14. Игра на слабостях (1).
15. Ненасильственный путь (1).
16. Духовное воздействие (1).
17. Направленность на духовное состояние, внутренний мир (2).
18. Мастерство, сноровка (1) [Доценко, 1997].

Далее вышеупомянутые 18 признаков были объединены в пять групп, в каждой из которых был выделен обобщенный критерий:

1. Психологическое воздействие.

2. Отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей.
3. Стремление получить односторонний выигрыш.
4. Скрытый характер воздействия.
5. Использование силы, игра на слабостях [там же].

Подробно обосновав значимость выделенных параметров, исследователь предложил следующее определение манипуляции: *вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями* [Доценко, 1997: 59].

Он также отметил, что формулировка может меняться в зависимости от предпочтений автора, который вправе самостоятельно сконструировать собственное определение на основе отобранных критериев.

Понятие «психологическое воздействие» нельзя назвать до конца осмысленным и разработанным, тем не менее, различные авторы предприняли попытки дать ему определение. Так, Г.А. Ковалев под воздействием понимает «процесс, который реализуется в ходе взаимодействия двух или более равноупорядоченных систем и результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках), состоянии хотя бы одной из этих систем» [Ковалев, 1989: 4-5]. Г.А. Балл предлагает следующую трактовку: «Психологическим естественно считать такое воздействие индивидуального или группового субъекта В, которое вызывает или предотвращает изменение психологических характеристик и проявлений индивида-реципиента А, в том числе относящихся к его деятельности (и поведению в целом), к его сознанию (и бессознательной сфере психики), к его личности» [Балл, Бургин, 1994: 57]. Т.С. Кабаченко под психологическим воздействием понимает «изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических, социально-психологических закономерностей»

[Кабаченко, 1986: 13].

В случае с манипуляцией, считает Е.Л. Доценко, речь идет именно об односторонней интенции, о присвоении манипулятором права решать за адресата, что он должен делать, о стремлении повлиять на его цели [Доценко, 1997].

И.А. Стернин в работе «Основы речевого воздействия» отмечает, что разграничение понятий «манипуляция» и «речевое воздействие» является весьма важным и необходимым. Под речевым воздействием он понимает «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, решение о каком-либо действии, передачи информации», а манипуляцию определяет как «воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение неосознанно или вопреки его собственному намерению» [Стернин, 2012: 56].

При этом, отмечает И.А. Стернин, следует говорить о двух аспектах речевого воздействия: вербальном (коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, в результате которого возникает также подтекст) и невербальном (воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами, которые передают информацию собеседнику, сознательно или бессознательно воздействуют на собеседника или на самого говорящего) [там же].

Г.В. Грачев и И.К. Мельник говорят об информационно-психологическом воздействии манипулятивного характера, которое «осуществляется в интересах человека или групп людей по отношению к другим, является специфической формой управления, которое носит опасный характер, если осуществляется тайно, приносит односторонние выгоды его организаторам» [Грачев, Мельник, 2003: 7].

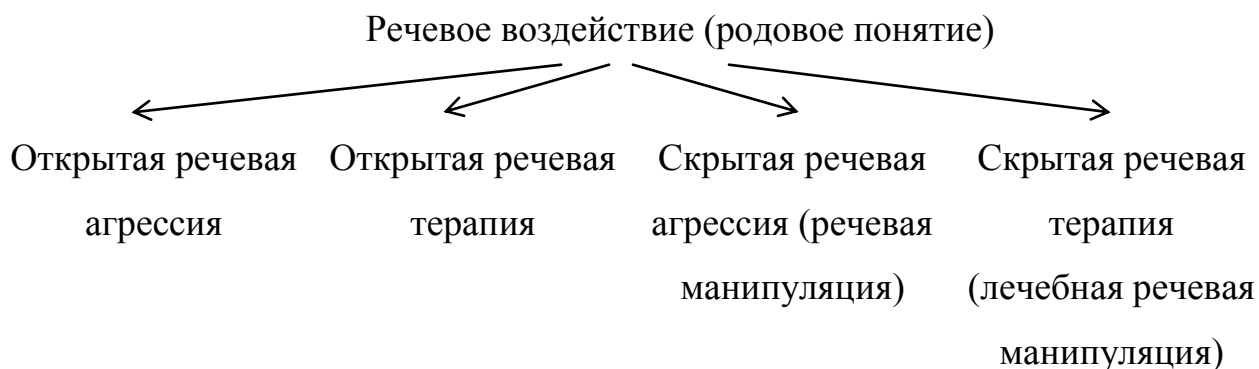
В психологии манипуляцию обычно определяют как вид психологического воздействия которое приводит к скрытому возникновению у другого человека намерений не совпадающих с существующими желаниями [Доценко, 1997: 59].

П.Б. Паршин отмечает, что нет единого мнения относительно определения манипуляции, но, тем не менее, «эффективность и несоответствие интересам субъекта оценки являются конститутивными чертами» [Паршин, 2003: 1–3].

В лингвистике речевую манипуляцию определяют как «вид взаимодействия, предполагающий, что манипулятор сознательно пытается осуществлять контроль над поведением манипулируемого, который не воспринимает себя в качестве объекта контроля, побудить его вести себя угодным манипулятору способом». Таким образом, языковым называется манипулирование, «осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [Рекламный текст, 2000: 57–58].

Кроме того, целесообразно рассмотреть соотношение манипуляции и родового понятия речевого воздействия, которое включает в себя такие понятия, как «открытая речевая агрессия», «открытая речевая терапия», «скрытая речевая агрессия (манипуляция)», речь о которой идет в нашем исследовании, и «скрытая речевая терапия (лечебная манипуляция)» – Схема 1.

Схема 1. – Соотношение понятий речевая манипуляция и речевое воздействие в родовом его понимании

(За идею схемы благодарим профессора А.П. Сквородникова).

Принимая во внимание все вышесказанное, мы делаем вывод о том, что манипуляция – это вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования. Воздействие, в свою очередь, не всегда наносит ущерб интересам объекта, на которого оно оказывается.

Кроме того, воздействие может быть как открытым, так и скрытым, а манипуляция всегда носит скрытый характер.

Таким образом, мы выдвигаем следующую гипотезу: если предмет нашего анализа – собственно *речевое воздействие* в поляризованном англоязычном дискурсе, то оно *не может быть скрытым* и направленным *в ущерб интересам* объекта *одновременно*. Если же *отсутствуют открытые проявления воздействия* при направленности дискурса на *ущемление интересов* объекта воздействия, то такое воздействие мы считаем скрытым, то есть манипулятивным. Именно такое воздействие – манипулятивное – является объектом нашего анализа в поляризованном англоязычном политическом дискурсе. О соблюдении данного принципа при выборке материала – подробнее в п. 1.4.

1.2. Манипуляция как вид непрямого речевого воздействия

Речевое воздействие в широком смысле – воздействие на индивидуальное или коллективное сознание и поведение, осуществляемое равнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке. Иногда понятие *речевое воздействие* включает в себя использование сообщений, построенных средствами так называемых паралингвистических семиотических систем, к которым относятся прежде всего жесты, мимика и позы, а также, в случае письменной коммуникации, средства графического оформления текста [Гаршич, 2000].

В узком смысле под **речевым воздействием** понимаю использование особенностей устройства и функционирования речевых знаковых систем, прежде всего, естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [там же].

В настоящее время нет единого подхода к пониманию манипуляции. Многие авторы говорят о манипуляции как о речевом воздействии, стратегии, технике, практике и т. д.

Так, Е.П. Денко определяет манипуляцию следующим образом: «Это вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [Денко, 1993: 53].

По мнению П.Б. Гарина, манипулирование – это «вид взаимодействия, при котором манипулирующий сознательно пытается осуществить контроль над поведением манипулируемого, который не считает себя объектом манипуляции, побуждая его вести себя определенным образом» [Гарин, 2000: 57].

Т.А. ван Дijk рассматривает манипуляцию как равноправное явление. Манипуляция – это коммуникативная и интерактивная практика, которая предполагает, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми, как правило, против их воли. Главное свойство манипуляции – это злоупотребление властью. Манипулятор, преследуя собственные цели, заставляет людей совершать определенные поступки, которые лежат в сфере интересов манипулятора и противостоят интересам манипулируемых [Dijk, 2006]. Подобное влияние может распространяться посредством изображений, фотографий, фильмов и СМИ [Van Leeuwen 2005; цит. по Т.А. van Dijk, 2006].

Манипуляция – это своеобразная форма убеждения. Различие заключается в том, что убеждение подразумевает то, что собеседники имеют возможность думать и действовать согласно собственным взглядам и воззрениям, исходя из того, принимают они или нет аргументы убеждающего. Манипуляция, в свою очередь, делает из манипулируемых жертв, лишенных возможности понимать реальные умыслы и намерения манипулятора и не осознающих всех последствий, которые повлекут за собой поступки и взгляды, навязываемые им манипулятором [Wodak 1987; цит. по Т.А. van Dijk, 2006].

Т.А. ван Дijk говорит о том, что следует различать легитимные и нелегитимные социальные практики. Легитимные подразумевают информирование, а нелегитимные влекут в себя все формы взаимодействия, которые находятся в сфере интересов одной стороны и против интересов реципиентов. Манипуляция, настаивает Т.А. ван Дijk, является нелегитимной социальной практикой, которая создает неравенство в любом демократическом обществе [Dijk, 2006].

Многие исследователи также подчеркивают, что манипуляция не оказывает одинакового воздействия на всех людей, которые ей подверглись. Одно и то же сообщение может быть в разной степени манипулятивным. Кроме того, один и тот же человек может быть более или менее подвержен манипуляции в разных жизненных обстоятельствах.

Т.А. ван Дijk рассматривает манипуляцию с трех равных сторон:

- 1) манипуляция как социальный феномен, поскольку подразумевает интеракцию и злоупотребление властью между отдельными людьми или целыми социальными группами;

- 2) манипуляция как когнитивный феномен, т.к. манипулятор оказывает воздействие на сознание людей;
- 3) манипуляция как дискурсивно-семиотический феномен, поскольку манипуляция осуществляется посредством текста, беседы или визуальной информации.

Исследователем выделяются следующие социальные условия манипуляции: принадлежность к определенной социальной группе, институциональная позиция, профессия, материал, символы. Например, родители могут манипулировать своими детьми в силу своей позиции, которая подразумевает наличие власти и авторитета в семье. Однако дети также могут манипулировать родителями благодаря другим социальным условиям [там же].

Говоря о том, что манипуляция – это когнитивное явление, Т.А. ван Дейк выделяет некоторые виды манипулирования когницией, отмечая при этом, что практически все приемы используются и в легитимных формах коммуникации. Отличие заключается в том, что манипулятор стремится акцентировать внимание манипулируемого на нерелевантной информации, поэтому достигается лишь частичное, неполное понимание. Представим выделенные ван Дейком виды манипулирования когницией в Таблице 1:

Таблица 1. – Виды манипулирования когницией

Вид	Способ осуществления
Манипулирование краткосрочной памятью	Специфические текстовые и речевые характеристики – заголовки, названия, слоганы. Дискурсивные характеристики манипуляции подразумевают разносторонний анализ: фонетический, фонологический, морфологический, синтаксический, лексический, операционный (например, слишком быстрая и неразборчивая речь, намеренно усложненные синтаксические конструкции, слишком абстрактные слова и выражения).
Эпизодическая манипуляция	Влияние оказывается на эпизодическую память (воспоминания о конкретных коммуникативных ситуациях). Приводит к формированию ментальных моделей, хранящихся в

	эпизодической памяти, включая наши собственные эмоции и переживания, связанные с данными коммуникативными событиями. При этом акцентируется внимание на выгодной для манипуляторов информации и умалчивается информация, противоречащая их целям и намерениям.
Манипулирование социальной когницией	Манипулирование идеологическими воззрениями, моральными нормами и ценностями, так называемыми социальными репрезентациями, имеющими форму скриптов и составляющими основу любой социальной группы.

Манипулирование социальной когницией реализуется с помощью таких стратегий, как обобщение (*generalization*) и стратегия использования знания (*the strategy of using knowledge*) [Dijk, 2006].

Многие авторы, говоря о модели манипуляции, используют термин «дискурсивный комфорт», под которым понимается максимальное совпадение конструкторов дискурсивных реальностей при номинации ожидаемых реципиентом личностных когнитивных структур (верований, мнений, суждений, предубеждений), т. е. манипулятор должен в максимальной степени приблизиться к реальности реципиента. Чем ближе реальность, в которой живет реципиент, и созданная манипулятором реальность, тем выше уровень комфорта.

«Своя реальность» складывается из взаимодействия трех компонентов:

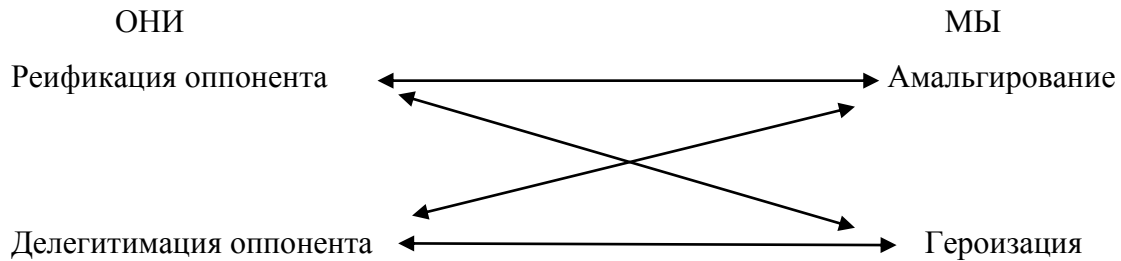
- 1) «я свой» – положительная самопрезентация в рамках когнитивных представлений реципиента;
- 2) «свои ценности» – когнитивные предпочтения;
- 3) «враги» – разрушители наших ценностей.

В политической коммуникации продуктом познавательного процесса являются социально-политические представления [Дилигенский, 1996]. Манипуляция строится на уже существующих стереотипах, предубеждениях и верованиях.

Основные стратегии манипуляции и их взаимопроникновение сводятся

А.А. Филинским к следующей схеме [Филинский, 2002]:

Схема 2. Взаимопроникновение стратегий манипуляции

Охарактеризуем вышеупомянутые стратегии манипуляции в Таблице 2:

Таблица 2. – Стратегии манипуляции

Они	Мы
<p>Реификация – разрушение образа оппонента, формирование образа врага, который виновен в сложившейся негативной ситуации [Водак, 1997].</p>	<p>Амальгирование – интеграция с какой-либо социальной группой (мы-дискурс) с помощью следующих приемов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) личные и притяжательные местоимения мы/наш; 2) лексемы со значением совместности (вместе, единство); 3) собирательные лексемы с компонентом совместности (друзья, товарищи, сограждане); 4) этнонимы (россияне, красноярцы) и др. [Wodak, Seldak, 2000].
<p>Делигитимация – дегуманизация противника, проявление и выработка отрицательных ассоциаций с соответствующими объектами</p>	<p>Героизация – пропозиционирование основного тезиса «Я/он – хороший» с помощью подчеркивания высоких морально-этических качеств,</p>

коммуникации. Проявляется в языковой агрессии.	осуществляемой деятельности в интересах народа, высокой профессиональной компетентности, достижений, непримиримости к нарушителям общих ценностей [Филинский, 2002].
--	--

С.А. Зелинский в книге «Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание» выделяет следующие способы манипуляции психологическим сознанием [Зелинский, 2008: 337–347]:

Таблица 3. – Способы манипуляции психологическим сознанием

Способ	Объяснение
Принцип первоочередности	Используется эффект восприятия первичной информации как истинной. Посредством СМИ распространяется некий компромат на конкурента, формируя у манипулируемых негативное мнение о нем и заставляя конкурента оправдываться.
Очевидцы событий	Якобы очевидцы события сообщают определенную информацию, заранее переданную им манипулятором.
Образ врага	Искусственное создание угрозы, которая якобы исходит от врага, для управления общественным мнением.
Смещение акцентов	Манипулятором делается акцент на выгодной для него информации, а нежелательная информация остается на втором плане.
Лидеры мнений	Использование авторитетных для населения фигур для передачи нужной для манипулятора информации.
Переориентация внимания	Намеренно выдвигаются на передний план события второстепенной важности для отвлечения внимания, а действительно важная информация остается в тени.
Эмоциональное заряджение	Эффективная манипуляция должна быть направлена на чувства человека, чтобы отключить его разум.
Показная проблематика	Искусственное раздувание несуществующих проблем, за которыми наиболее важные остаются незамеченными.
Эффект информационного штурма	Обрушивание на манипулируемого огромного потока ненужной информации, в котором теряется истина.

Обратный эффект	Вызывание жалости к кому-либо с помощью огромного количества негативной информации о нем.
Будничный рассказ или зло с человеческим лицом	Негативная информация произносится обычным тоном и теряет свою актуальность у аудитории.

В таблице представлены наиболее интересные, на наш взгляд, способы создания манипулятивного эффекта, но автор также выделяет и некоторые другие средства, среди которых: односторонность освещения событий, одобрение мнимого большинства, экспрессивный удар, манипулятивное комментирование, повторение, правда-наполовину, ложные аналогии, недоступность информации, ложный накал страстей, удар на опережение, принцип контраста, эффект правдоподобия [там же].

Отметим, что выделяемые различными исследователями техники и способы манипулятивного воздействия всегда имеют свое дискурсивное воплощение, поскольку манипуляция – это процесс социальный и семиотический одновременно.

Обращаясь к анализу манипуляции с дискурсивно-коммуникативных позиций, С.С. Бордунова выделяет следующие основные, на ее взгляд, техники манипуляции в монологе (речи политиков) [Бордунова, 2010]:

1. Выбор ключевых слов.
2. Повторы, риторические фигуры и тропы.
3. Мемное конструирование тезисов и «фраз-ловцов» (мем – это единица культурной информации, которая вызывает в сознании реципиента четкий рефлекторный образ, например, цитата из фильма, рекламный слоган). Мем передается от человека к человеку и живет до тех пор, пока жив хотя бы один носитель. Он строится на принципах легкого запоминания.
4. Саундбайтинг – создание по мемному принципу яркой фразы, выражающей содержание того или иного фрагмента текста или текста целиком.

5. Создание упрощенных и лживых абстрактных образов для иллюстрации тезисов.
6. Нумерация, работающая по мемному принципу.
7. Спин звуковых сообщений.

Многие авторы рассматривают манипуляцию на различных языковых уровнях: грамматическом, морфологическом и лексическом. На фонографическом уровне речевая манипуляция осуществляется с помощью особого звукового и графического оформления сообщения. Фонетические средства (интонация, тембр, паузы) используются, главным образом, в устной речи.

Некоторые инструменты фонографического уровня характерны для устной и письменной речи: аллитерация, рифмизация и ритмизация. Другие инструменты речевой манипуляции на фонографическом уровне не имеют аналогов в письменной речи. Однако некоторые из таких средств (интонация, регистр голоса, темп речи и паузация) можно компенсировать с помощью графических средств: пунктуация, метаграфические средства (подчеркивание, выделение шрифтом, заглавные буквы).

Лексические средства речевой манипуляции являются наиболее употребительными, представим наиболее распространенные из них в Таблице 4:

Таблица 4. – Лексические средства речевой манипуляции

Средство	Объяснение
Номинализация	Превращение мотивирующей конструкции с глаголом в отглагольное имя, средство обезличивания действия.
Конверсивы	Слова, которые одно и то же событие показывают с разных точек зрения.
«Слова-амебы» или «прозрачные» слова	Не связанные с контекстом реальной жизни, которые могут употребляться практически в любом контексте, т.к. не связаны с реальными предметами и явлениями [Кара-Мурза, 2003]. Обозначают абстрактное понятие, не имеющее конкретного содержания [Власов, 1976].

Неологизмы	Передают более точное значение или, наоборот, маскируют его, приближаясь к словам-амебам или терминам, но в любом случае, они всегда приковывают внимание читателя.
Коннотация, способствующая манипуляции	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оценочная (вынесение оценки без прямого проявления); 2. Эмотивная (апелляция к эмоциям адресата); 3. Экспрессивная (передача смысла с увеличенной интенсивностью для выражения внутреннего состояния говорящего) [Арнольд, 1975]; 4. Стилистическая (лексические единицы, значение которых дополнено стилистической составляющей; создают эффект иронии, сарказма, повышают экспрессивность текста, создают стилистический контраст); 5. Идеологическая (отражает определенные политические, идейные, социальные, экономические представления) [Никитина, 2006].
Эвфемизмы	Представление реальности в более благоприятном свете. Целью политических эвфемизмов является замалчивание и введение в заблуждение [Гальперин, 1981].
Дисфемизмы	Грубые или непристойные обозначения изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи.
Софизмы	Сложная, непривычная аудитории лексика.
Варваризмы	Слово из чужого языка или оборот речи, построенный по образцу чужого языка, нарушающий чистоту речи.
Перифразы и уточнения	Используются с целью выделения некоторого аспекта многогранного явления (лица, предмета, ситуации) и концентрации внимания на одной его черте.
Различные формы адресации	Обращение к аудитории, как прием демагогии – особенно использование местоимения солидарности <i>мы</i> .
Средства организации аргументации	Реализация стратегий создания легитимности, достоверности, создания доверия, привлечения внимания

На грамматическом уровне инструменты манипуляции могут быть

следующими: выбор грамматической формы, эллиптический язык, фигуры речи, особенности коммуникативных типов предложений и др. Морфологические средства подразумевают использование пассивного залога вместо активного, чтобы оставить за кадром ответственное лицо. Кроме того, важнейшую роль играют также дейктические средства: местоимения и дейктики времени и места (*здесь* и *сейчас*).

Выбор грамматической формы способен актуализировать действие (*the Present tense* вместо *the Past tense*), придать динамизм и эмоциональность (*continuous forms*), выразить отношение к возможности, желательности, необходимости некоего события (сослагательное наклонение).

Манипуляция также осуществляется с помощью синтаксических средств: эллиптические и параллельные конструкции, инверсия и обособление.

Из четырех коммуникативных типов предложений помимо повествовательных в политическом дискурсе СМИ часто используются вопросительные предложения. Таким образом, речевая манипуляция на грамматическом уровне использует как возможности морфологических категорий и форм, так и потенциал синтаксических конструкций и категорий.

Некоторые авторы предлагают свои классификации способов манипуляции. Так, С.В. Иванова и Р.Т. Садуов предлагают разделять способы манипуляции на глубинном (затрагивают глубинные структуры сознания – политические мифы, театральность, теория заговора, магия слова, магия имени и др.) и поверхностном уровнях (служат для «украшения» речи – риторические приемы в манипулятивной функции, нарушение постулата количества, стилистические приемы, приемы неправдоподобного описания и др.) [Иванова, Садуов, 2008: 53].

Кроме того, способы манипулирования подразделяются по своей значимости в политической коммуникации на стратегии (например, политические мифы, театральность, теория заговора) и приемы (например, риторические приемы в манипулятивной функции, нарушение постулата

количества, стилистические приемы, приемы неправдоподобного описания, магия слова, магия имени) [Иванова, Садуов, 2008: 57].

Подводя предварительный итог, отметим, что манипуляция реализуется в тексте с помощью различных языковых средств, принадлежащих разным уровням языка, но основная проблема состоит в том, что эти средства, по большей части, поддаются с трудом или вовсе не поддаются параметризации, т. е. не могут быть измерены автоматически. Доступны для параметризации лексические средства, анализ которых и будет представлен в данной диссертации.

1.3. Лингвистическая методология анализа манипуляции

Манипуляция в лингвистике анализируется в рамках двух основных подходов, каждый из которых обладает соответствующим методологическим инструментарием: западный дискурс-анализ и коммуникативная лингвистика. Наиболее ярким, на наш взгляд, представителем западного дискурс-анализа, посвященного анализу манипулирования в политическом дискурсе, является Т.А. ван Дейк. В отечественном языкознании превалирует коммуникативный подход к анализу политической коммуникации, активно разрабатываемый Уральской школой политической лингвистики, а также лингвоидеологический подход, развиваемый группой ученых Сибирского федерального университета. Методологию последователей данных направлений мы рассмотрим далее.

1.3.1. Западный дискурс-анализ

Одним из первых представляет свое понимание дискурсивного анализа Т.А. ван Дейк, на концепцию которого мы будем опираться в нашем исследовании. Согласно Т.А. ван Дейку, дискурсивный анализ включает в себя два аспекта:

- 1) текстуальный анализ, то есть структурный анализ текста на всех его уровнях;
- 2) контекстный (контекстуальный) анализ: структура текста определяется характером контекста.

Т.А. ван Дейк в **текстуальном анализе** выделяет уровни микроструктур и макроструктур. На микроструктурном уровне рассматриваются особенности текста на всех языковых уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом [Dijk, 1998].

Макроструктуры, по Т.А. ван Дейку, выводятся из значений предложений текста с помощью селекции, обобщения и конструирования, а также прописываются на основе собственных знаний и убеждений. Исходя из этого, делается вывод о том, что макроструктуры не являются универсальными – они варьируются в зависимости от субъекта. Т.А. ван Дейк также отмечает, что при выполнении текстуального анализа необходимо учитывать риторический аспект, который оказывает влияние на все структурные уровни [там же]. Единицы анализа на каждом языковом уровне представлены в Таблице 5.

Таблица 5. – Текстуальный анализ (структурный анализ текста на всех уровнях)

Уровень языка	Единицы анализа
Уровень микроструктур	
Фонетический	<ul style="list-style-type: none"> — ударение (возможность подчеркнуть или затушевать некоторые высказывания), — интонация (с ее помощью определяется коммуникативная направленность высказывания), — высота тона, — громкость, — темп, — смех и т.п.

Синтаксис предложения	<p>Релевантными для дискурсивного анализа будут лишь те синтаксические конструкции, использование которых варьируется в зависимости от жанра текста и контекста.</p> <p>Синтаксис предложения может отражать распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо использованием активных или пассивных форм.</p>
Графический	<ul style="list-style-type: none"> — жирный шрифт, — курсив, — подчеркивание, — заглавные буквы, — цветовое оформление.
Морфологический	<p>Специфическое словообразование внутри политического дискурса встречается реже и связано в основном с производными от фамилий политических деятелей.</p>
Семантика и лексика	<p>Определяется, как и какие лексические единицы используются в высказывании. Особое внимание обращается на слова, употребляемые для обозначения или описания участников дискурса, их действий и характеристик.</p> <p>То или иное событие может быть описано абстрактно или детально, в зависимости от того, какой эффект мы надеемся получить. Например, чтобы показать себя в более выгодном свете, автор подробно рассказывает о своих достоинствах и использует общие, абстрактные выражения для упоминания недостатков.</p> <p>Семантические группы глаголов:</p> <ul style="list-style-type: none"> — внешние предикаты описывают ситуацию, свидетелем которой в принципе способен быть посторонний наблюдатель, обращены к зрению и слуху (глаголы движения, говорения и т.п.); — внутренние предикаты – характеризуют ситуацию, которая не может быть зарегистрирована никакими органами чувств и известна лишь тому, кто ее переживает (знал, понимал, хотел, надеялся и т.п.); политик, который использует данные глаголы отождествляется в глазах аудитории с ней самой; — промежуточная группа предикатов – апеллируют ко всем

	органам чувств, кроме зрения и слуха (вкус, обоняние, осязание); заставляют слушателя самоотождествляться с героем.
Уровень макроструктур	
— общие топики или темы текста, — когерентность текста	
Риторический аспект	Существуют определённые приёмы для придания тексту большей убедительности (стилистические приёмы и фигуры речи): — ассонанс или рифма (фонетический уровень), — параллелизмы (синтаксический уровень), — сравнения, метафоры, гиперболы (семантический уровень).

Согласно Т.А. ван Дейку, синтаксис и семантика предложения в дискурсе описываются с учетом структур и интерпретации содействующих, обычно предшествующих, предложений того же контекста. Он считает, что идеологически пристрастная точка зрения выражается не только в использовании определенных структур в предложении, но также и в зависимости от синтаксиса и семантики всего текста.

Различные подходы предлагают разные категории **контекстуального анализа**. Однако большинство из них включает следующие категории:

1. Обстоятельства.
2. Время.
3. Место.
4. Событие/Действие.
5. Участники.
6. Сфера деятельности.
7. Роли участников дискурса:
 - коммуникативные роли – производители или потребители сообщения;

- роли взаимодействия – определяют различные ситуационные позиции участников по отношению друг к другу: враг – друг, оппонент – союзник;
 - социальные роли – связаны с принадлежностью к той или иной социальной группе по этническому, половому, возрастному, политическому, профессиональному и прочим признакам.
8. Социальные отношения между участниками, формальные /неформальные отношения, отношения превосходства, могут быть выражены во многих аспектах речи (интонация, синтаксис, лексика, семантика, прагматика).
9. Когнитивные характеристики участников:
- идеология, система верований и убеждений, разделяемых определенной социальной группой;
 - знания, социальные верования, признанные истинными в рамках какой-либо социальной группы;
 - отношения, убеждения по отношению к какому-либо конкретному объекту, взаимообуславливаемые знаниями.

Ван Дейк описывает данные схемы термином «фрейм». По мнению исследователя, фреймы являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта, и содержат типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с тем или иным концептом.

Таким образом, проанализировав две составляющие исследуемого дискурса (контекстуальную и текстуальную), мы получим наиболее полную картину языковых и экстралингвистических особенностей текстов и сможем оценить весь их манипулятивный потенциал.

1.3.2. Становление отечественной политической лингвистики

Российская политическая лингвистика прошла достаточно долгий

период становления. Изучение политического языка, начавшееся еще в 20-х годах XX века, было связано с именами Г.О. Винокура, С.И. Карцевского, Б.И. Ларина, Е.Д. Поливанова, Р.О. Якобсона, которые занимались изменениями в лексической и стилистической системе русского литературного языка [Чудинов, 2003].

В 40-е годы наметилась тенденция к исследованию языка и стиля политических лидеров СССР, а также описанию языка элиты и трудящихся. В 50-80 гг. политическая лингвистика стала динамично развиваться, появились новые направления исследований: речь политика в рамках теории ораторского мастерства (Г.З. Апресян, Л.А. Введенская, Н.Н. Кохтев и др.), агитация и пропаганда, язык СМИ (Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.Э. Розенталь), немалое внимание уделялось развитию русского языка после Октябрьской революции [там же].

Стоит отметить, что изучением русского языка активно занимались и некоторые зарубежные ученые (Андре Мазон, Астрид Бэкунд, Эгон Бадер, Патрик Серио). В частности, Г. Лассвел и С. Якобсон работали в русле количественной семантики и выявляли взаимосвязь семантики языковых единиц и политических процессов, анализируя советские лозунги.

В конце XX века коренной переворот в политической жизни государства не мог не повлиять на становление политической лингвистики, ведь в постсоветской России ослабла цензура и появилась некоторая свобода слова. Тогда же данное исследовательское направление и получает свое название – политическая лингвистика.

В современной отечественной политической лингвистике можно выделить немало различных направлений исследований (см. Таблицу 6):

Таблица 6. – Направления исследований отечественной политической лингвистики [Чудинов, 2003]

Направление	Представители
Теоретические основы политической лингвистики, анализ конкретных	В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, О.И. Воробьева, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, П.Б. Паршин,

единиц политических текстов	Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал
Исследование политического языка СССР и постсоветской эпохи	Ю.А. Бельчиков, А.А. Ворожбитова, С.Ю. Данилов, Н.А. Купина, Э. Лассан, Ю.И. Левин, В.М. Мокиенко, Б.Ю. Норман, А.П. Романенко, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов
Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка	М.В. Горбаневский, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, М. Кронгауз, Л.П. Крысин, Л.И. Скворцов, В.М. Шаклеин, Е.Н. Ширяева
Исследование отдельных языковых уровней политического языка	А.Д. Васильева, О.И. Воробьева, Е.А. Земская, В.Н. Киселев, В.Г. Костомаров, В.И. Максимов, С.В. Молоков, А.Б.Новиков, В.Н. Шапошников
Исследование жанров и стилей политического языка	А.Н. Баранов, А.Д. Васильева, С.И. Виноградов, Л.К. Граудина О.Л. Дмитриева, Е.Г. Казакевич, М.В. Китайгородская, Н.А. Купина, Н.Г. Мартыненко, Н.Н. Розанова
Исследование идиостилей политических лидеров и партий	А.Г. Алтунян, В.Н. Базылев, Т.С. Вершинина, Е.В. Какорин, А.К. Михальская, Ю.А. Сорокин
Дискурсивные исследования (стратегии, тактики, коммуникативные роли)	В.М. Амиров, Е.В. Бакумова, Д.Б. Гудков, В.И. Карасик, О.С. Иссерс, В.Б. Кашкин, А.А. Филинский, Е.И. Шейгал и др.

Исследование политического дискурса осуществляется при помощи разнообразных методов, среди которых выделяются:

- 1) социолингвистическая методология,
- 2) методики психолингвистики,
- 3) методы когнитивной лингвистики,
- 4) лингвостилистический и лингвокультурологический анализ,
- 5) методология риторики [Чудинов, 2003].

Далее для достижения более глубокого понимания принципов и основ отечественной политической лингвистики охарактеризуем две весьма известные школы: Уральская школа во главе с доктором филологических наук, профессором А.П. Чудиновым и школа Сибирского федерального университета под руководством доктора филологических наук, профессора

А.П. Сковородникова.

1.3.3. Уральская школа политической лингвистики

Уральская школа политической лингвистики сформировалась в середине 90-х годов и объединяет исследователей из Екатеринбурга, Челябинска, Нижнего Тагила, Сургута и других городов Уральского федерального округа. Методология данной школы базируется на теории метафорического моделирования. Среди основных направлений стоит выделить следующие:

- 1) теоретические основы и методология анализа политической коммуникации;
- 2) метафорическое моделирование в политическом дискурсе (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев) [Будаев, 2007; Чудинов, 2003; 2006; Шустрова, 2003; 2006; 2008];
- 3) исследование креолизованного политического текста (М.Б. Ворошилова) [Ворошилова, 2013];
- 4) изучение прецедентных имен в политической и массовой коммуникации (Е.А. Нахимова) [Нахимова, 2007];
- 5) исследование межнациональной коммуникации;
- 6) исследование коммуникативных стратегий и тактик политического дискурса (Н.Б. Руженцева) [Руженцева, 2004];
- 7) исследование жанров и стилей политического языка;
- 8) лингвокультурные основы политической коммуникации и др.

К принципам Уральской школы политической лингвистики относятся:

- 1) совокупность когнитивного, дискурсивного, антропологического и сопоставительного подходов;
- 2) обращение к единому пространству языковых и речевых метафор;
- 3) экспланаторность, мультидисциплинарность;
- 4) признание неразрывной связи языковой деятельности и

когниции, человека и его языка;

5) интерпретационная модель познания [Чудинов, 2012].

А.П. Чудинов и другие представители Уральской школы политической лингвистики (Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.А. Нахимова, Н.Б. Руженцева, Е.В. Шустрова) в своих работах, посвященных политической коммуникации, говорят о ее типовых свойствах, среди которых выделяют следующие сосуществующие оппозиции: ритуальность и информативность, институциональность и персональность, эзотеричность и общедоступность, редуционизм и полнота информации, стандартность и экспрессивность, агрессивность и толерантность, интертекстуальность и особый характер авторства.

Упоминаются также формы проявления коммуникативной агрессивности: призывы к физической агрессии; использование инвектив (брани, оскорблений); выражаемая в грубой, иронической, двусмысленной форме негативная оценка политических оппонентов, использование знаков агональности – маркеров чуждости, показателей умаления значимости, выражения недоверия к оппоненту; возбуждение тревожности, неуверенности и страха перед будущим; невербальные знаки [Чудинов, 2006].

А.П. Чудинов отмечает также некоторые дискурсивные характеристики политической коммуникации. В частности, под **автором текста** понимается тот, кто берет на себя ответственность за него. Политические речи готовятся целой группой специалистов, но сам политический деятель считается автором, поскольку озвучивает текст, беря ответственность за его содержание. В политической коммуникации различают: собственно авторские тексты, тексты без формального автора, тексты со смещенным авторством.

Второй дискурсивной характеристикой является **адресность текста**, при этом выделяются три основных адресата, а именно: политические единомышленники, политические оппоненты и избиратели. Для

политической коммуникации наиболее характерен массовый и групповой адресат. Отмечается, что сама коммуникация может быть непосредственной или с использованием СМИ.

Далее, по А.П. Чудинову, в списке дискурсивных характеристик следуют **стратегии и тактики**. Стратегия в политической коммуникации ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям. Стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам избирателей или гармоничное сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Говоря о дискурсивных характеристиках, исследователь описывает политический нарратив как совокупность политических текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. При этом политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. Характеристиками политического нарратива являются: тематическое единство, общность основных героев, общая событийная канва, локализованность во времени и в пространстве. Политическому нарративу также свойственно многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и рациональных и эмоциональных оценок [там же].

А.П. Чудинов подчеркивает, что основная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть, а язык при этом рассматривается как средство для завоевания социальной власти и управления обществом. Все остальные функции подчиняются осуществлению этой главной функции. Для политической коммуникации также характерны:

1. Когнитивная функция – использование языка для концептуализации мира, создания личностной, а затем и групповой политической картины мира.

2. Коммуникативная функция – передача информации, призванной оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира. Негативная или позитивная политическая интерпретация, «просеивание информации».
3. Побудительная функция – эмоциональное воздействие на адресата и формирование в его сознании соответствующей политической картины мира, реализация через непосредственные призывы к политической активности.
4. Эмотивная функция – выражение эмоций автора и возбуждение эмоций адресата, это предварительный этап для последующего побуждения адресата к действию.
5. Метаязыковая функция – объяснение смысла слова или высказывания.
6. Фатическая функция – установление и поддержание контакта между коммуникантами.
7. Эстетическая функция – ориентирована на первостепенное внимание к форме сообщения, поскольку красота и оригинальность политического текста привлекают слушателей не в меньшей степени, чем его содержание.

Автором также отмечается, что в реальной жизни вышеперечисленные функции тесно взаимодействуют, поэтому нередко их достаточно сложно разграничить.

Политическая коммуникация также имеет определенные особенности на лексическом уровне. Прежде всего, она включает особый лексический пласт политической лексики, который представляет собой тематическое объединение общеупотребительных слов, понятных абсолютному большинству граждан. Процесс пополнения данной группы происходит постоянно – за счет политологической терминологии, неологизмов, при этом некоторые слова в контексте политической коммуникации приобретают особые оттенки значения. Особой лексической единицей является идеологема – слово, в значение которого входит идеологический компонент.

Современный политический язык имеет свою специфику. Каждая из основных групп лексики, входящих в него, обусловлена, как правило, конкретной прагматической целью: **просторечная лексика** (сближение с народом), **жаргонная лексика** (сближение мира политика и мира криминала, подчеркивание естественности и общепонятности преступного слова, ведь в понимании русского человека преступник – во многих случаях смелый человек, решившийся нарушить несправедливые законы), **иноязычная лексика** (ориентир на мировые политические стандарты и общечеловеческие ценности), **сложносокращенные слова** (следование моде советского времени, ставшее привычкой) [там же].

Помимо вышеперечисленных лексических особенностей политическая коммуникация характеризуется стилистическими особенностями, обусловленными стремлением к выразительности речи. Выразительность тексту придают разнообразные тропы и стилистические фигуры: антитеза, повтор, метафора, анафора, эпифора, парцелляция и др.

Многими авторами подчеркивается интертекстуальность политического текста – он строится как диалог с другими текстами. Это достигается использованием цитат, аллюзий, реминисценций, прецедентных феноменов [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева, 1997; цит. по: Чудинов, 2006].

Методология Уральской школы строится на методах когнитивного моделирования, когда в центре внимания оказываются концептуальные метафоры, организующие политический дискурс [Чудинов, 2006; Будаев, 2007].

Метафора понимается представителями Уральской школы как ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. В основе метафоризации находится процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-

мишень элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень. В этом заключается когнитивный потенциал метафоры. Стоит также отметить, что вышеупомянутые элементы сферы-источника формируются в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, именно непосредственное взаимодействие с окружающей действительностью является базовым источником знаний согласно данной методологии [Будаев, 2007].

Кратко охарактеризуем одну ключевую для теории концептуальной метафоры гипотезу – гипотезу инвариантности, согласно которой во время метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, благодаря чему имеет смысл говорить о так называемых имплицитных метафорических следствиях, выводящихся на основе фреймового знания. Итак, когнитивная типология сферы источника определяет способ осмысления сферы-мишени, а значит – может служить основой для принятия решения [Lakoff, 1990; Turner, 1990; цит. по: Будаев, 2007].

Метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить формулой: X – это Y (например, политическая деятельность – это война), когда система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-мишени или сферы-магнита). При этом в сфере-магните сохраняется структура исходной области и эмотивный потенциал сферы-источника, а значит – создаются широкие возможности для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата [Чудинов, 2003].

Для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать следующие ее признаки:

- 1) исходная понятийная область (сфера-источник);
- 2) новая понятийная область (сфера-мишень, сфера-магнит);
- 3) относящиеся к данной модели фреймы (фрагменты наивной языковой

- картины мира);
- 4) составляющие каждый фрейм типовые слоты (элементы ситуации);
 - 5) компонент, который связывает первичные и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц;
 - 6) дискурсивная характеристика модели;
 - 7) продуктивность модели (способность к развертыванию) [там же].

Резюмируем основные положения данного параграфа: политическая коммуникация является уникальным и достаточно сложным видом коммуникативного взаимодействия, в котором сосуществуют, на первый взгляд, несовместимые черты (ритуальность и информативность, институциональность и персональность, эзотеричность и общедоступность, редуционизм и полнота информации, стандартность и экспрессивность, агрессивность и толерантность, интертекстуальность и особый характер авторства). Свойства политической коммуникации предоставляют широкие возможности для осуществления успешной манипуляции, создавая все необходимые условия для манипулирования сознанием, подразумевающего преобразование, а зачастую и искажение, картины мира адресата. Основу методологии Уральской школы составляет теория концептуальной метафоры, а ключевой метод – метафорическое моделирование.

В следующем параграфе несколько отойдем от когнитивного подхода и метафорического моделирования при изучении политического дискурса и приведем базовые положения другой отечественной школы, занимающейся исследованием политической коммуникации – лингвистики информационно-психологической войны (Красноярск, Сибирский федеральный университет).

1.3.4. Школа политической лингвистики Сибирского федерального университета и лингвистика информационно-психологической войны

Особым направлением в рамках политической лингвистики можно назвать лингвистику информационно-психологической войны, активно

разрабатываемую Красноярской школой под руководством А.П. Сквородникова, представителями которой являются А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова, Г.А. Копнина, Б.Я. Шарифуллин.

Под информационной войной понимается «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной безопасности» [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 11]. При этом в информационно-психологической войне используются психологические операции против войск и населения оппонента, психологические операции, воздействующие на процесс целеполагания и принятия решения руководством страны, информационное противоборство в историческом контексте, психологические операции в сфере культуры, подрывные психологические операции [Смирнов, 2013: 93–94; цит. по: Лингвистика информационно-психологической войны, 2017].

Коллектив авторов Сибирского федерального университета говорит об отдельном направлении исследований – лингвистике информационной войны, объектом изучения которой является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн, а предметом – конкретные речевые технологии [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 16].

В рамках лингвистики информационно-психологической войны есть два типа субъектов: субъект 1 – инициатор и субъект 2 – противостоящий инициатору. Субъекты могут меняться местами в процессе информационно-психологической войны. Объект информационной войны – сознание народа в целом или какой-то целевой группы, реже – индивида [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 22–23].

Среди ключевых понятий данного направления стоит также отметить следующие:

- 1) актер – непосредственный исполнитель;
- 2) мишень – понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, подвергающиеся негативной оценке [там же];
- 3) информационно-психологическая операция – весь комплекс мероприятий, направленных на достижение военно-политических целей информационно-психологическими целями [Караяни, Сыромятников, 2006: 242; цит. по: Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 23];
- 4) метод – способ практического осуществления операции; [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 23];
- 5) технология – система последовательно применяемых субъектами войны способов информационно-психологического воздействия [там же];
- 6) каналы распространения информации – «технологические системы производства и распространения сообщений, т.е. радио, телевидение, интернет» [Семкин, 2015: 34; цит. по: Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 24];
- 7) информационно-психологическое оружие – «совокупность средств, избирательно влияющих на психическую деятельность людей с целью задания ей необходимых характеристик, целенаправленного управления человеческим поведением, управляющих качественно-количественным состоянием информационного ресурса противника» [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 24].

В основе методологии лингвистики информационно-психологической войны лежат приемы различных лингвистических направлений: используется дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интенциональный анализ, стилистический анализ, семантический анализ, дистрибутивный анализ, статистический анализ [Лингвистика информационно-психологической

войны, 2017: 16].

В рамках текстового анализа представители данного исследовательского направления стараются выделить в тексте общие (генеральные, суперстратегии) и частные стратегии (субстратегии), которые представляются в виде иерархической схемы. Итак, авторами были обнаружены следующие стратегии в газетных публикациях:

1. Генеральная стратегия нанесения ущерба:

А. Субстратегия дискредитации:

- а) субстратегия диффамации,
- б) субстратегия прямого негативного оценивания,
- с) субстратегия косвенного негативного оценивания.

В. Субстратегия дезинформации:

- а) субстратегия лжи и/или искажения фактов,
- б) субстратегия замалчивания, сокрытия фактов,
- с) субстратегия подмены понятий, оценок, аргументов [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 63–70].

Кроме того, каждая из субстратегий характеризуется определенным набором тактик.

Что касается собственно языковых средств, используемых в текстах в период информационно-психологической войны, то сами авторы в качестве наиболее частотных приводят следующие: лексико-фразеологические средства языка с негативной коннотацией (эпитемы, существительные, негативно характеризующие ту или иную мишень, перифразы), синтаксические конструкции с отрицательно-оценочной предикативной группой, фигуративные средства (антифразис, сравнение, амплификация, оксюморон, оценочные метафоры, метонимия, антитеза, гипербола и др.) [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 101–102].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лингвистика информационно-психологической войны является областью междисциплинарных исследований, а сам изучаемый феномен

представляется достаточно сложным и многоаспектным. Вероятно, подобной многогранностью информационно-психологической войны и объясняется стремление последователей школы подключить к изучению политической коммуникации дискурсивный, контекстуальный, семантический и др. виды анализа.

Подводя промежуточный итог, отметим, что политическая лингвистика является одним из важнейших направлений лингвистических исследований, которое использует разнообразные методы и приемы анализа языкового материала, создающие методологическую базу для выявления доступных параметризации вербальных маркеров манипуляции.

1.4. Основания для выбора материала исследования

1.4.1. Понятие поляризованного политического дискурса. Политический поляризованный дискурс как источник материала исследования

Сторонники семиотического подхода определяют политический дискурс как особую знаковую систему, в которой происходит преобразование семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал, 2000: 3].

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич считают, что политический дискурс формирует «совокупность речевых актов, которые используются в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, основанных на традициях и опыте...» [Баранов, Казакевич, 1991: 6].

Т.А. ван Дейк [Dijk, 1999] характеризует политический дискурс как единство жанров политического домена и противопоставляет его некоторым другим типам дискурса – образовательному дискурсу, юридическому дискурсу и дискурсу СМИ. При этом нельзя сказать, что домен политики характеризуется четкостью границ, поскольку сам термин *политика* имеет самые разнообразные трактовки. Тем не менее, Т.А. ван Дейк настаивает на

том, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, поэтому предлагает исследовать следующий перечень социальных категорий, которые могут составить контекст для функционирования некоего текста как политического дискурса:

1. Социальный домен или поле (*societal domain or field*).
2. Политические системы (*political systems*).
3. Политические ценности (*political values*).
4. Политические идеологии (*political ideologies*).
5. Политические институты (*political institutions*).
6. Политические организации (*political organizations*).
7. Политические группы (*political groups*).
8. Политические деятели (*political actors*).
9. Политические отношения (*political relations*).
10. Политический процесс (*political process*).
11. Политические действия (*political actions*).
12. Политический дискурс (*political discourse*).
13. Политическая когниция (*political cognition*) [Dijk, 2001].

Отличительными признаками политического дискурса являются институциональность (политические субъекты являются представителями различных институтов), конвенциональность (клише, идиомы, система политических терминов), идеологичность (традиционная связь политики и идеологии, под которой понимается система социальных представлений, групповых знаний, верований, мнений) и интертекстуальность (свойство производства политических текстов в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм).

Кроме того, одним из важнейших критериев определения политического дискурса в ряду других видов дискурса является его «нацеленность» на выполнение конкретных функций в политическом процессе или действии.

Г. Сайдел выделяет следующие функции политического дискурса:

персуазивная, аргументативная, персуазивно-функциональная, дистанцирующая, функция группового объединения [Seidel, 1985].

П.Чилтон и К. Шеффнер говорят о четырех типах стратегических функций политического дискурса:

1. Принуждение.
2. Сопrotивление, оппозиция, протест.
3. Симуляция (контроль над информацией).
4. Легитимация (аргументация желаний аудитории, общие идеологические принципы, проекция харизматического лидера, позитивная самопрезентация) и делегитимизация (репрезентация других, которая носит негативный оттенок: иностранцы, «внутренние враги», институциональная оппозиция, неофициальная оппозиция) [Chilton, Schaeffner, 1997].

Согласно Е.И. Шейгал, политический дискурс характеризуется следующими функциями:

1. Функция социального контроля.
2. Функция легитимизации власти.
3. Функция воспроизводства власти.
4. Функция ориентации.
5. Функция социальной солидарности.
6. Функция социальной дифференциации.
7. Агональная функция.
8. Акциональная функция [Шейгал 2000; цит. по: Филинский, 2002].

Д. Грейбер отмечает три основных функции политического дискурса:

1. Распространение информации (information dissemination).
2. Установление темы (agenda setting).
3. Проекция в будущее и прошлое (projection to future and past) [Graber, 1981; цит. по: Филинский, 2002].

Проанализировав точки зрения различных авторов относительно функций политического дискурса, приходим к выводу о том, что во всех

исследовательских походах прослеживается функция разделения мира на «своих» и «чужих»: функции группового объединения и дистанцирующая у Г. Сайдела; легитимация и делегитимизация у П. Чилтона и К. Шеффнер; функция легитимизации (социальной солидарности и дифференциации) у Е.И. Шейгал. Кроме того, можно выделить в качестве объединяющей функцию контроля в широком смысле, которая специфицируется у каждого автора, а именно: социальный контроль (Е.И. Шейгал), симуляция или контроль над информацией (П. Чилтон и К. Шеффнер), распространение информации и установление темы (Д. Грейбер).

Отметим также, что большинство авторов сходятся во мнении, что политический дискурс нацелен на осуществление определенного воздействия на адресата, оказание влияния на его точку зрения, которое реализуется легитимно (при помощи аргументации) или нелегитимно (навязывание и принуждение), что отражается в таких функциях, как персуазивная и аргументативная (Г. Сайдел), функция ориентации (Е.И. Шейгал), функция принуждения (П. Чилтон и К. Шеффнер).

Основной функцией политического дискурса можно считать его использование в качестве инструмента реализации политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение). В политической коммуникации выделяют два уровня смысла: уровень прямо сказанного слова и уровень априорных посылок. Определяющая характеристика политического дискурса – «борьба за власть», которая предполагает привлечение как можно большего числа сторонников на свою сторону, поэтому субъекты политики должны создать дискурсивную реальность, которая удовлетворяла бы потребностям, интересам и ожиданиям аудитории. Кроме того, политический текст должен характеризоваться простотой понимания, чтобы быть понятым каждым [Алтунян, 1999].

На уровне априорных посылок все большее распространение получает политический поляризованный дискурс. Впервые о поляризованном

дискурсе как о важнейшем инструменте распространения социального неравенства заговорили еще представители критического дискурс-анализа Т.А. ван Дейк, Н. Фэркло и др. Т.А. ван Дейк, в частности, говорил об идеологическом квадрате (*ideological square*), который отражает стратегию поляризации, реализуемую четырьмя тактиками:

- 1) подчеркивание собственных позитивных характеристик / действий;
- 2) подчеркивание негативных характеристик / действий оппонента;
- 3) смягчение собственных негативных характеристик / действий;
- 4) смягчение позитивных характеристик / действий оппонента

[Dijk, 1998: 33].

Западные авторы определяют политическую поляризацию как «отхождение от центра к крайностям в политических предпочтениях» (*movement away from the centre toward the extremes*) [Fiorina, Abrams, Pope, 2008: 567].

Поляризованный дискурс, пропагандируя стереотипные представления об оппоненте и очерняя его репутацию, способствует делению общества на две группы – своих (*in-groups*) и чужих (*out-groups*) [Eissa et al., 2014]. Иными словами, в поляризованном политическом дискурсе чрезвычайно сильна идеологическая составляющая. Принимая во внимание вышесказанное, мы предполагаем, что манипуляция, как механизм позитивного представления себя и негативного представления оппонента, ярче всего должна проявляться именно в поляризованном политическом дискурсе.

Наилучшим способом масштабной трансляции идеи противопоставления двух политических сил является использование средств массовой информации.

Стоит отметить, что зачастую понятия *медиа дискурс*, *массовая коммуникация* и *публичный дискурс* используются исследователями как синонимичные. Подобная ситуация обусловлена характером адресации, поскольку публичный дискурс, в глобальном его понимании, ориентирован

на массового адресата. Тем не менее, адресатом данного дискурса может быть также множественный адресат, поэтому публичный дискурс подразумевает под собой не только массовое, но и публичное общение. Говоря о публичном общении, авторы имеют в виду ситуации непосредственной коммуникации адресанта с множественным адресатом, т. е. обширной и неоднородной аудиторией [Воронцова, 2008].

Массовая коммуникация предполагает только опосредованную коммуникацию через СМИ. А.А. Леонтьев описывает специфику массовой коммуникации следующим образом:

- 1) коммуникатор не может контролировать реакцию аудитории;
- 2) аудитория является очень разнородной и рассредоточенной психологически, поэтому ее трудно заинтересовать;
- 3) теле- и радио аудитория практически не поддается «заражению»;
- 4) посредством СМИ происходит дистрибутивное общение: адресант ориентирован на множественного адресата, который воспринимает данное общение как межличностное;
- 5) выступающий вынужден принимать во внимание разный уровень аудитории [Леонтьев 1999; цит. по Воронцова, 2008].

Публичный дискурс предполагает как опосредованную СМИ коммуникацию с массовым адресатом, так и непосредственную – с множественным. В силу характера адресации публичный дискурс характеризуется тематическим ограничением: весьма обширная аудитория должна быть заинтересована в предмете публичного дискурса. Именно интересы адресата определяют тематику публичного дискурса, которая может включать, помимо политики, также и сферы экономики и здравоохранения, вопросы этики и морали [Воронцова, 2008].

Важным отличительным фактором является образ адресанта. Ю.В. Рождественский считает: дискурс СМИ имеет дело с коллективным речедеятелем, который противопоставлен индивидуальному [Рождественский, 1997]. Адресант в публичном дискурсе – это всегда

индивидуальный речедеятель, который очень компетентен в коммуникативном аспекте. Адресант (журналист, политик, писатель), как правило, профессионально связан с речевой деятельностью и, обладая авторитетом в обществе, может оказывать влияние на мнение этого общества [Воронцова, 2008].

По мнению многих отечественных исследователей [Аносова, 2013; Грушевская, 2002; Никитина, 2006; Шейгал, 2004], целесообразно говорить о пересечении дискурса СМИ и политического дискурса, поскольку они обладают множеством сходных черт. Таким образом, в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ возникает политический дискурс СМИ, который определяется К.В. Никитиной как сложное явление, имеющее своей целью установление власти за счет формирования общественного мнения. Предназначение политического дискурса СМИ – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Политическая власть осуществляется посредством языка, который помогает политику манипулировать сознанием аудитории [Никитина, 2006].

С.В. Иванова пишет о различных аспектах изучения массмедийного текста политической направленности внутри массмедийного политического текстового пространства, делая акцент на культурологическом анализе массмедийных политических текстов и говорит об их так называемой культурологической маркированности. В частности, изучению подлежат структурная, содержательная (технологии, посредством которых автор целенаправленно воздействует на адресата и внедряет в его сознание необходимую концептуальную информацию; при этом содержательно-концептуальная информация сводится к некоторому набору идей), прагматическая и непосредственно языковая составляющие массмедийного текста. Отмечается, что массмедийный текст весьма чувствителен к разного рода языковым изменениям и всегда реагирует на них. С точки зрения языковых особенностей отмечается роль социально-культурных установок при выборе лексического наполнения [Иванова, 2008: 29–30].

Выделяются важнейшие для массмедийного политического дискурса категории – «свой-чужой», прецедентность и ценностность. Массмедийный политический дискурс строится на противопоставлении «свой-чужой», которое служит дифференциации по принадлежности / непринадлежности к кругу себе подобных. Апелляция к общим ценностям усиливает дифференциацию по принципу «свой-чужой» [Иванова, 2008: 31–32].

В целом, внутри массмедийного политического дискурса наблюдается противоборство двух противоположных тенденций – стремление к глобализации, с одной стороны, и отражение ценностных установок и культурных особенностей конкретного лингвокультурного сообщества, с другой [там же].

Массмедийный политический дискурс характеризуется технологичностью, реализуемую по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов, языковая игра в использовании вербальных и невербальных средств. Технологичность предполагает «осознанное использование совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией» [Иванова, 2008; Иванова, Чанышева, 2014: 39].

Т.А. ван Дейк, в свою очередь, подчеркивает, что обязательным признаком политического дискурса является его публичность, нацеленность на массового адресата [Dijk, 2006].

Политический дискурс СМИ можно отнести к политическому дискурсу или «дискурсу в политической сфере» [Базылев, 1998: 7], «любым речевым образованиям, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004: 23]. По мнению многих лингвистов, основная функция политического дискурса СМИ – регулятивная. Безусловно, любой текст оказывает определенное воздействие на сознание адресата, однако для политического текста речевое воздействие – это сама цель коммуникации, которую достигают адресанты с помощью самых разнообразных языковых

средств [Паршин, 1987].

В завершение параграфа делаем следующий вывод: целенаправленное распространение ментальных моделей, которые заставляют людей острее чувствовать свою приверженность к «своим» и отторжение по отношению к «чужим», можно считать методом манипуляции, позволяющим оказывать влияние на политические воззрения на массовом уровне. Данная методика реализуется политической элитой через внутренние каналы коммуникации или «дружественные» СМИ. Нашу выборку материала для исследования составили поляризованные политические новостные медиа дискурсы.

1.4.2. Критерии разграничения в выборке текстов с манипулятивной функцией и текстов с воздействующей неманипулятивной функцией

Материалом нашего исследования стали статьи качественной американской прессы – новостные статьи американских изданий *The Washington Post* и *The New York Times*, которые являются старейшими изданиями, содержащими срочные новости, репортажи на животрепещущие национальные и международные темы, очерки и комментарии. Целевая аудитория – среднестатистический американец, интересующийся ситуацией в США и мире.

Газета *The Washington Post* была основана в 1877 году Стилсоном Хатчинсом. В настоящее время газета входит в число ведущих ежедневных изданий США. *The New York Times* была создана в 1851 году и является одной из влиятельнейших газет мира. Сайты данных изданий считаются самыми популярными новостными сайтами с посещаемостью более 30 миллионов человек в месяц.

Нами были отобраны статьи, взятые с новостных сайтов данных изданий и освещающие политическую ситуацию на Украине в период с сентября 2014 по конец 2018 года.

Нашим исходным предположением было, что в данных статьях будут наблюдаться самые разнообразные средства манипуляции, поэтому мы сможем выделить достаточное количество маркеров манипуляции, которые впоследствии будут использованы при компьютерной обработке текстовых данных для создания классификатора текстов. Мы уже упоминали о том, что разграничиваем воздействие и манипуляцию по следующим признакам: воздействие оказывается открыто и дает адресату возможность осознанного решения; а манипуляция – это скрытое воздействие на установки и ценности адресатов, при котором последние лишены возможности осознанного выбора. Чтобы доказать это и обосновать выборку материала, выдвинем следующую гипотезу: мы можем утверждать, что в анализируемых дискурсах на американских граждан осуществляется скрытое манипулятивное воздействие, если 1) значительно увеличивается количество упоминаний России в СМИ; 2) при этом растет неприязнь американского населения к русским, а 3) сами тексты статей не являются экстремистскими, т.е. не содержат прямого воздействия в форме открытых призывов.

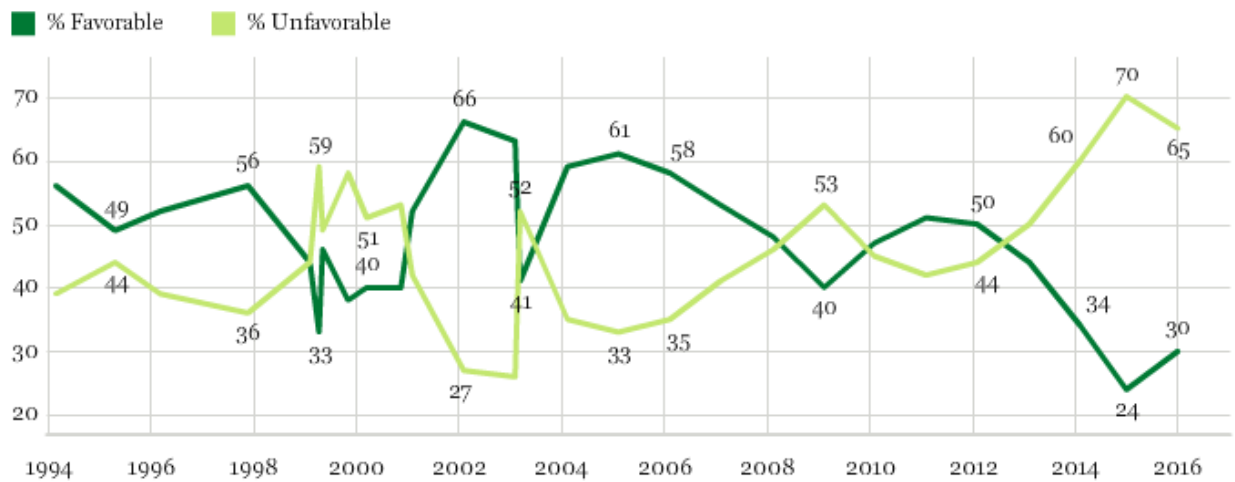
Для проверки данной гипотезы мы изучили данные социологических исследований, посвященных отношению американцев к русским, подсчитали количество статей в издании *The New York Times* в период с 2000 по 2016 гг., в которых фигурируют номинация Россия и антропоним *Владимир Путин* (как основные маркеры «русской» тематики в СМИ) за последние 16 лет, а также проанализировали материал нашего исследования на предмет присутствия в нем экстремистских текстов.

Рассмотрим результаты нескольких социологических исследований на тему отношения американцев к России, проведенных Американским институтом общественного мнения – Институтом Гэллапа – в 2016 году. Отметим, что Институт Гэллапа был основан в 1935 году и пользуется международным авторитетом как один из наиболее надежных анализаторов общественного мнения в США и в мире [The Gallup Institute [сайт] URL: <http://www.gallup.com/home.aspx>].

В статьях «*Americans Increasingly See Russia as Threat, Top U.S. Enemy*» и «*Americans See Russia Less Negatively, as Less of a Threat*», опубликованных в начале 2016 года, отражены результаты социологического исследования отношения американцев к России. Ниже на графике представлены кривые положительного и отрицательного отношения, которые наглядно демонстрируют, что с 2013 года произошел резкий рост негативных мнений о России, число которых в 2015 году достигло отметки в 70 %, что является самой высокой цифрой за последние 22 года. Число американцев, высказавшихся в положительном ключе, упало до рекордных 24 %. Несмотря на незначительную положительную динамику – 30 % в 2016 году – американцы продолжают негативно высказываться в отношении России.

Как отмечают специалисты Института Гэллапа, отношения США и России с самого начала складывались непросто, государства пережили эпоху Холодной войны и железного занавеса. Тем не менее, с 90-х годов в отношениях наметилось потепление, и в 2002 году 66 % американцев высказывались положительно в адрес России. По мнению американских исследователей, все закончилось в 2012 году, когда Владимир Путин снова был избран президентом: его дискриминационная политика против сексуальных меньшинств и военная интервенция на Украине привели к тому, что в 2015 году этот показатель опустился до отметки в 24 % (см. Рис. 1) (*This sentiment began to crash when Vladimir Putin returned to the presidency in 2012. Some of his policies and actions, including discriminatory policies against gays and Russia's involvement in Ukraine, contributed to favorability dropping to a low point of 24% last year*).

Рисунок 1. – Мнение американцев о России, 1994–2016 гг.

GALLUP®

Сами специалисты признают, что произошедший за последний год небольшой подъем в 6 % обусловлен, вероятно, тем, что Россию перестали тиражировать во всех газетных заголовках (как это было в 2013 и 2014 годах): «*The reason for this may be that Russia simply isn't dominating news headlines as it did in 2013 and 2014*». Кроме того, отмечается дружелюбное отношение молодых американцев в возрасте от 18 до 34 лет (за исключением последних двух лет), что может быть объяснено тем фактом, что они не жили во времена холодной войны и не воспринимают Россию как врага и агрессора.

Ниже на Рисунке 2 в процентном соотношении представлено положительное отношение американского населения к Российской Федерации в зависимости от возрастной категории и политической партии.

Рисунок 2. – Мнение американцев о России, возрастные группы и политические партии

% Favorable

	2013	2014	2015	2016
18-29	53	42	28	43
35-54	45	35	34	30
55 and older	35	27	13	21
Republican	39	31	20	30
Independent	44	37	25	32
Democrat	48	33	26	29

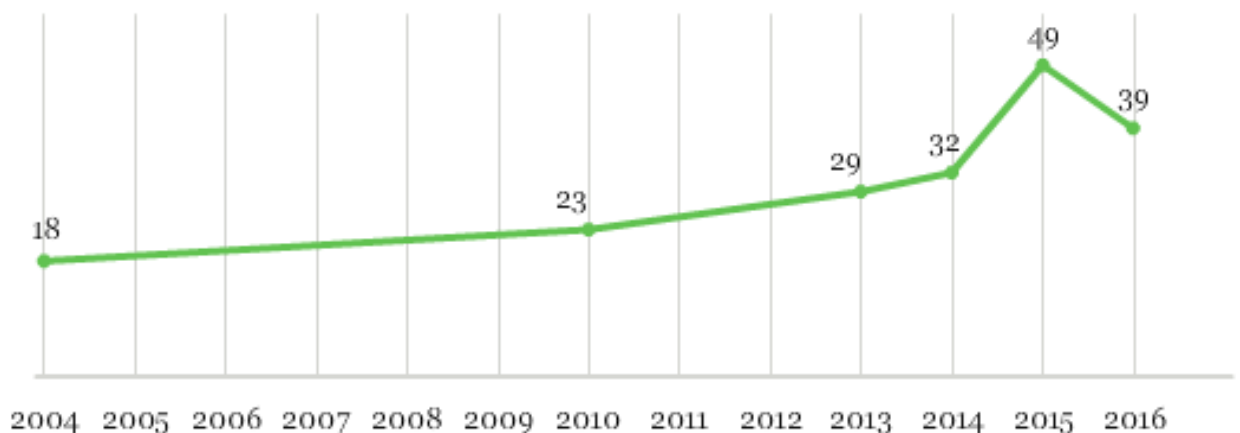
Feb. 3-7, 2016

GALLUP®

Возврат Крыма в состав территории РФ также повлиял на то, что в 2015 году 49 % американцев стали воспринимать военную мощь России как критическую угрозу безопасности США. Сейчас этот показатель идет на спад, поскольку «Россия не вторглась на территорию других государств бывшего СССР» («*Russia has not invaded other former Soviet republics*») и не предприняла попытку продемонстрировать свою агрессию по отношению к США (см. Рис. 3).

Рисунок 3. – Восприятие России как критической угрозы США

■ % Critical threat

Кроме того, по мнению социологов Института Гэллага, американцы стали воспринимать Россию как злейшего врага – по этому показателю

Россия обошла даже Северную Корею. Еще в 2012 году лишь 2 % среднестатистических американцев рассматривали Россию как врага США, а уже в 2015 году эта цифра выросла до 18 % (см. Рис. 4).

Рисунок 4. – Враги США 2011-2015 гг. – мнение американцев

	2011	2012	2014	2015
	%	%	%	%
Russia	3	2	9	18
North Korea/Korea (nonspecific)	16	10	16	15
China	16	23	20	12
Iran	25	32	16	9
Iraq	7	5	7	8
Countries in which ISIS operates	--	--	--	4
Middle East (nonspecific)	--	--	2	4
Syria	--	*	3	4
Afghanistan	9	7	5	3
United States itself	2	1	2	2
Japan	*	1	*	1
Saudi Arabia	1	1	1	1
Pakistan	2	2	1	*
Other	9	3	7	7
None/No opinion	10	12	11	13

* Less than 0.5%

GALLUP®

Результаты данного социологического исследования основаны на телефонных интервью, проведенных в период с 3 по 7 февраля 2016 года. Были случайным образом отобраны мнения 1021 американца в возрасте от 18 лет, живущих во всех 50 штатах и округе Колумбия. Погрешность составляет около 4%, что говорит о 95% уровне надежности исследования.

Представляется, что есть основания для того, чтобы провести параллели между ухудшением отношений между представителями двух государств и числом упоминаний оппонента в прессе, ведь СМИ в напряженной политической ситуации, в ситуации поляризованного дискурса стремятся создать негативный образ оппонента и переложить на него ответственность за разжигание конфликта. В связи с этим, мы проанализировали количество упоминаний России (Russia) и Владимира

Путина (Putin) в статьях газеты *The New York Times* с 2000 по 2016 гг. и пришли к выводу, что существует обратная зависимость между тиражированием России в газетных статьях и отношением американцев к русским: чем чаще упоминается Россия в СМИ (как правило, в негативном свете), тем сильнее неприязнь американцев к русским.

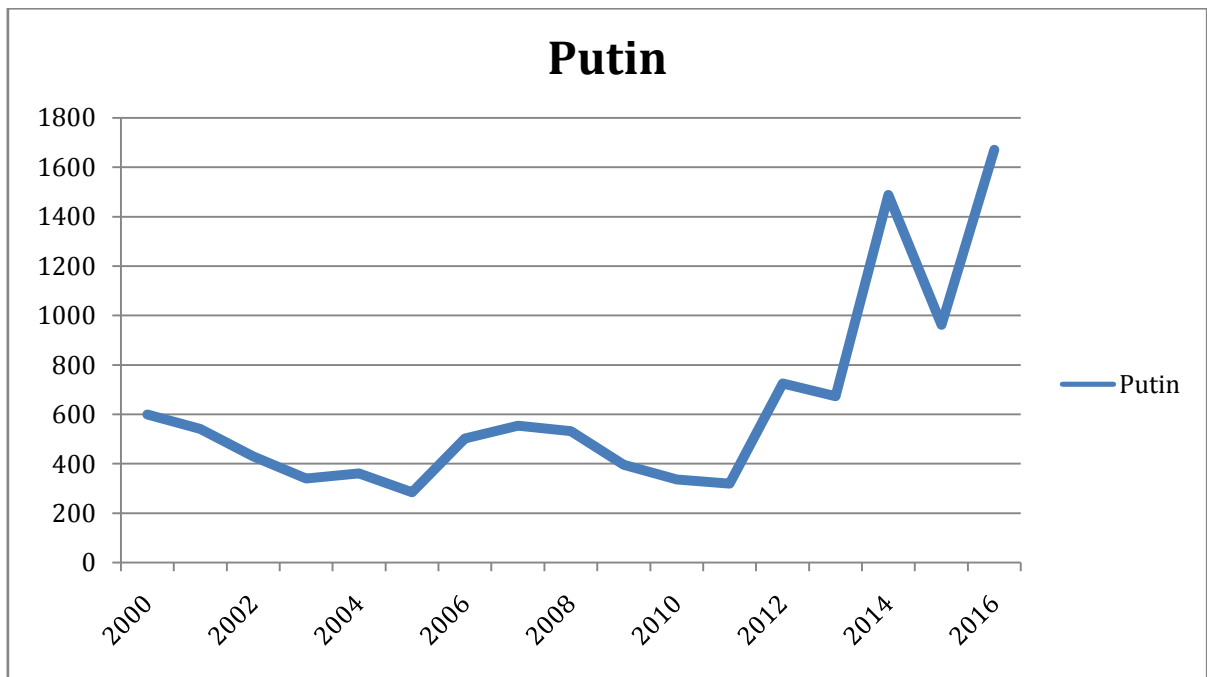
Например, в 2014 году, когда произошло присоединение Крыма к России, военный конфликт в восточной Украине и введение санкций, в статьях газеты *The New York Times* Россия упоминалась 4866 раз. Для сравнения: в начале 2000-х гг. значения колебались в диапазоне от 1714 до 2477, затем эта цифра увеличивалась постепенно, резкий подъем наблюдается в 2014 (4866) и 2016 гг. (5777). Данные представлены ниже на графике (График 1).

График 1. – Упоминание России в издании *The New York Times* в период с 2000 по 2016 гг.

Аналогичным образом проанализировано упоминание имени президента Российской Федерации Владимира Путина (График 2).

График 2. – Упоминание имени президента России Владимира Путина в издании *The New York Times* в период с 2000 по 2016 гг.

Далее рассмотрим статьи из нашего исследовательского корпуса на предмет их принадлежности к категории экстремистских текстов. В качестве теоретической базы мы использовали работу «Экстремистский текст и деструктивная личность», написанную коллективом авторов Уральского государственного педагогического университета [Экстремистский текст и деструктивная личность, 2014]. Издание включает главу, посвященную политическому экстремизму как социально-политическому явлению, где на основе анализа экстремистских текстов выделяются конstitutивные признаки данного жанра политической коммуникации.

По мнению авторов исследования, экстремистские тексты основаны на информационно-психологическом воздействии на массовое сознание, которое осуществляется в том числе с помощью технологий психологического манипулирования в СМИ – образ врага, очевидцы событий, лидеры мнения, правда наполовину и т.п., – а также приемов пропаганды – навешивание ярлыков, подтасовка карт, ссылка на авторитеты и т.п. [Экстремистский текст и деструктивная личность, 2014: 84]. Кроме того, манипуляторы дезинформируют, создают ложные стереотипы, модели поведения, выгодные для них.

Среди черт, характерных для экстремистских текстов, выделяются следующие:

- 1) вырывание из исторического контекста определенных отрывков, мнений;
- 2) коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих» (противопоставление);
- 3) семантическое усиление (часто – при помощи военной лексики);
- 4) прямой призыв, представленный в виде словесных конструкций, состоящих из глагола в единственном числе в форме повелительного наклонения, который иногда сопровождается глаголом действия в неопределенной форме [Экстремистский текст и деструктивная личность, 2014: 93–94].

Таким образом, благодаря правильно выстроенной тактике подачи информации становится возможным:

- 1) вызвать негативное (агрессивное) отношение населения к руководству страны;
- 2) вызвать у населения страх или панику;
- 3) нанести ущерб международному имиджу страны;
- 4) поставить под сомнение традиции, культуру, ценностные ориентации народа в интересах манипулятора [там же].

Исходя из понимания специфики экстремистских текстов, мы можем констатировать, что проблема дифференциации текста, содержащего манипуляцию, и экстремистского текста заключается в том, что в них наблюдается очень много сходных черт. Сами авторы подчеркивают, что экстремистские тексты построены с помощью использования ресурсов манипуляции. Однако наиболее существенным, на наш взгляд, отличительным признаком экстремистских текстов являются открытые призывы, выражающиеся с помощью глаголов в единственном числе в форме повелительного наклонения. Призывы направлены на возбуждение ненависти к оппоненту, к совершению экстремистских действий.

Перечисленные ранее приемы манипуляции характерны не только для экстремистских текстов – они наблюдаются в любом тексте, содержащем манипулятивное воздействие. На наш взгляд, верно следующее утверждение, уточняющее наши предыдущие гипотезы: любой экстремистский текст является манипулятивным, но не всякий текст, содержащий манипуляцию, можно назвать экстремистским.

Проанализируем несколько случайно выбранных из изучаемого нами материала статей на предмет их принадлежности к экстремистским текстам, чтобы понять, с каким типом воздействия мы имеем дело.

Анализ материала заключался в поиске изложенных нами выше конститутивных характеристик экстремистского текста в статьях *The Washington Post* и *The New York Times*. Дискурсивный анализ материала позволил обнаружить следующие признаки экстремистских текстов в корпусе, содержащем выборку статей американских СМИ, предварительно классифицированных нами как манипулятивные:

- 1) деление мира на «своих» и «чужих»;
- 2) семантическое усиление, реализуемое с помощью милитаристской лексики (см. параграф 2.6.1);
- 3) вырывание из исторического контекста отрывков и мнений.

В статье» *The Washington Post* под названием «*In Putin's Russia, it just got easier to find the perpetrators of Stalin's purges*» высказывание Владимира Путина относительно роли Иосифа Сталина в истории государства вырвано из контекста и включено в статью, посвященную так называемой «чистке», где описываются бесчисленные убийства в эпоху «Большого террора». Заявляется, что был найден архив с именами 700000 человек, которые были убиты по указу Сталина с 1935 по 1939 гг. Затем подчеркивается, что Владимир Путин совсем недавно говорил о том, что именно Сталин защитил страну от нацизма во время Второй мировой войны и превратил Советский Союз в великую державу.

(1) *“The archive, culled from the records of Stalin’s security forces (the NKVD) and posted on the website of Memorial, the human rights group, for the first time names those who carried out some 700,000 executions from 1935 to 1939 during “The Great Terror.” Russian President Vladimir Putin has in recent years revised Stalin’s legacy, emphasizing the dictator’s role in defeating Nazi Germany in World War II and turning the Soviet Union into a world power.”(In Putin’s Russia, it just got easier to find the perpetrators of Stalin’s purges, 2016)*

Данные были изъяты из архива службы безопасности Сталина (НКВД) и размещены на сайте Мемориала, группы защиты прав человека, среди первых – имена тех, кто совершил 700000 казней в период с 1935 по 1939 во времена «Большого террора». Президент России Владимир Путин в последние годы пересмотрел наследие Сталина, подчеркнув роль диктатора в борьбе с нацистской Германией во время Второй мировой войны и превращении Советского союза в мировую державу.

Таким образом, автор косвенно наводит читателя на мысль о том, что Путин одобрительно высказывается и насчет политики «Большого террора». Приведем ответы Владимира Путина во время «Прямой линии», на которые ссылаются американские журналисты: *«Нельзя, на мой взгляд, давать оценки в целом. Очевидно, что с 1924 по 1953 год страна, а страной тогда руководил Сталин, изменилась коренным образом, она из аграрной превратилась в индустриальную. Правда, крестьянства не осталось, но индустриализация действительно состоялась. Мы выиграли Великую Отечественную войну. И, кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута».*

Затем Путин подчеркнул, что методы Сталина были неприемлемыми: *«Но весь тот позитив, который, безусловно, был, тем не менее, достигнут был неприемлемой ценой, репрессии, тем не менее, имели место быть – это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан. И такой способ управления государством, достижения результата неприемлем – это невозможно».*

Президент также весьма негативно высказался об эпохе сталинизма, назвав его «уродливым явлением»: *«Да, сталинизм — «уродливое явление», но его все же нельзя ставить на одну доску с нацизмом».*

Вырвав из контекста мнение Владимира Путина о Сталине, автор манипулирует читателем, показывает ситуацию с удобной ему стороны. У читателя создается впечатление, что Владимир Путин в положительном ключе высказывается о политике Сталина.

Языковая демагогия, репрезентируемая через коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих», позволяет журналисту создать биполярный образ мира, что, в свою очередь, помогает ему дать удобную ему одностороннюю интерпретацию ситуации. В текстах подобный принцип проявляется через употребление местоимения множественного числа «мы» и его притяжательных и указательных форм «наш», «нас», «нам». Для анализируемого нами материала также характерен этот прием: в одной из статей *The New York Times* авторы при помощи местоимения *мы* призывают властей других государств, а также простых граждан объединиться, чтобы встать на пути России-агрессору.

(2) *“We need to use all methods to stop Russian military aggression” (Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine, 22/08/14).*

Мы должны использовать все средства, чтобы остановить военную агрессию со стороны России.

При анализе текстов мы отмечаем наличие большого количества лексики на военную тематику в статьях западных СМИ (параграф 2.6.1). Обусловлено это желанием журналистов создать устрашающий образ врага, запугать аудиторию. Текстуальный анализ показал, что и выбранные в этот раз случайным образом статьи не являются исключением. В примере 3, взятом из статьи *The New York Times*, рассказывается о предполагаемых испытаниях вооружения, проводимых Россией вопреки действующему соглашению от 1987 года. В статье подробно описаны имеющиеся у России

единицы вооружения, а также обеспокоенность США в связи со сложившейся ситуацией.

(3) *“Each missile battalion is believed to have four mobile launchers with about half a dozen nuclear-tipped missiles allocated to each of the launchers. The mobile launcher for the cruise missile, however, closely resembles the mobile launcher used for the Iskander, a nuclear-tipped short-range system that is permitted under treaties” (Russia deploys missile, violating treaty and challenging Trump, 14/02/2017).*

Как мы предполагаем, каждый ракетный дивизион имеет четыре мобильные пусковые установки и около полдюжины ракет с ядерными боеголовками на каждой из них. Тем не менее, мобильная пусковая установка для крылатых ракет напоминает мобильную пусковую установку комплекса «Искандер», разрешенную в рамках договора.

Проанализировав несколько ранее выбранных статей из изданий *The Washington Post* и *The New York Times*, мы не обнаружили прямых призывов к действию, прямых призывов к экстремизму.

Подводя итог всему вышесказанному, резюмируем: анализируемый нами материал нельзя категоризовать как экстремистский, поскольку несмотря на значительный манипулятивный потенциал статей, в них не содержится прямых призывов к жестким насильственным действиям или оскорблений.

Итак, принимая во внимание тот факт, что, согласно социологическим данным, в течение последних 3 лет неприязнь американцев к русским растет, количество статей в американской прессе, в которых упоминается Россия и Президент Владимир Путин, также увеличивается, при этом сами статьи не являются экстремистскими текстами, делаем вывод: в американском политическом массмедийном дискурсе реализуется, преимущественно, манипулятивное воздействие на американских граждан, в результате которого возможно искажение образа России в картине мира реципиентов подобных текстов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Первая глава посвящена теоретическим основам изучения политического дискурса, рассмотренного во взаимодействии с массмедийным дискурсом. Данный феномен вызывает к себе интерес многих современных исследователей, поскольку сфера политики и отношения власти всегда находятся в центре внимания общества. На фоне сложившейся геополитической напряженности в контексте отношений России и США эта тема приобретает еще большую значимость. В нашем исследовании речь идет о наиболее идеологизированном массмедийном политическом дискурсе – поляризованном массмедийном политическом дискурсе, поскольку именно внутри поляризованной коммуникации манипуляция проявляется особенно ярко.

Подробный анализ различных научных подходов к определению понятия *манипуляция*, понимаемому как вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования, позволил получить наиболее полное представление о данном феномене, а детальное изучение манипулятивных стратегий, условий и средств манипуляции на различных языковых уровнях способствовало глубокому пониманию инструментария для выявления коммуникативной манипуляции.

Работа с теоретическим материалом остро поставила вопрос о необходимости дифференциации близких, на первый взгляд, понятий «манипуляция» и «воздействие». Анализ продемонстрировал, что их основополагающее отличие заключается в том, что манипуляция всегда является непрямым воздействием, направленным на причинение ущерба адресату, а речевое воздействие может быть как открытым, так и скрытым, и в обоих случаях не всегда наносит ущерб интересам объекта. Так, психотерапевтическое воздействие является скрытым, но при этом преследует цель – помочь пациенту в решении психологических и психосоматических проблем.

Следующее разграничение, необходимость которого потребовалась в ходе работы, – это дифференциация смежных понятий «манипулятивный текст» и «экстремистский текст». Главной отличительной чертой экстремистских текстов являются открытые призывы к насилию, унижению и оскорблениям; манипулятивные же тексты формируют ярко выраженное противопоставление «своих» и «чужих» без открытых побуждений к противоправным действиям.

Подобное разделение общества на «своих» и «чужих» наиболее убедительно и экспрессивно реализуется в поляризованном политическом дискурсе, понимаемом как дискурс, пропагандирующий стереотипные, очерняющие репутацию представления о политическом оппоненте и восхваляющий сторону «своих», благодаря чему создается эффект поляризации.

Поляризованный политический дискурс может быть изучен при помощи дискурс-анализа и/или методологии коммуникативно ориентированной политической лингвистики, которая на сегодняшний момент активно развивается как за рубежом, так и в России. Анализ особенностей использования критического дискурс-анализа и некоторых других традиций изучения политического дискурса позволил отобрать и обосновать дискурсивный инструментарий нашего исследования.

Итоговый вывод Главы 1 заключается в следующем: манипуляция как вид речевого воздействия является центральным понятием поляризованного политического дискурса СМИ, конститутивным признаком которого является борьба за власть и противопоставление «мы – они»; выявить вербальные средства манипуляции позволяет использование инструментария критического дискурс-анализа и методологии коммуникативно ориентированной политической лингвистики.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАРАМЕТРОВ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ДИАГНОСТИРОВАНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЯРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗРАБОТКИ КОМПЬЮТЕРНОГО КЛАССИФИКАТОРА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

2.1. Автоматическая обработка естественно-языковых данных и статистические исследования в лингвистике

На сегодняшний момент существуют самые разнообразные наименования, имеющие то или иное отношение к автоматической обработке текстов – *прикладная лингвистика, структурная лингвистика, математическая лингвистика, компьютерная лингвистика, инженерная лингвистика, корпусная лингвистика* [Рубашкин, 2012: 240].

По А.Н. Баранову, *прикладная лингвистика* – это деятельность по приложению научных знаний об устройстве и функционировании языка в нелингвистических научных дисциплинах и в различных сферах практической деятельности человека, а также теоретическое осмысление такой деятельности [Баранов, 2001: 7]. Употребление данного термина в более узком значении, а именно – лингвистика, ориентированная на компьютерные информационные технологии – вполне соответствует другому названию *компьютерная лингвистика*. Вместо упоминания о математической и структурной лингвистике все чаще говорят об *инженерном моделировании* разных аспектов языковой компетенции, т. е. о языковой инженерии, куда входят технологии распознавания устной и письменной речи, автоматический перевод, автокорректоры, системы поддержки естественно-языкового диалога с техническими системами и др. [Рубашкин, 2012: 241–242].

Обратимся к истории возникновения прикладной (компьютерной, математической) лингвистики. О применении математических и

статистических методов в языкознании говорили еще Ф. де Соссюр и И.А. Бодуэн де Куртенэ, однако использовать их стали лишь в начале XX века в связи с развитием структурной лингвистики [Гладкий, 1973: 95]. Первыми это сделали Э. Форстеманн, В.Я. Буняковский, А.А. Марков, Дж. Юл. Тем не менее, данные исследования были направлены на разработку количественных методов и статистических теорем и не имели отношения собственно к лингвистической науке [Звегинцев, 1962: 115].

В рамках математической лингвистики работали немецкий ученый Дж. Ципф [Zipf 1935; 1949; цит. по: Верховин, 2013], изучавший соотношения между рангом и частотой слова; американские исследователи К. Шэннон и У. Уивер [Shannon 1949; цит. по: Верховин, 2013], которые одними из первых стали применять понятия теории информации для лингвистического описания; Г. Хердан [Herdan 1956; цит. по: Верховин, 2013], а также заложивший основы отечественной количественной лингвистики Р.Г. Пиотровский и др. В последующем некоторые другие отечественные ученые стали работать в данном направлении и внедрять количественные методы в исследования языка: Б.В. Сухотин [Сухотин, 1990], В.Г. Адмони [Адмони, 1963], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1964], Б.Н. Головин [Головин, 1971] и др.

Б.Н. Головин [Головин, 1941: 11–14] объясняет интерес к математическим и статистическим методам в лингвистике следующим образом: языку присущи количественные признаки, между качественными и количественными характеристиками языковой структуры существует внутренняя зависимость, частота употребления тех ли иных языковых элементов может быть описана статистическими законами.

Вероятностно-статистическими методами занимается статистическая лингвистика. Статистическая лингвистика – дисциплина, изучающая количественные закономерности естественного языка, проявляющиеся в текстах [БСЭ, 1978].

Обработка естественных языков – одно из наиболее популярных

направлений компьютерной лингвистики в настоящее время, позволяющее осуществлять самые различные манипуляции с текстовыми данными. Основа данной технологии – понимание завершенных человеческих высказываний. Технологии, основанные на обработке естественных языков, становятся все более распространенными, программисты и специалисты по компьютерной лингвистике ставят перед собой следующие цели: распознавание речи, анализ текста, генерирование текста, синтез речи. Решение данных задач позволит расширить возможности машинного перевода, автоматического реферирования и аннотирования текстов, кроме того, создать естественно-языковой компьютерный интерфейс [Bird, Klein, Loper, 2009].

Впервые заговорили об обработке естественных языков в 2001 году в рамках курса по компьютерной лингвистике в Университете Пенсильвании. В настоящее время принципы обработки естественных языков изучаются во многих университетах, на их основе реализуется множество исследовательских проектов. Изначально идея обработки естественных языков включала в себя четыре составляющих: простота, последовательность, расширяемость, модульный принцип. Анализ языковых данных на разных уровнях обеспечивают методы и средства компьютерной лингвистики, а именно:

- 1) программы морфологического анализа, позволяющие получить размеченный текст, в котором каждому слову приписаны морфологические характеристики (AOT, Mystem, RCO Morphology, Starling);
- 2) лемматизаторы, обеспечивающие процесс соотнесения отдельных форм слова с его начальной формой;
- 3) стеммеры, реализующие отсечение от слова окончаний, чтобы основа была одинаковой для всех грамматических форм;
- 4) программы синтаксического анализа (парсеры), осуществляющие сопоставление линейной последовательности лексем с его формальной грамматикой, в результате чего выстраивается

синтаксическая структура предложения в виде дерева зависимостей или дерева составляющих (Rus4IR, ЭТАП-3);

- 5) программы семантического анализа, предполагающие получение семантически размеченного текста, когда все слова отнесены к определенным значениям или лексико-семантическим категориям [Компьютерные технологии в лингвистике и морфологии, 2013: 17–18].

Особо актуальны в рамках специализированных исследований лингвистические базы данных (совокупности материалов, организованные определенным образом) под управлением особых систем (СУБД) – BerkeleyDB, Microsoft Access, Microsoft SQL Server, MySQL, Oracle, PostgreSQL [там же: 18].

В рамках компьютерной лингвистики достаточно развита корпусная лингвистика, занимающаяся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов, под которыми понимаются большие, представленные в электронном виде, унифицированные, структурированные, размеченные, филологически компетентные массивы языковых данных, предназначенные для решения конкретных лингвистических задач. В контексте разговора о корпусной лингвистике немаловажным оказывается понятие *разметка*, которая заключается в приписывании текстам и их компонентам особых меток: экстралингвистических, структурных и собственно лингвистических. Для решения конкретных лингвистических задач наличия одного лишь массива текстовых данных недостаточно, именно поэтому разработчики создают размеченные корпуса. Имеет смысл говорить о разных типах разметки, так обычно выделяются: морфологическая, синтаксическая и семантическая [Компьютерные технологии в лингвистике и филологии, 2013: 19–23; Захаров, Богданова, 2013].

Специализированные корпусные менеджеры помогают исследователям и рядовым пользователям получать необходимую информацию из корпусов.

Примерами объемных и представительных корпусов являются национальные языковые корпуса: Британский национальный корпус, Чешский национальный корпус, Корпус современного американского английского, Национальный корпус русского языка [там же].

Компьютерная лексикография (создание и использование электронных словарей) и машинный перевод также являются достаточно разрабатываемыми областями прикладной компьютерной лингвистики. В частности, созданию разного рода электронных частотных словарей посвящен ряд исследований: С.А. Шаров, О.Н. Ляшевская (электронные частотные словари русского языка, в том числе на материале Национального корпуса русского языка) [Ляшевская, Шаров, 2009].

Что касается машинного перевода, то начало работ по созданию подобных систем приходится на 50-е гг. XX в. В рамках разработок теории машинного перевода можно выделить два подхода: метод попарных соответствий и представление смысла текста на специальном искусственном языке-посреднике [Компьютерные технологии в лингвистике и морфологии, 2013: 28–31].

Среди отечественных исследователей, работающих в русле компьютерной лингвистики, стоит особенно отметить специалистов из лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии Московского государственного университета, кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета.

2.2. Методы машинного обучения в лингвистике

В настоящее время алгоритмы машинного обучения достаточно популярны, поскольку они доказали свою практическую ценность в решении самых разнообразных задач. В особенности они незаменимы при решении

проблемы поиска закономерностей или паттернов в данных, когда при наличии обширных баз данных могут выявляться неявные, но весьма ценные, закономерности, которые могут быть обнаружены автоматически (например, при анализе результатов лечения на основе базы данных пациентов), а также в ситуациях, когда люди не обладают необходимыми навыками и возможностями для решения той или иной задачи или объем данных слишком большой (распознавание лиц с помощью изображений). Кроме того, методы машинного обучения широко применяются тогда, когда программа должна быстро адаптироваться к изменяющимся условиям (например, контролировать процесс производства при изменении объема запасов) [Mitchel, 1997: 17].

Т.М. Митчел в своей монографии «Machine learning», говоря об истории появления методов машинного обучения, перечисляет научные направления и разработки, оказавшие наибольшее влияние на их появление и становление – искусственный интеллект, байесовские методы, теория вычислительной сложности, теория информации, философия, статистика [Mitchel, 1997: 4–5].

С появлением методов машинного обучения стала развиваться статистическая лингвистика, которая активно разрабатывала алгоритмы классификации при обработке текстов: так были решены задачи обнаружения спама, сортировки документов по тематикам, выделения именованных сущностей. Здесь, несомненно, стоит упомянуть о некоторых успешных разработках: скрытые цепи Маркова [Baum, Eagon, 1967; Baum et. al., 1970; Baum, 1972] и модели максимальной энтропии [Jaynes, 1963; 1986], благодаря которым стало возможным получить точное определение частей речи в компьютерной лингвистике, появились парсеры на основе вероятностных контекстно-независимых грамматик, в корпорации IBM был реализован глобальный проект по статистическому машинному переводу. Параллельно закладывались основы глубинного обучения (deep learning). Глубинное обучение – обучение многоуровневых («глубоких») нейронных

сетей на больших объемах данных, позволяющих исключить работу по созданию признаков для машинного обучения, предоставляя возможность одновременного обучения выделению признаков и обучения непосредственно самой задаче [Велихов, 2016].

В 2010 году была предложена модель лексикализованной вероятностной грамматики, которая позволила повысить точность грамматического разбора до 93%. Параллельно разработчики сумели увеличить и скорость грамматического разбора. Важнейшим прорывом можно назвать тот факт, что все ведущие алгоритмы стали доступны широким массам исследователей. Наибольшую известность в области глубинного обучения получил алгоритм Томаса Миколова [Велихов, 2016].

В Таблице 7 представлены имеющиеся на данный момент инструменты для работы с естественным языком и области, в которых они наиболее актуальны и применимы. Инструменты условно можно разделить на три группы: методы работы с отдельными лексемами, методы работы с предложениями и методы для обработки произвольных текстов из нескольких предложений [там же].

Таблица 7. – Инструменты для работы с естественным языком

Пакет	Язык	Направление	Источник
Stanford Core NLP	Java	Статистическая лингвистика	Stanfordnlp.github.io/CoreNLP
NLTK	Python	Статистическая лингвистика	www.nltk.org
OpenNLP	Java	Статистическая лингвистика	Opennlp.apache.org
Word2vec	C	Векторные представлен	Code.google.com/archive/p/word2vec

		ия	
Gensim	Python	Векторные представлен ия	Radimrehurek.com/gensim
Spark MLlib	Java/Scala/Python	Векторные представлен ия	Spark.apache.org/docs/latest/ml-lib-guide.html
Glove	C	Векторные представлен ия	Nlp.stanford.edu/projects/glove
GoogleTensorflow	Python/C++	Глубинное обучение	www.tensorflow.org
Theano	Python	Глубинное обучение	Deeplearning.net/software/theano
Caffe	DSL	Глубинное обучение	Caffe.berkeleyvision.org

В современной компьютерной лингвистике существует несколько групп методов машинного обучения, среди которых выделяют следующие:

- 1) метрические методы классификации;
- 2) статистические методы классификации;
- 3) линейные методы классификации;
- 4) регрессионные методы;
- 5) искусственные нейронные сети;
- 6) кластеризация.

Классификация представляет собой определение одного из нескольких классов, к которому принадлежит объект – часть речи, падеж и т. п. При этом: 1) перечень этих классов известен, 2) имеется обучающая выборка. Если же обучающая выборка мала или отсутствует вовсе, используются алгоритмы кластеризации. Кластеризация предполагает разбиение всего

множества объектов на группы, исходя из косвенных соображений и не используя данные о том, какие именно это группы. Впоследствии оцениваются слова в каждом кластере, и складывается определенное представление об этих классах. Иногда необходимо производить регрессионный анализ, задачей которого является оценка функциональной зависимости между какими-то структурами (например, входной текст – машинный перевод какого-либо текста – и количество времени, которое потратит переводчик на исправление машинного перевода) [Прикладная и компьютерная лингвистика, 2016: 124–137].

Метрические методы классификации предполагают введение метрики – условного расстояния между любыми двумя объектами. Основное требования для метрики – объекты одного класса должны быть близки, а объекты разных классов – далеки друг от друга, согласно этой мере. Существует несколько вариаций данного метода:

- 1) метод ближайших соседей;
- 2) метод k ближайших соседей;
- 3) метод парзеновского окна;
- 4) срез выбросов.

Статистические методы классификации направлены на построение вероятностной модели, когда каждому классу y_i сопоставляется некоторое распределение на множестве объектов X . Соответствующая плотность характеризует вероятность принадлежности объекта к данному классу. Задача метода – построить эмпирическую плотность, чтобы рассчитать, к какому классу объект принадлежит с наибольшей вероятностью. Наиболее простым статистическим методом можно назвать Наивный байесовский классификатор.

Линейные методы определяют принадлежность объекта к одному из двух классов и заключаются в построении гиперплоскости, разделяющей множество объектов на две части или более. Одним из наиболее эффективных подходов является метод опорных векторов [там же].

В нашем исследовании мы использовали пакет машинного обучения *Scikit-Learn*, реализованный на языке программирования *Python*, который является одним из наиболее простых языков, обладающих достаточно мощным функциональным потенциалом и находящихся в свободном доступе. Он был разработан Гвидо ван Россумом в 1991 году и активно совершенствуется сейчас целым сообществом программистов. Установка программы доступна на всех платформах. Синтаксис прост в изучении, особое значение придается читаемости кода. *Python* располагает обширным инструментарием для графического программирования и обработки числовых данных. Базовый тип данного языка программирования – строки переменной длины, которые представляют собой неизменяемые последовательности. Тем не менее, есть и другие встроенные типы переменных, например булевой, целое число, число с плавающей запятой и др. Язык обладает четким и последовательным синтаксисом. Набор операторов достаточно традиционен: условный (if), оператор цикла (while), определения класса (class), определения функции (def), обработки исключений (try – except – else) и др.

2.3. Вербальный маркер vs параметр (feature) в машинном обучении: к проблеме соотношения

2.3.1 Опыт выявления в лингвистике вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов: к истории вопроса

Общепризнанного определения термина «вербальный маркер» не существует. В каждом отдельно взятом исследовании авторы дают собственное определение и название исследуемому феномену в зависимости от его специфики. Речь идет о дискурсивных маркерах [Schiffrin, 1989; Louwarse, Mitchell, 2003], соединителях или коннекторах [Celle, Huart, 2007], межличностных маркерах или прагматических частицах [Meyerhoff, 1994], прагматических выражениях [Erman, 1987], просодических маркерах

[Pickering et. al., 2009], лингвистических маркерах [Cohen et. al., 2013], лингвистических индикаторах [Потапова, Потапов, 2011] и т. д.

Некоторые зарубежные исследователи предпринимали уже попытки определения вербальных маркеров правды и лжи на материале английского языка. В частности, речь идет об использовании междометия *um* и лексемы *like* [Arciuli, Mallard, Villar, 2010] или о намеренном обезличивании высказываний, использовании большого числа лексем, выражающих негативные эмоции, и меньшего количества сложноподчиненных союзных предложений [Newman et al., 2003]. С методологической точки зрения большинство исследователей останавливаются на методе эксперимента, например, с привлечением участников, которые должны говорить правду или намеренно лгать, высказывая собственное мнение относительно какой-либо темы [Newman et. al., 2003]. Многие используют также различные инструменты для подсчета частотности лексем.

Отметим также некоторые другие исследования по выявлению вербальных маркеров. В частности, интернациональный коллектив авторов из Неаполитанского университета имени Фридриха II, Университета Джорджии, Университета Пердью и Техасского университета A&M пишет о своем опыте обнаружения просодических маркеров кульминации в юмористических нарративах. Осуществляется это экспериментальным путем с привлечением респондентов, которым предлагают пересказать предложенные шутки. При этом анализируются тон, громкость и темп речи во время пересказа юмористической истории. Видеозаписи, полученные в ходе эксперимента, загружаются в компьютерную речевую лабораторию КауPENTAX, в которой происходит обработка речи и ее разделение на интонационные фразы. По результатам исследования кульминационные строчки, вопреки ожиданиям, не произносятся громче, а скорее наоборот – воспроизводятся медленней и в более низкой тональности. Кроме того, кульминационные моменты зачастую сопровождаются смешками и не отделяются значительными паузами [Pickering et. al., 2009].

Команда из Стокгольмского университета описала свой опыт нахождения лингвистических маркеров радикальной жестокости в социальных сетях для мониторинга экстремистских сайтов и обезвреживания так называемых террористов-одиночек. Речь идет о возможности обнаружения утечек информации третьим лицам (*leakage*), навязчивых идей (*fixation*) и проявлений так называемой идентификации (*identification*) – желание идентифицировать себя с псевдо-диверсантом, человеком, имеющим отношение к военным действиям или же принадлежность к какой-либо группе [Cohen et.al., 2013].

Для выявления маркеров радикальной жестокости авторы используют различные средства: онлайн-переводчики (*translation services*), анализ тональности текста или сентимент-анализ (*sentiment analysis*), мэппинг сайтов (*mapping websites*), распознавание автора (*author recognition*). В качестве лингвистических маркеров радикальной жестокости понимаются выражения отношений или мысленные установки субъекта, планирующего террористическую атаку, отличительные черты которых можно обнаружить в письменной коммуникации данного субъекта в социальных сетях. В результате были выявлены следующие маркеры:

- 1) маркеры утечки: вспомогательные глаголы намерения – *will, going to, someone should* – в сочетании с лексемами, обозначающими жестокие действия, или эвфемизмами (метод лемматизации и онтологии);
- 2) маркеры навязчивой идеи: упоминание субъектом чего-либо очень часто (метод подсчета частотности ключевых понятий с помощью инструментов распознавания именованных сущностей – NLTK и GATE, например);
- 3) маркеры идентификации: прилагательные с позитивной коннотацией при описании группы «своих» и с негативной коннотацией при описании группы «чужих» – позитивная

самопрезентация и дискриминация оппонента (см пар. 1.4.1) [там же].

Ученые из Университета Сиднея предприняли попытку определить лингвистические индикаторы ложных признаний в сфере юриспруденции и законодательства (*Linguistic Indicators of False Confession*). Авторы статьи поставили задачу проанализировать употребление существительных, глаголов и прилагательных у 85 участников эксперимента (внутригрупповой дизайн эксперимента – within-subjects design), которые предварительно заполнили шкалу DASS (Depression, Anxiety and Stress Scale). Во время интервью респондентам было необходимо чистосердечно признаться в совершении того или иного правонарушения или сделать ложное признание относительно каких-либо проступков, совершенных в прошлом. Результатом эксперимента стали записи интервью с участниками, которые впоследствии были затранскрибированы. Затем интервьюер задавал участникам эксперимента вопросы о том, когда в последний раз они испытывали чувство вины, уточнялось, лгали они или говорили правду и т. п.

Впоследствии ученые задействовали также методы компьютерной лингвистики, а именно – транскрибированные интервью обрабатывались с помощью программного обеспечения WMatrix, предназначенного для создания в корпусе семантических тегов и распределения по частям речи. Данное программное обеспечение позволяет проанализировать частотность словоупотреблений и конкорданцию, при этом уровень точности для анализа материала на английском языке составляет 97 %.

Для установления определенных взаимозависимостей между эмоциональными состояниями тревоги, депрессии и стресса и употреблением той или иной части речи был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона. Интересным представляется также опыт использования многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA) для исследования влияния тематики на частотность употребления существительных, прилагательных и глаголов.

По результатам исследования существительные и глаголы вряд ли смогут дифференцировать ложные признания и правдивые показания, а прилагательные, точнее – их число, заинтересовало исследователей: ложные признания отличались значительно меньшим числом случаев употребления прилагательных. Отметим, что в данном случае под лингвистическими маркерами лжи авторы понимают количественное соотношение лексем, принадлежащих той или иной части речи [Villar, Arciuli, Peterson, 2013].

Исследователи из Университета Мемфиса говорят о дискурсивных маркерах в диалоге (*Toward a Taxonomy of a Set of Discourse Markers in Dialog: A Theoretical and Computational Linguistic Account*). Под дискурсивными маркерами понимаются вербальные и невербальные средства, которые маркируют точки перехода в диалогической коммуникации. Авторы провели своего рода тест – сначала выделили большое число маркеров на материале корпуса, а затем попеременно заменяли каждый маркер каким-нибудь другим из обнаруженных ранее. Данный тест помогает определить, существуют ли между маркерами данного корпуса диалогов гипо-гиперонимические отношения или синонимичные отношения. В результате все выделенные маркеры были разбиты на четыре категории: направление (*direction*), полярность (*polarity*), признание (*acknowledgment*) и акценты (*emphatics*) [Louwerse, Mitchell, 2003].

Венгерские исследователи описали свой опыт выявления прагматических маркеров манипуляции в политическом дискурсе. При этом под прагматическими маркерами понимается перечень синтаксически разнородных лексем, которые используются в различных оценочных и мета-коммуникативных функциях, не имеют концептуального значения, но обладают такими отличительными свойствами как индексальность, контекстная зависимость и многофункциональность [Furko, 2017].

Говоря о попытках обнаружения разного рода вербальных маркеров отечественными учеными, необходимо упомянуть Р.К. Потапову, имеющую значительный опыт выявления маркеров или, в терминологии самого автора,

индикаторов различных эмоциональных состояний – страха, тревожности, агрессии. В ее исследованиях большое внимание уделяется изучению таких воспринимаемых при перцептивно-слуховом анализе характеристик речи, как речевое дыхание, манера говорения, высота, сила и окраска голоса. Данные характеристики изучались в ходе экспериментальных исследований – анализа записей, сделанных в ситуациях реального речевого общения [Потапова, Потапов, 2011]. Отметим, что в вышеупомянутых работах речь идет о возможности перцептивно-слухового распознавания различных психоэмоциональных состояний по устной речи.

Исходя из отсутствия единого мнения относительно терминологии и разнообразия подходов к определению, а также принимая во внимание цели и задачи нашего исследования, считаем целесообразным использовать термин «вербальный маркер», под которым понимается следующее: *вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление.*

2.3.2. Параметр в машинном обучении

Начнем с рассмотрения самого понятия «машинное обучение», а точнее – «машинное обучение с учителем», поскольку в нашем случае был выбран именно этот метод. Машинное обучение с учителем – это особое семейство алгоритмов машинного обучения, предполагающее наличие множества объектов и множества возможных ответов, между которыми существует некоторая зависимость, но она неизвестна. Исследователю известна лишь обучающая выборка – конечная совокупность прецедентов – пар объектов и ответов. Необходимо восстановить эту зависимость, т. е. построить алгоритм [BaseGroup Labs, URL: <https://basegroup.ru/community/glossary/supervised-learning>].

Параметр или фича (feature) в машинном обучении определяется как индивидуальное измеряемое свойство (признак) исследуемого объекта (a feature is an individual measurable property of a phenomenon being observed) [Raza, Qamar, 2017: 1].

Отбор параметров необходим, поскольку при большом их количестве увеличивается время работы классификатора. Кроме того, при увеличении количества параметров – особенно, если они мало коррелируют с целевой переменной – снижается точность предсказания. Методы отбора параметров делятся на три категории: методы фильтрации (filter methods), методы оболочки (wrapper methods) и встроенные методы (embedded methods).

Методы фильтрации основаны на статистических методах и рассматривают каждый параметр независимо. Позволяют оценить и ранжировать параметры по значимости, под которой понимается степень корреляции конкретного параметра с целевой переменной [Прикладная и компьютерная лингвистика, 2016].

Один методов фильтрации — *information gain* – тесно связан с понятием энтропии информации. Чем больше параметр IG – тем сильнее корреляция параметра с целевой переменной. Вычислив *information gain* для всех параметров, можно отбросить те, которые слабо влияют на целевую переменную [Jovic, Brkic, Bogunovic, 2015; Alelyani, Tang, Liu, 2013; Liu, Yu, 2005].

Еще один популярный метод фильтрации называется *chi-square test* и опирается на формулу для вероятности пересечения событий. Исходя из этой формулы, можно посчитать ожидаемую вероятность наступления одновременно событий А и В, если мы предполагаем, что они независимы. А затем вычислить, насколько реальность отличается от наших ожиданий.

Существуют также более сложный метод фильтрации, который учитывает не только корреляцию между параметрами и целевой переменной, но так же избыточность параметров — *mRmR* (минимальная избыточность при максимальной релевантности). Методы фильтрации удобны в

использовании тем, что у них низкая стоимость вычислений, которая зависит линейно от общего количества параметров. Они значительно быстрее двух других групп методов и хорошо работают даже тогда, когда число параметров превышает количество примеров в тренировочном сете [там же].

Суть категории методов оболочки (*wrapper methods*) в том, что классификатор запускается на разных подмножествах параметров исходного тренировочного сета. После чего выбирается подмножество с наилучшими параметрами на обучающей выборке и тестируется на тестовом сете (тестовый сет не участвует в процессе выбора оптимального подмножества).

Есть два подхода в этом классе методов — методы включения (*forward selection*) и исключения (*backwards selection*) параметров. Первые стартуют с пустого подмножества, куда постепенно добавляются разные параметры (для выбора на каждом шаге оптимального добавления). Во втором случае метод стартует с подмножества равного исходному множеству параметров, и из него постепенно удаляются параметры, с пересчетом классификатора каждый раз [Jovic, Brkic, Bogunovic, 2015].

Все методы оболочки требуют гораздо больших вычислений, чем методы фильтрации. Более того, в случае большого количества параметров и небольшого размера тренировочного сета эти методы имеют опасность переобучения.

Встроенные методы (*embedded methods*) позволяют не разделять отбор параметров и обучение классификатора, а производят отбор внутри процесса расчета модели. К тому же эти алгоритмы требуют меньше вычислений, чем *wrapper methods* (хотя и больше, чем методы фильтрации) [там же].

Основным методом из этой категории является регуляризация. Существуют различные ее разновидности, но основной принцип общий. Идея регуляризации в том, чтобы построить алгоритм, минимизирующий не только ошибку, но и количество используемых переменных.

Сделаем один основной вывод: в том случае, когда вербальный маркер манипуляции является измеряемой величиной, он становится параметром,

который можно в дальнейшем использовать в компьютерном классификаторе для выявления манипуляции в текстах.

2.4. Алгоритм выявления параметров для автоматической классификации текстов на манипулятивные и неманипулятивные

На первом этапе нами была проведена сплошная выборка 100 текстов статей, посвящённых отношениям США и России на фоне украинского кризиса, из американских периодических изданий *The New York Times* и *The Washington Post*. Определив, вслед за Т.А. ван Дейком, манипуляцию как коммуникативную и интерактивную практику, которая предполагает, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми [Dijk, 2006], мы предварительно категоризировали их как манипулятивные.

На втором этапе 36 русским респондентам, владеющим английским языком на сертифицированном уровне C1, согласно европейским уровням владения иностранным языком, были предложены статьи из выборки. Перед прочтением статей респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую паспортную часть, а также ряд вопросов, призванных отразить знакомство респондентов с политическими новостями, отношение к политике в целом. После прочтения с испытуемыми проводилось структурированное интервью, в котором, в частности, предлагалось 1) определить эмоцию, чувство, которые респондент переживал во время прочтения статьи; 2) назвать устно или подчеркнуть в тексте статьи, те пассажи, которые запомнились, обратили на себя внимание.

Гипотеза состояла в том, что в таком случае в качестве самых запоминающихся пассажей текста респонденты, будучи представителями стороны «плохих» в поляризованной манипулятивной оппозиции «Мы – хорошие, они – плохие», выделяют наиболее манипулятивно сильные. Дискурс-анализ выделенных 36 респондентами пассажей подтвердил их

включенность в реализацию коммуникативных стратегий манипуляции, реализующих макропропозицию «Мы – хорошие, они – плохие», что позволило выделить первый список маркеров манипуляции. Мы назвали их «дискурсивными маркерами манипуляции» и в дальнейшем они составили обособленную группу маркеров.

На третьем этапе, сузив выборку за счёт только тех текстов, в которых присутствуют выделенные респондентами маркеры, мы проанализировали частотность других лексических и лексико-морфологических средств в данных статьях, что позволило нам определить 6 типов вербальных маркеров манипуляции. Мы выдвинули гипотезу о том, что данные маркеры можно использовать в качестве метрик для дальнейшей разработки компьютерного анализатора текстов, способного классифицировать тексты на манипулятивные и неманипулятивные. Для проверки гипотезы был проведен статистический анализ её вероятности.

2.5. Результаты предварительной экспериментальной работы для сужения выборки и выявления первого параметра

2.5.1. Создание первичной выборки

Тексты первичной выборки были отобраны нами в количестве 100 единиц по результатам контекстного анализа дискурса. В рамках контекстуального анализа мы рассмотрели следующие составляющие: обстоятельства, время, место, событие/действие; участники, сфера деятельности, роли участников дискурса – коммуникативные роли, роли взаимодействия, социальные роли, социальные отношения между участниками, когнитивные характеристики участников – идеология, знания, отношения. Контекстуальный анализ нашего материала представлен ниже – в Таблице 8.

Таблица 8. – Контекстуальные характеристики массмедийных политических дискурсов, предварительно классифицированных как манипулятивные

Обстоятельства	Ситуация политической напряжённости между западными странами и Россией
Время	Май 2014-декабрь 2016 гг.
Место	США/ Россия/Украина
Событие, действие	Конфликт на Украине, присоединение Крыма к России
Участники	Российские и западные политики, журналисты, медийные персонажи
Сфера деятельности	Политика, масс-медиа
Роли участников	Украина – «жертва», Россия – «агрессор», США – «медиатор конфликта»
Социальные отношения между участниками	Конкурирующие политические силы
Когнитивные характеристики участников	<p>Знания</p> <p>Правительство США в погоне за мировым господством старается всячески воспрепятствовать усилению про-российских настроений в Европе, осуждая внешнюю политику Российской Федерации.</p> <p>Идеология</p> <p>США пропагандирует идеи демократии и защиты прав человека во всем мире.</p>

Как видно из данной таблицы, для первой выборки мы отобрали статьи, освещающие военный конфликт на Украине, присоединение Крыма к России и некоторые другие события, напрямую связанные с гражданской войной на Украине и разворачивающиеся в период с мая 2014 и до настоящего времени (событие и время по Т.А. ван Дейку). Отобранные статьи относятся к сферам политики и масс-медиа (сфера деятельности). Участниками дискурса являются, в основном, политические деятели и средства массовой информации. В Западном массмедийном дискурсе роли участников распределяются следующим образом: Россия считается агрессором, а США – медиатором конфликта. Участники дискурса представляют собой конкурирующие

политические силы (социальные отношения между участниками) и обладают определенными когнитивными характеристиками (знания и идеология). Власти США, стремясь усилить свое влияние на международной арене, пытаются обличить внешнюю политику РФ и воспрепятствовать распространению ее влияния в Евросоюзе (знания по Т.А. ван Дейку). При этом стоит отметить, что США активно пропагандирует идеи демократии и гуманитарных прав и свобод (идеология).

2.5.2. Дизайн экспериментальной работы для выявления первого параметра «дискурсивные маркеры манипуляции» и дальнейшего сужения выборки

Для выявления дискурсивных маркеров манипуляции в предварительно проанализированных нами при помощи инструментария дискурс-анализа (первая серия текстов) поляризованных политических и категоризированных как манипулятивных текстах было проведено экспериментальное исследование с использованием методики социолингвистического анкетирования, подразумевающей заполнение анкеты до чтения статьи и проведение структурированного интервью после прочтения статьи.

Гипотеза эксперимента состояла в следующем: если, следуя Т.А. ван Дейку, манипуляция – это всегда борьба смыслов в рамках макропропозиции «Мы – хорошие, они – плохие», то русские реципиенты антироссийских политических дискурсов, идентифицируя себя с «плохими», будут острее чувствовать наиболее эмоционально заряженные фрагменты манипулятивного дискурса западных СМИ.

Перед чтением статьи респондентам предлагалось заполнить анкету (Таблица 9):

Таблица 9. – Анкета

	Вопрос	Ответ
1	Укажите свой возраст, пол, род деятельности.	
2	Интересуетесь ли Вы политикой?	Да Нет
3	Считаете ли Вы, что Ваши личные интересы затронуты из-за сложившейся ситуации в отношениях Россия-Запад?	Да
		Нет
4	Испытываете ли Вы негативные эмоции по отношению к западным политикам?	Шкала
5	Как Вы оцениваете отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент?	<ul style="list-style-type: none"> • Как позитивные и деловые. Считаю, что правительства двух стран пытаются совместно выйти из кризисной ситуации. • Как отношения власти и давления со стороны США. Считаю, что власти США предвзято относятся к России и действуют только в своих интересах. • Как нейтральные. Считаю, что обе стороны совершают ошибки и борются за влияние в мире. • Как отношения власти и давления со стороны России.

Итак, в двух экспериментах было задействовано 36 участников: 10 мужчин и 26 женщин в возрасте от 20 до 27 лет. При этом отметим, что ответы тех респондентов, которые указали в анкете, что интересуются политикой, не учитывались для чистоты эксперимента. Заинтересованных в политике оказалось двое.

После прочтения статьи с испытуемыми проводилось структурированное интервью в следующем виде:

1. Что Вы чувствуете: гнев, радость, унижение, восторг, спокойствие, обиду, ничего, возмущение, умиление, удивление, разочарование, грусть, раздражение, умиротворение, вину, неудобство, облегчение?
2. Чувствуете ли Вы себя комфортно после прочтения статьи (по шкале от -5 до 5).

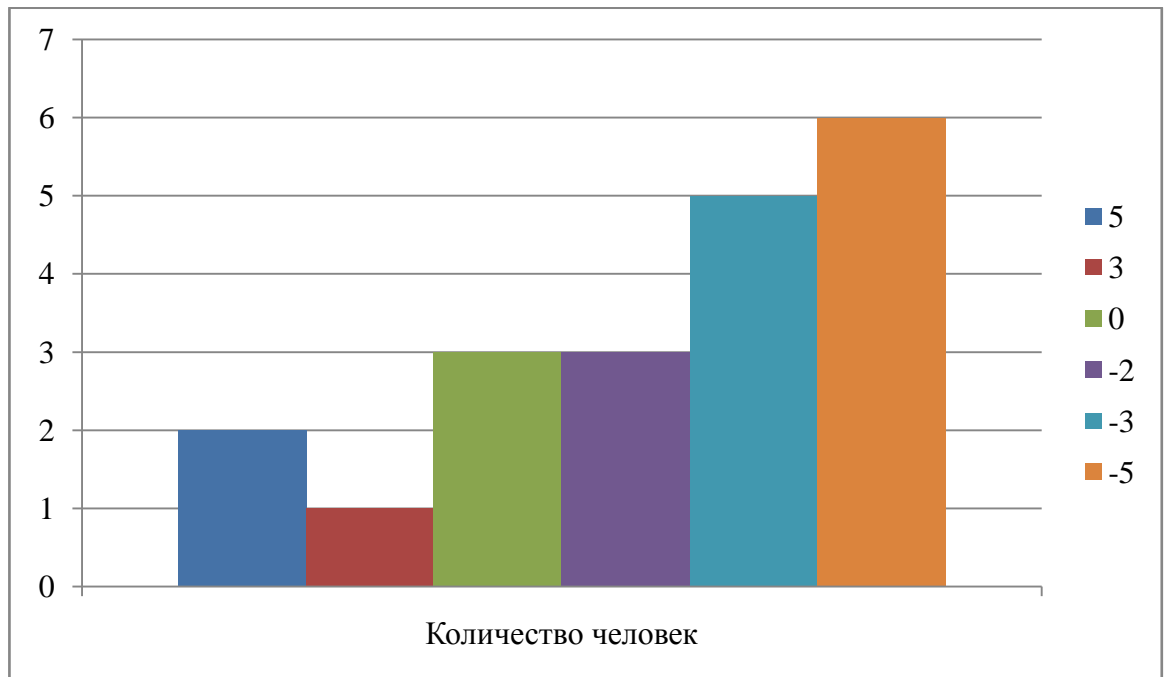
3. Считаете ли Вы отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент, это:
- a. Отношения позитивных деловых партнеров.
 - b. Отношения подавления со стороны США.
 - c. Обоюдная борьба и поочередное совершение ошибок.
 - d. Отношения подавления со стороны России.
4. Отметьте в тексте статьи пассажи, которые обратили на себя Ваше внимание, запомнились.

На основе анкет участников и ответов, полученных при проведении структурированного интервью, мы провели анализ выделенных ими фрагментов текста для выявления дискурсивных маркеров манипуляции.

В первом эксперименте (декабрь 2014 г.) респондентам было предложено ознакомиться со статьей на английском языке из газеты *The Washington Post* под названием *Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine* (текст статьи в Приложении Б), посвященной отправке очередного конвоя с гуманитарной помощью для мирного населения на Донбасс. В эксперименте было задействовано 20 русскоязычных респондентов, владеющих английским языком на сертифицированном уровне C1 согласно европейским уровням владения иностранным языком.

Большая часть испытуемых отметили, что чувствуют разочарование, обиду, грусть, возмущение, неудобство и раздражение после чтения. Уровень комфорта колеблется от -5 до -2, однако есть и такие, на кого статья не оказала никакого воздействия (более подробно результаты представлены на Графике 3). Половина опрошиваемых считает, что отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент, можно охарактеризовать как отношения подавления со стороны США. Остальные описывают политическую ситуацию как обоюдную борьбу и поочередное совершение ошибок.

График 3. – Уровень комфорта участников эксперимента № 1

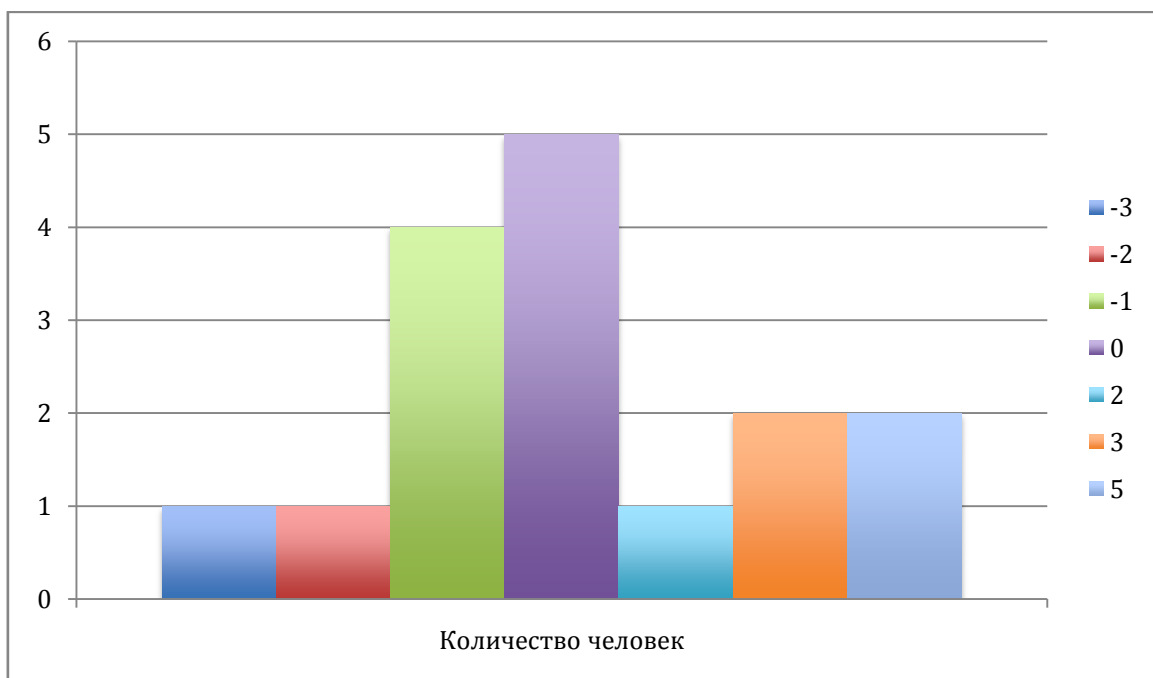
В рамках структурной организации статьи, можно сделать вывод, что отмеченные участниками эксперимента пассажи, обратившие на себя особое внимание, рассредоточены во всех смысловых частях текста, поэтому нам не удалось выявить какой-либо композиционной обусловленности (например, если бы выделенные пассажи находились в сильных позициях текста).

Во втором эксперименте (октябрь 2016 г.) приняли участие 16 магистрантов-лингвистов, которым было предложено ознакомиться со статьей под названием *Russian propaganda effort helped spread fake news during election, experts say* из газеты *The Washington Post* (текст статьи в Приложении В). В первой анкете 12 человек оценили отношения между Россией и США как нейтральные, как процесс обоюдного совершения ошибок и борьбу за влияние в мире. Двое указали, что отношения между двумя этими государствами можно охарактеризовать как власть и давление со стороны США, предвзятое отношения властей США к России. Один респондент, наоборот, посчитал, что давление оказывает Россия. Еще один участник эксперимента полагает, что отношения между США и Россией позитивные и деловые, при этом правительства обеих стран пытаются совместными усилиями выйти из кризисной ситуации.

До ознакомления со статьей большинство респондентов испытывали достаточно нейтральные (9 человек) или даже позитивные (6 человек) чувства к американцам и западным политикам. Лишь один человек указал -1 по шкале от -5 до 5. При этом 9 человек из 16 считают, что их личные интересы были затронуты из-за напряженных отношений между Россией и США.

Во второй анкете 8 человек отметили, что не испытывают абсолютно никаких эмоций после прочтения статьи. 5 респондентов описали свои эмоции как раздражение, разочарование, неудобство и грусть. Один человек указал удивление, а двое – умиление, спокойствие и радость. При этом 14 человек из 16 оценили отношения, сложившиеся между США и Россией, как обоюдную борьбу и поочередное совершение ошибок. Один участник эксперимента считает, что отношения можно оценить как деловые и партнерские, и еще один – как подавление со стороны США. Уровень комфорта несколько изменился, тем не менее, отметим, что у большинства респондентов сохранилось достаточно нейтральное отношение к американцам (более детальная информация представлена на Графике 4).

График 5. – Уровень комфорта участников эксперимента № 2

Дискурсивный анализ выделенных респондентами пассажей текста

будет представлен в следующем параграфе.

2.5.3. Параметр «дискурсивные маркеры манипуляции»: результаты экспериментального исследования

Выделенные испытуемыми в обоих экспериментах пассажи характеризуются морфологическими и синтаксическими особенностями, которые для удобства изложения представлены нами в Таблице 10.

Таблица 10. – Морфологические и синтаксические особенности релевантных для респондентов текстовых фрагментов

Особенность	Пример
Морфология	
Прилагательные с яркой негативной коннотацией	Rebel-held, rebel-controlled, rebellious, Russia-backed, destructive, dangerous, aggressive, illegal, malicious, unfriendly, scandalous, catastrophic, hostile, guilty, violent, dangerous, manipulative, fake
Существительные с яркой негативной окраской	Aggression, invasion, force, manipulation, propaganda, suppression, deception, repression, threat, danger, corruption, scandal, double standard, boycott, rejection, conflict, rebels, rebellions, separatists, catastrophe, aggrandizer, confrontation, terrorists, terrorism, anger, fight, enemy, reluctance, atrocity, idiots
Глаголы, которые выражают неготовность России идти на уступки и прислушаться к мнению Запада	To invade, to deny, to kill, to destabilize, to attack, to threaten, to undermine, to manipulate, to dismiss, to deter, to ignore, to destruct, to violate, to denounce, to supply, to resupply, to pressure, to blame, to deport, to murder, to torture, to force, to harm, to corrupt, to injure, to battle, to suppress, to poison, to affect, to weaken, to worsen, to fight, to annoy, to exacerbate, to humiliate, to destroy, to troll
Использование местоимения «мы» как способ выражения солидарности стран Запада. Оппозиция мы/они, свой/чужой с	We need to use all methods to stop Russian military aggression.

помощью личных местоимений	They use our technologies and values against us.
Выражение скрытого умысла российских властей	Under the guise of (a humanitarian mission), as cover for (a military invasion)
Синтаксис	
Вводные конструкции, выражающие незыблемость того, о чем идет речь	It's clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission.
Страдательный залог (перекалывание ответственности)	The shipment was designed as cover for a military invasion.
Конструкции уточнения (чтобы выделить лишь один аспект многогранного явления, в данном случае – стремление умалить заслуги России, поставляющей гуманитарную помощь мирному населению)	If we find in the convoy some other equipment, some other equipment that's not humanitarian aid, then the direction will be different.

Поскольку политический дискурс всегда представляет собой борьбу за власть, автор статьи, стремясь оказать определенное воздействие на читателя, реализует типичные для политического дискурса СМИ стратегии. Для того, чтобы доказать, что морфологические и синтаксические средства, отмеченные нами как повторяющиеся в тех фрагментах, которые выделили информанты, на самом деле являются маркерами манипулятивного речевого воздействия, мы провели коммуникативно-дискурсивный анализ предъявленной в качестве стимула статьи.

Результаты проведенного анализа показали, что выделенные респондентами фрагменты являются наиболее яркими вербализациями стратегии представления оппонента в невыгодном свете (стратегии дискредитации оппонента) – Россия описывается как агрессор, государство, стремящееся завладеть чужой территорией и осуществить военно-политическую интервенцию. Подобный эффект достигается с помощью следующих словосочетаний и выражений с яркой оценочной коннотацией:

1. *Russian military aggression* (российская военная агрессия).
2. *Direct invasion* (прямое вторжение).

3. *Russia denied that its military was occupying Crimea* (Россия отрицает, что ее войска оккупировали Крым).
4. *Attempt to annex this part of Ukraine* (попытка аннексировать эту часть Украины).
5. *Under the guise of a humanitarian mission* (под прикрытием гуманитарной миссии).
6. *It's clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission* (Очевидно, что Россия не планирует реализовывать никакую гуманитарную миссию).
7. *Russian artillery support <...> is being employed against the Ukrainian armed forces* (Поддержка российской артиллерии <...> осуществляется против вооруженных сил Украины).
8. *20000 Russian "combat-ready troops"* (20000 российских боевых войск).
9. *Russia is more interested in resupplying separatists rather than supporting local populations* (Россия более заинтересована в обеспечении сепаратистов, нежели в поддержке местного населения).
10. *The White House <...> said it raised the likelihood that Russia planned the convoy as a pretext for invasion* (Белый дом <...> заявил, что растет вероятность того, что Россия планирует отправить гуманитарный конвой как предлог для вторжения).

Стратегия самовосхваления или положительной самопрезентации призвана представить себя в позитивном и выгодном свете. В проанализированных дискурсах это выглядит следующим образом: украинские власти стремятся мирным путем урегулировать конфликт на Украине, хотят прекратить кровопролитие, их цель – остановить агрессию со стороны России любыми способами:

1. *Ukrainian forces would not use force against the convoy because they want to avoid provocations* (Украинские войска не стали бы использовать силу против конвоя, потому что они хотят избежать провокаций).

2. Призывы к действию: *we need to use all methods to stop Russian military aggression* (Нам нужно использовать все средства, чтобы остановить военную агрессию со стороны России).

Отметим, что изучению стратегий в политическом, в том числе поляризованном дискурсе посвящены некоторые работы отечественных исследователей. Так, отмечается, что в англоязычном политическом дискурсе стратегия представления оппонента в невыгодном свете (негативного позиционирования оппонентов) реализуется при помощи использования личных и притяжательных местоимений (*they, them, those, their*), негативно коннотированных лексических единиц и метафор [Детинко, 2013: 11].

Негативное позиционирование «чужих» в англоязычном политическом дискурсе осуществляется с помощью оценочных эпитетов. Лексические единицы с семантикой повторяемости, неединичности и последовательности (*the latest in a line, pursue, previous, last*) помогают транслировать пресуппозицию повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» [Детинко, 2013: 15–17].

Иногда в качестве самостоятельной выделяется техника умаления авторитета оппонента, актуализируемая за счет описания действий оппонента в негативном контексте, а именно – посредством отрицательно коннотированных прилагательных и глаголов (*fail, unable*), дополняемых экзemplификацией негативных характеристик при помощи таких лексем, как *illustrate, show, describe, demonstrate* [Детинко, 2013: 14]. Выделяются и некоторые другие техники: техника обвинения, техника критического представления позиции оппонента, техника акцентирования внимания на негативной схожести, техника недоверия и др. [Детинко, 2013: 20]. Однако в нашем исследовании представлен несколько иной подход к изучению средств вербализации оппозиции «свой/чужой», которая, по мнению целого ряда авторов является базовой для политического и политического массмедийного дискурсов [Иванова, 2008; Новикова-Грунд, 2000; Чернявская, 2014].

Далее (п. 2.7.) на примере нескольких статей мы продемонстрируем проделанный нами анализ, его методику и результаты.

2.6. Параметры для автоматической классификации текстов на манипулятивные и неманипулятивные

Изучив результаты проведенного нами эксперимента, мы сузили первоначальную выборку со 100 до 80 газетных текстов (вторая серия/выборка), включив в нее только тексты, содержащие выделенные информантами дискурсивные маркеры манипуляции. Были проанализированы тексты, включающие в себя отмеченные респондентами дискурсивные маркеры манипуляции, а затем уделено особое внимание лексическим средствам, повторяющимся из текста в текст вместе с дискурсивными маркерами манипуляции. Таким образом, для разработки компьютерной программы-классификатора текстов выделены 6 основных лексических пластов – 6 параметров (*features*), с помощью которых, согласно нашей гипотезе, компьютерная программа сможет сортировать тексты по уровню их манипулятивности:

- 1) военная терминология;
- 2) прилагательное *soviet* и лексика на советскую тематику;
- 3) дискурсивные маркеры манипуляции – лексемы из составленного по итогам эксперимента списка маркеров манипуляции (тематика страха, агрессии, вторжения);
- 4) упоминание прецедентной для данной тематики личности *Vladimir Putin*;
- 5) наличие прилагательных с антонимическими приставками *anti-* и *pro-* .
- 6) лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них.

2.6.1. Военная терминология и лексика на советскую тематику

Приведем несколько определений понятия «военная терминология» различных авторов. По мнению В.Н. Шевчука, военный термин – это «устойчивая единица синтетической или аналитической номинации, закрепленная за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [Шевчук, 1989: 8].

Г.М. Стрелковский отмечает, что следует различать термины тактические, организационные, военно-технические, термины, относящиеся к различным родам войск и видам вооруженных сил [Стрелковский, 1979: 83].

Предварительно изучив собранные нами статьи, мы пришли к выводу, что многие авторы умышленно прибегают к использованию военной терминологии для усиления манипулятивного эффекта, для создания устрашающего образа оппонента, который готов развязать войну. В отрывке 4 благодаря сочетанию военной лексики и конкретных числовых показателей создается образ реальной угрозы, исходящей от России – государства, обладающего огромным военным потенциалом.

(4) *«A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that **intelligence estimates are of some 45,000 regular Russian troops on the border; tens of thousands of Russian irregulars of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of Russian officers and military personnel; some 450 battle tanks and over 700 pieces of artillery**» (The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014).*

Отставной генерал НАТО, который недавно вел переговоры с Президентом Украины Петром Порошенко, сказал мне, что по оценкам разведки на границе находится более 45000 российских войск; десятки тысяч нерегулярных войск различных подразделений на территории Украины, организованных меньшим числом российских офицеров и военнослужащих; около 450 танков и более 700 артиллерийских орудий.

Во фрагменте 5 эксплицитно выражена угроза, исходящая от России:

«*The current Russian buildup has all the signs of **preparation for an offensive***» - Наблюдаемое наращивание военной мощи дает все основания предполагать, что **Россия готовится к нападению**. Далее на читателя «нагоняется» еще больший страх с помощью перечисления имеющегося у российской армии в распоряжении вооружения.

(5) «*The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive. Large, **unmarked convoys of heavy weapons and tanks** manned by personnel without insignia on their **uniforms** (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the **front lines** in rebel-held territory. **Sophisticated artillery and ground-to-air missile systems** have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move **military units** thousands of miles for nothing*» (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).

Наблюдаемое наращивание военной мощи дает все основания предполагать, что Россия готовится к нападению. Огромные конвои тяжелого вооружения и танков без опознавательных знаков и управляемые военными в безликой форме (как те, что взяли Крым) были замечены на границе с захваченной повстанцами территорий. Передовая артиллерия и ракетные комплексы земля-воздух приведены в состояние готовности. Собраны единицы военной техники со всей территории России – от востока до Крайнего Севера. Вы не стали бы передвигать единицы военной техники на тысячи миль просто так.

Обнаружив данные лексические единицы, мы обратились к словарю для уточнения их значения (Таблица 11).

Таблица 11. – Интерпретация значения военной лексики (пр.4–5) по словарю Dictionary of Military and Associated Terms.

Слово	Объяснение по словарю <i>Dictionary Military and Associated Terms</i>	Перевод по словарю ABBYY Lingvo
Intelligence	The product resulting from the collection, processing, integration, evaluation, analysis, and interpretation of available information concerning foreign nations, hostile or potentially hostile forces or elements, or areas of actual or potential operations	Развединформация
Troops	A group of soldiers	Войска, армия, вооруженные силы
Irregulars	Armed individuals or groups who are not members of the regular armed forces, police, or other internal security forces	Нерегулярные войска
Military personnel	Members of the armed forces	Военнослужащие
Battle tanks	An enclosed, heavily armoured combat vehicle that is armoured with cannon and machine guns and moves on continuous tracks	Боевые танки
Pieces of artillery	Large guns that shoot over long distances	Артиллерийские орудия
Ground-to-air missile systems	A guided missile launched from land against an airborne target	Системы зенитных управляемых ракет
Convoys	A number of merchant ships and/or naval auxiliaries usually escorted by warships and/or aircraft--or a single merchant ship or naval auxiliary under surface escort--assembled and organized for the purpose of passage together	Конвои

Front lines	A front or boundary, especially one between military positions	Линии фронта
Offensive	A military attack or assault	Нападение
Artillery	Equipment, supplies, ammunition, and personnel involved in the use of cannon, rocket, or missile launchers	Артиллерия
Heavy weapons	Large but transportable armament	Тяжелое вооружение

В отрывках 4 и 5 наблюдается достаточно высокая плотность – в среднем 60 лексических единиц (вместе со служебными частями речи) из 480 слов в статье (13 %) – употребления лексики на военную тематику, с помощью которой авторами статьи намеренно создается негативный образ России как государства-агрессора, которое наращивает военную мощь и готовится нанести удар по украинской территории. При этом в новостной статье, не принадлежащей классу манипулятивных, число военных терминов близко к нулю (см. пример анализа текстового материала в п. 2.7.). Список военной терминологии из специализированного словаря *Dictionary of Military and Associated Terms* представлен в Приложении А.

Также зачастую встречается упоминание о советском прошлом Российской Федерации – прилагательное *soviet* (советский) или *post-soviet* (постсоветский) в сочетании с существительными: *success, rule, union, territory, region, state, mentality, forces, times, troops, era, leader, space, narrative, citizens, greatness, stupor, masters, regime, republic, Russia, Cold War, the Berlin wall*.

Авторами дискурсивного фрагмента 6 предпринята попытка противопоставить советские – некрасивые – постройки элегантной европейской Австро-венгерской архитектуре. С помощью такого приема мир разделяется на утонченный европейский, к которому уже давно относят себя жители Украины, и некрасивый серый советский – Россия.

(6) «Residents of Lviv, where **Soviet rule** never erased elegant Austro-Hungarian architecture, have long been among the most determined in Ukraine to push their nation toward Europe» (In Ukraine's European core, new weariness

over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14).

Жители Львова, где советские правила так и не стерли элегантную Австро-венгерскую архитектуру, уже давно решительно настроены на присоединение к Европе.

В примере ниже (7) употребляется словосочетание *депрессивный советский регион*, таким образом, снова делается отсылка к негативным сторонам советского прошлого, которое противопоставляется радостному пост-советскому (пример 8) европейскому настоящему.

(7) *«It is a depressive Soviet region, Sokolov said in one of Lviv's bustling coffeeshouses, which are reminiscent of Vienna» (In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14).*

«Это депрессивный советский регион», - сказал Соколов в одной из шумных кофеен Львова, которые напоминают о Вене.

(8) *«Poland's post-Soviet success has helped push Lviv's attitudes toward Europe» (In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14).*

Постсоветский успех Польши помог Львову обратить свой взор на Европу.

Употребляя выражения с лексемой *Soviet*, западные журналисты стремятся сделать отсылку к негативной стороне советского прошлого – отсутствию демократии, авторитаризму, упадку экономики, дефолту и т. п. Они как бы приписывают подобные отрицательные характеристики современным событиям, политике, власти. Ознакомившись со статьей, читатель начинает проводить параллели между депрессивным советским прошлым и нынешней политической обстановкой в России и на Украине, у него создается мрачный образ государства, пребывающего в глубоком экономическом и политическом кризисе и лишенного прав и свобод.

2.6.2. Прецедентные личности и феномены. Прецедентное имя

Vladimir Putin

Прецедентные феномены являются основными элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, под прецедентными феноменами мы понимаем феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987: 216].

Выделяют четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена. Прецедентным именем называется «индивидуальное имя, связанное:

1. С широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных.
2. С ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная.
3. Имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. Прецедентное имя обладает сложной структурой, «ядро которой составляют его дифференциальные признаки, апелляции к которым наиболее частотны, а периферию — атрибуты» [Гудков, 2003: 149].

В современных СМИ широко используется стилистический прием игры с прецедентными феноменами, рассчитанный на появление у адресата нужных ассоциаций [Немирова, 2013; Редкина, 2017; Федосеева, 2007; Ханина, 2016; Чемезова, 2008]. Любая прецедентная единица сводит описываемую ситуацию к образу-стереотипу, замещающему в сознании носителя языка подробное описание [Караулов, 1987: 75].

Все прецедентные феномены, по Д.Б. Гудкову, выполняют три функции: оценочную, экспрессивную и парольную (кодирование

информации). Оценочная функция заключается в формировании совокупности всех представлений и знаний об элементах нашей действительности и исторической эпохе через призму представлений и знаний о конкретной личности. Экспрессивная функция напрямую связана с выражением эмоционального состояния конкретного индивида общества или какой-либо социальной группы с целью передачи субъективного отношения к обозначаемым предметам или явлениям действительности при помощи сравнения (сопоставления) или отождествления с определенным прецедентным именем. Кодирование информации (парольная функция) представляет собой своеобразное установление соответствия между элементами сообщения (даты, цифры, исторические события и их участники) и сигналами, в роли которых выступают сами прецедентные имена [Гудков, 2000].

Использование прецедентных феноменов в политическом массмедийном дискурсе повышает аутентичность высказывания и способствует созданию «своей» атмосферы, закрытой от «чужих», что, в свою очередь, помогает разграничивать мир на «своих» и «чужих» [Иванова, 2008].

Прецедентное имя *Vladimir Putin* – это своеобразный символ политика, «коммуникативный эталон» современности для россиян. Нынешний Президент Российской Федерации непроизвольно ассоциируется с временем результативных реформ, нанотехнологий, прогресса, утверждения демократии, защиты граждан, мирного урегулирования международных конфликтов и укрепления позиций страны на международной арене. Образ Путина как политика вызывает у россиян положительные эмоции, индекс доверия к нему высок. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром по изучению общественного мнения в 2012 году, граждане России не видят альтернативы Владимиру Путину на посту Президента, отмечают его компетентность (17 %), управленческие навыки (15 %), трудолюбие (11 %) и энергичность (7 %). Остальные респонденты, высказавшиеся

положительно о Владимире Путине, говорят о его доброте, уверенности, принципиальности и других положительных качествах. С 2012 года рейтинг Владимира Путина вырос с 58,8 до рекордных 89,9 [ВЦИОМ, 2015].

Прецедентное имя *Vladimir Putin* также кодифицирует конкретные исторические факты: реформирование судебной системы, образование молодежных политических организаций в поддержку Президента, создание Таможенного союза, борьба с коррупцией, участие в саммитах Group of eight, защита бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Эдварда Сноудена, инициация отправки гуманитарных конвоев на Донбасс, разрешение конфликта в Сирии, поднятие авторитета России на международной арене.

Однако для западных, в основном североамериканских, СМИ Владимир Путин – тиран и диктатор, активно демонстрирующий свою силу в стране и мире, агрессор, захвативший Крым и развязавший войну на Украине. Западные СМИ приписывают Путину следующие характеристики: *Russia's paramount leader, with macho stance, resentful, aggressive, Putin holds a tranquillizer gun, Putin invaded, Putin fabricated, Putin hides the truth, Putin has framed a conflict.*

Более того, утверждается, что политический лидер обнаруживает признаки мании величия, он кажется тщеславным диктатором, который возомнил себе, что Россия – самое сильное государство в мире, а россияне заражены «путинизмом» (*Putinism, Putin's Russia, Putin's regime, Putin's nationalism*).

Примеры 9, 10 и 11 наглядно демонстрируют вышесказанное: Владимир Путин представлен агрессивным диктатором, который пытается оправдать свое насилие на территории Восточной Украины, выдумывая несуществующие факты.

(9) «*In response to Putin's hammer, the West has expressed concern*» (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).

В ответ на Путинский молот (удар, обстрел) Запад выразил свою

обеспокоенность.

(10) «*There was no acknowledgement that the sanctions, imposed by Europe and the United States, were a reaction to Mr. Putin's aggression in Ukraine or that they have hurt Russia's weak economy*» (*Can America and Russia Get Along? The New York Times, 11/11/2014*).

Нет никакого подтверждения тому, что санкции, введенные Европой и Соединенными Штатами, были реакцией на агрессию Путина на Украине или же причинили вред и без того слабой российской экономике.

(11) «*The source of tensions between the West and Russia lies with the nature of the Putin regime. To justify his invasion, Putin fabricated stories that Russian speakers and ethnic Russians, first in Crimea and then in eastern Ukraine, were under threat. In reality, no such threats existed*» (*There will be no win-win deal with Putin, The Washington Post, 11/12/2014*).

Источник напряжения между Западом и Россией – Путинский режим. Для того, чтобы оправдать свое вторжение, Путин сочинил истории о том, что русскоязычные граждане, а также этнически русские – сначала в Крыму, а затем в Восточной Украине – находятся под угрозой. На самом деле, не было никакой угрозы.

Подводя итог, отметим, что употребление прецедентных имен в определенном контексте помогает авторам создать позитивный или негативный образ оппонента, косвенно повлиять на его взгляды и убеждения. В нашем материале прослеживаются основные функции прецедентных имен – оценочная, экспрессивная и парольная. Через призму знаний и оценочных высказываний о Президенте РФ, например, формируется обобщенное представление о государстве, его повседневной действительности. Авторы устанавливают соответствие между политической ситуацией, актуальными событиями, происходящими на Украине и в мире, и прецедентными именами. В данном случае создаваемый североамериканскими СМИ образ Владимира Путина – авторитарного и жестокого политика – проецируется на все государство и формирует отрицательное впечатление, т. е. под данным

прецедентным именем закодирована определенная, нужная автору, информация. Кроме того, высказывая собственное мнение о каком-то конкретном человеке, автор наделяет прецедентное имя экспрессивной функцией, поскольку таким образом он выражает свое эмоциональное состояние и передает свое субъективное отношение к обозначаемым предметам.

2.6.3. Лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них

Изначально в качестве источников языкового материала были выбраны периодические издания *The Washington Post* и *The New York Times*, а также новостной портал *Russia Today* на английском языке, поскольку преследовалась цель в полной мере проанализировать поляризованный дискурс и рассмотреть освещение данной темы с двух сторон. Затем мы отказались от использования портала *Russia Today*, так как решили, что классификатор будет построен на не совсем релевантных данных, ведь маркеры, найденные в текстах *Russia Today*, могут быть не характерны для западной англоязычной прессы. Кроме того, мы планировали разработать программу, обнаруживающую манипуляцию, направленную против России, а статьи портала *Russia Today* вполне логично отстаивают противоположную точку зрения. Тем не менее, отметим, что многие дискурсивные маркеры манипуляции, обнаруженные в текстах американских изданий, также оказались типичны для текстов портала *Russia Today*.

В связи с вышесказанным поначалу был отброшен один из наиболее интересных, на наш взгляд, маркеров, который мы выделили в текстах *Russia Today*, – лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них слова. Однако впоследствии мы заметили, а учитывавший данный параметр классификатор «подтвердил», что лексемы тематики нацизма и фашизма распространены и в статьях американской прессы, а значит могут быть учтены при анализе текстов, содержащих манипуляцию против России.

Темы нацизма и фашизма являются весьма важными и неприятными не

только для большей части жителей постсоветского пространства, но и для всех государств, принявших участие во Второй мировой войне. Американские СМИ прибегают к использованию лексики, имеющей отношение к эпохе фашизма в Германии, нацизма, а также имен всем известных личностей того времени (Сталин, Гитлер) для дискредитации нынешнего правительства РФ. Для примера возьмем статью из *The Washington Post* под названием *In Putin's Russia, it just got easier to find the perpetrators of Stalin's purges* (В путинской России становится легче находить виновников сталинских чисток).

В данной статье встречается упоминание о нацистской Германии *Nazi Germany* (Нацистская Германия). Статья освещает тот факт, что организация по защите прав человека опубликовала целую базу данных, содержащую персональные данные около 40000 исполнителей сталинских чисток, которые Кремль предпочел бы оставить в тайне. При этом проводятся параллели между тоталитарной Советской Россией и политикой Владимира Путина, который, к тому же, в последнее время оправдывает действия Сталина и подчеркивает его значительный вклад в победу над фашистской Германией и возвращение СССР статуса мировой сверхдержавы:

(12) «*Russian President Vladimir Putin has in recent years revised Stalin's legacy, emphasizing the dictator's role in defeating Nazi Germany in World War II and turning the Soviet Union into a world power*» (*In Putin's Russia it just got easier to find the perpetrators of Stalin's purges/ The Washington Post/ 24/11/16*).

Владимира Путина обвиняют в сокрытии фактов и замалчивании неприглядных моментов истории СССР. Детали чисток, в которых лидеры Коммунистической партии и рядовые граждане были массово осуждены, как правило, по сфабрикованным обвинениям, были стерты из школьных учебников и публичного дискурса.

Обращаясь к теме нацизма при описании современной политической ситуации в России, авторы как бы приписывают те негативные характеристики прошлого сегодняшнему российскому правительству, при

этом у читателя невольно выстраиваются негативные ассоциации касательно политики Владимира Путина, поскольку тот во многом, якобы, поддерживает жесткие тоталитарные меры Сталина.

Кроме того, в западных СМИ, ведущих активную антироссийскую пропаганду, на сегодняшний день наметилась тенденция отождествлять СССР и фашистскую Германию, приравнять Сталина к Гитлеру, а значит – обвинить в нацистских настроениях (в особенности, с учетом присоединения Крыма) Россию как наследницу СССР и назвать Путина наследником Сталина, что, в свою очередь, дает повод правительствам Запада начать войну с РФ.

2.6.4. Прилагательные с антонимичными приставками *anti-* и *pro-*

В исследованных нами статьях было отмечено частое использование прилагательных с приставками *anti-* и *pro-*, которые помогают автору четко обозначить свою позицию и разделить «своих» и «чужих». Кроме того, с помощью данных лексико-морфологических единиц автор статьи может переложить ответственность за какое-либо действие на своего оппонента.

Дадим краткую этимологическую характеристику данным приставкам. Приставка *pro-* в современном английском языке образует прилагательные и иногда существительные со значением поддержки, одобрения чего-либо (*in favor, favoring*) [Online Etymology Dictionary, 2001–2018, URL: <https://www.etymonline.com/word/pro->]. Приставка *anti-* имеет греческое происхождение и употребляется в значении «против, нечто противоположное, вместо» (*against, instead*) [Online Etymology Dictionary, 2001-2018, <https://www.etymonline.com/word/anti->]. В нашем случае данные приставки употребляются с прилагательными и существительными. Приставка *pro-*, в основном, встречается в составе прилагательного *Russian* и существительного *Russia* в сочетании с лексемами *rebels, rebellion, separatists* и *m.n.* Тем самым происходит соотнесение событий, происходящих на востоке Украины, и действий РФ. Авторы пытаются донести до читателя, что

повстанческим движением руководит правительство РФ.

В данных заголовках из газеты *The Washington Post* (примеры 13, 14, 15, 16) автор перекладывает ответственность за военный конфликт на Украине на Россию, подчеркивая, что за действиями «повстанцев» стоят власти Российской Федерации.

(13) «*Ukraine **pro-Russian rebels** hold elections in the east, fueling conflict*» (*Ukraine pro-Russian rebels hold elections in the east, fueling conflict, The Washington Post, 02/11/14*).

Пророссийские повстанцы на Украине провели выборы на востоке, обострив конфликт.

(14) «*In Ukraine's European core, new weariness over war with **pro-Russian rebels***» (*In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, The Washington Post, 31/10/14*).

Европейские сторонники на Украине устали от войны с пророссийскими повстанцами.

(15) «*Eighteen months ago, when Russian President Vladimir Putin seized Crimea and then instigated a **pro-Russian rebellion** in the Donbas region, Ukraine was hot news*» (*Putin won his war in Ukraine, The Washington Post, 07/09/15*).

Восемнадцать месяцев назад, когда Российский президент Владимир Путин захватил Крым, а затем спровоцировал пророссийское восстание на Донбассе, Украина была на первой полосе газет.

(16) «*Two years later, Russia annexed Crimea and bolstered **pro-Russian separatists** in Ukraine*» (*What is Vladimir Putin really up to? The Washington Post, 13/12/17*).

Два года спустя Россия аннексировала Крым и содействовала пророссийским сепаратистам на Украине.

Американские СМИ описывают прилагательным *pro-Russian* (пророссийский) все, что, на их взгляд, «неправильное, недемократичное», например, в статьях *The New York Times* пророссийским называют бывшего президента Украины Виктора Януковича (пример 17):

(17) «*Mr. Volker said the shelling overnight Tuesday was "one of the most violent nights" of the war, which began in spring 2014 as Russia supported separatists in two regions of eastern Ukraine after Ukraine's **pro-Russian president** fled the country*» (*Ukraine War Flares Again After a Lull, The New York Times, 20/12/17*).

Г-н Волькер сказал, что ночь вторника во время обстрела была одной из самых жестоких с момента начала войны весной 2014 г., когда Россия поддержала сепаратистов в двух регионах Восточной Украины после того, как пророссийский президент Украины покинул страну.

Западные СМИ нередко подчеркивают, что Путин проводит антизападную или антиамериканскую (*anti-Western, anti-American, anti-Americanism*) политику, используя приставку *anti-* (см. примеры 18, 19, 20). Политика РФ – антизападная, а значит – антидемократическая, тоталитарная и жесткая. Приставка *anti-* привносит здесь значение ‘нечто противоположное’, т.е. снова происходит усиление поляризации и деление мира на демократический западный и другой, противоположный – российский.

(18) «*Russian President Vladimir Putin accused the United States on Friday of trying to “reshape the whole world” for its benefit, in a fiery speech that was one of the most **anti-American** of his 15 years as Russia’s paramount leader*» (*Russia’s Putin blames U.S. for destabilizing world order, The Washington Post, 24/10/14*).

В пятницу Президент России Владимир Путин обвинил Соединенные Штаты в попытке «переделать весь мир» в свою пользу во время пламенной и одной из самых антиамериканских речей за все 15 лет своего самодержавия в России.

(19) «*There is a lesson for Americans here, especially considering the fact that leading Russian academics suggest that the pendulum that is responsible for strident **anti-Americanism** in Russia could very well swing in the opposite direction*» (*Is Vladimir Putin an evil genius? No, but he’d like us to believe it, The*

Washington Post, 16/03/18).

Это будет уроком для американцев, особенно учитывая тот факт, что ведущие российские ученые считают, что маятник, ответственный за резкий антиамериканизм в России, может сильно раскачаться в противоположном направлении.

(20) «*Six years ago, when he last ran, Putin stepped up his **anti-American rhetoric** amid large and continuing street demonstrations against him*» (*With Putin's reelection. Expect rising tensions with the West, The Washington Post*, 18/03/18).

Шесть лет назад, когда он в последний раз пришел к власти, Путин активизировал свою антиамериканскую риторику на фоне крупных и продолжительных уличных демонстраций против него.

Итак, в данном параграфе были описаны примеры употребления антонимичных приставок *pro-* и *anti-*, способствующих усилению поляризации и противопоставлению мира «своих» и «чужих». Ниже будет представлен пример анализа статьи, классифицированной как манипулятивная, иллюстрирующий роль определенного нами ранее перечня маркеров манипуляции в поляризованном дискурсе. Кроме того, в целях контрастного описания и сопоставления будет представлен также анализ статьи, не относящейся к поляризованному дискурсу, но посвященной тематике миграции в Европе.

2.7. Пример анализа текстового материала с опорой на выявленные маркеры манипуляции

Проанализируем статью из газеты *The New York Times* от 11 ноября 2014 года по выделенным нами параметрам и попытаемся обнаружить специфичные пласты лексики, которые, на наш взгляд, позволяют автору оказывать манипулятивное воздействие на читателя.

The Iran-Ukraine Affair

Have you heard about the Iran-Ukraine affair?

*It goes like this. Vladimir **Putin's** Russia makes nice over an Iran nuclear deal. It is helpful in every way. A recent headline on a piece by my colleague David Sanger read, "Role for Russia Gives Iran Talks a Possible Boost." In return, the United States turns a blind eye to the big Russian **military build-up** on the Ukrainian border and in areas under the control of **Moscow-backed rebel separatists**.*

*I am not suggesting there is any such formal Iran-Ukraine trade-off between the **Obama** administration and **Putin**. I am suggesting that the Russian leader has a keen eye for American weakness and an exquisite sense of timing. The **abrupt** flaring of new **fighting** in eastern Ukraine, and the **abrupt** Russian readiness to help on Iran ahead of the Nov. 24 deadline for nuclear talks, are not a mere coincidence. They are part of a Russian strategy and, for now, the United States is playing along.*

*An Iran nuclear deal would be good for the United States, Iran and the world. President **Obama** understands its importance, hence his recent reported letter to the Iranian supreme leader, Ayatollah Ali Khamenei. An accord could place all Iran's irreversible **nuclear capacity** in a limited and verifiable box, ensuring there is never an Iranian **bomb**, while ushering the last sizeable emerging market nation into the global economy. It would change the blocked politics of the Middle East, confounding America's **enemies** and forcing sometimes **manipulative** allies to think in new and perhaps constructive ways. The deal, at this point, represents the last hope for any significant Obama legacy in the Middle East. It is clear that he wants it.*

*But the unspoken price of an Iran deal, vital as it is, cannot be the loss of Ukraine and the unraveling of NATO. **Putin** has already **annexed Crimea** despite Russia's signed agreement in 1994 "to respect the independence and sovereignty and the existing borders of Ukraine." There is every reason to believe he has designs on all Ukraine. The West's mistake has been to think that **Putin** is not serious in wishing to reconstitute the **Soviet Union** in new guise.*

The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive. Large, unmarked convoys of heavy weapons and tanks manned by personnel without insignia on their uniforms (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the front lines in rebel-held territory. Sophisticated artillery and ground-to-air missile systems have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move military units thousands of miles for nothing.

A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that intelligence estimates are of some 45,000 regular Russian troops on the border; tens of thousands of Russian irregulars of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of Russian officers and military personnel; some 450 battle tanks and over 700 pieces of artillery.

"Ukraine has no real fighting capacity to face all this," he said. "They think we're their friends and don't understand why we won't help them. They are frustrated and afraid because they can see a hammer coming at them."

In response to Putin's hammer, the West has expressed concern. The United States National Security Council spokeswoman has said, "We are very concerned." The European Union has called the reports of convoys of heavy weapons "very worrying." Concern and worry do not stop a hammer. Poroshenko's requests to Obama for substantial American military assistance should not have been rejected.

Watch Putin's actions. Be very wary of his words. That is the lesson of the past year. It has not been learned. It is nice that the Russian foreign minister, Sergey Lavrov, and Secretary of State John Kerry have just agreed to exchange information on Ukraine and called for respect for a September cease-fire that is unraveling in the smoke and fire of Donetsk. It is also meaningless. Lavrov feigns the innocent on the military buildup. That's his good-cop role.

The reality is dangerous. A quarter-century after the fall of the Berlin Wall, as balloons go up in the German capital, a nation of 45 million people that wants

*to enjoy the fruits of European freedom is being abandoned to **Russian dismemberment**. If that happens, if Ukraine is lost, America’s promise to its NATO allies in the Baltics and Eastern Europe is not going to be viewed as credible. A core Russian strategic objective since 1945 — the decoupling of American and European defense — will be on its way to realization.*

*I just hope the refrain inside the White House is not: “We can’t **annoy** the Russians on Ukraine. They’re being helpful on Iran. We won’t get a deal without them.” But I wouldn’t bet on it. An Iran-Ukraine affair is plausible (*The Iran-Ukraine Affair, The New York Times, 11/11/2014*).*

Результаты текстуального анализа мы представили в Таблице 12.

Таблица 12. – Результаты текстуального анализа статьи *The New York Times*

Военная терминология (25)	Military build-up (2), nuclear capacity, cease-fire, military assistance, convoys (2), heavy weapons (2), fighting capacity, battle tanks (2), military personnel (2), artillery (2), officers, irregulars, regular Russian troops, intelligence, military units, offensive, ground-to-air missile systems, bomb, front lines
Дискурсивные маркеры манипуляции (15)	Глаголы: to annoy, to annex
	Прилагательные: Moscow-backed, abrupt (2), dangerous, manipulative, rebel-held
	Существительные: rebel, separatists, fighting, dismemberment, hammer (2), enemies
Прецедентное имя Vladimir Putin (6)	Vladimir Putin (6)

Советская терминология (2)	The fall of the Berlin Wall, Soviet Union
Прилагательные с приставками <i>pro-</i> , <i>anti-</i>	В данной статье отсутствуют

В таблице выше представлена сводная информация обо всех выделенных маркерах манипуляции. В частности, в данной статье наблюдается достаточно высокая плотность слов и словосочетаний на военную тематику, создающих устрашающий образ Российской Федерации – образ агрессора, который располагает огромными военными ресурсами и готовится к нападению (см. Пример 15):

(15) *The current Russian **buildup** has all the signs of preparation for an offensive. Large, unmarked convoys of heavy weapons and tanks manned by personnel without insignia on their uniforms (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the front lines in rebel-held territory. Sophisticated artillery and ground-to-air missile systems have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move military units thousands of miles for nothing.*

*Наблюдаемое наращивание **военной мощи** дает все основания предполагать, что Россия готовится к **нападению**. **Огромные конвои тяжелого вооружения и танков** без опознавательных знаков и управляемые **военными** в безликой форме (как те, что взяли Крым) были замечены на **границе с захваченной повстанцами территорий**. **Передовая артиллерия и ракетные комплексы земля-воздух** приведены в состояние готовности. **Собраны единицы военной техники со всей территории***

*России – от востока до Крайнего Севера. Вы не стали бы **передвигать единицы военной техники** на тысячи миль просто так.*

Автор также обращается к прецедентным именам – *Vladimir Putin, Barack Obama, Petro Poroshenko*. Разберем наиболее важное в нашем случае прецедентное имя *Vladimir Putin*. Проанализировав контекст, в котором употребляется данное прецедентное имя, можно сделать вывод, что Владимир Путин представлен как авторитарный правитель (*Putin's Russia – Путинская Россия*), граждане РФ – бесправные, полностью подчинены Президенту. Кроме того, заявляется, что Владимир Путин насильно присоединил Крым (*Putin has already annexed Crimea*). Автор призывает посмотреть на действия Путина (*Watch Putin's actions. Be very wary of his words. That is the lesson of the past year*) – он поступает неправильно, вызываяюще. Характеристика его политики лаконична: *Putin's hammer* (*hammer – кувалда, молоток*). И наконец, западные власти не ожидали, что Путин всерьез хочет воссоздать Советский Союз – насильственным путем присоединить государства постсоветского пространства (*The West's mistake has been to think that Putin is not serious in wishing to reconstitute the Soviet Union in new guise*).

В тексте также присутствуют дискурсивные маркеры манипуляции – прилагательные, существительные и глаголы с негативной коннотацией в контексте РФ. В частности, Российскую власть обвиняют в пособничестве повстанцам (*Moscow-backed*).

Сравним частотность вышеупомянутых лексических единиц в статье на не связанную с Россией и выходящую за пределы поляризованного дискурса тематику – тематику миграции в Европе. Статья взята из газеты *The Washington Post* и посвящена способам решения проблемы большого числа беженцев.

Five ways to solve Europe's refugee crisis

BRUSSELS – Amid the largest refugee crisis in Europe since the Balkan Wars of the 1990s, a tide of thousands of asylum-seekers is reaching the

continent's shores faster than they can be accommodated.

So far, the European Union's 28 nations have been unable to agree on a solution. Ahead of a European Commission proposal Wednesday for a system to spread asylum-seekers across all E.U. countries, here are a few of the options Europe is considering:

1) Doing nothing.

*Europe tried to make a plan to share out refugees earlier in the summer. At the time, they were talking about only 40,000 people. But that **failed** after many countries, especially in eastern and central Europe, bridled at being required to take in a set number of refugees. Now the proposal is expected to be triple that – amid deep doubts about nations' ability to come to an agreement.*

***Pros:** Few, but that doesn't mean it won't happen. Each European leader answers to his or her own electorate, which sometimes makes broad E.U. deals very difficult. The status quo is good for countries that don't like refugees and under current E.U. rules can deport asylum-seekers back to the first E.U. country they entered. That's almost always Greece, Italy or Hungary, which are buckling under the influx.*

***Cons:** "If Europe **fails** on the question of refugees, then it won't be the Europe we wished for," said German Chancellor Angela Merkel, who has thrown open her nation's doors to asylum-seekers. She warned that without a Europe-wide plan, individual nations might need to reimpose border controls, a major blow to European unity. And with some nations far more generous to refugees than others, human **smugglers** will prosper, ferrying asylum-seekers to Germany and Sweden, with potentially **tragic consequences**.*

2) Quotas.

This is what European Commission President Jean-Claude Juncker will propose Wednesday. He'll suggest relocating 120,000 asylum-seekers from the front-line nations of Greece, Italy and Hungary and spreading them across Europe, according to European accounts of the draft plans. Together, Germany, France and Spain would take more than half of them, according to a rough draft

published by Spain's *El Pais* newspaper. The remainder would be spread across the rest of Europe.

Pros: It would help reduce the burden on those three European nations that are on the edges of the European Union and **have buckled** under the weight of the more than 400,000 asylum-seekers who have arrived so far this year. And though the proposal would **fall** far short of the numbers needed to address the full scale of the problem, it would still set up a system that could later be expanded. Nations that have resisted hosting refugees, such as Slovakia, may be able to send money instead as a compromise measure.

"Considering the current politics, it is the most pragmatic idea on the table right now," said Elizabeth Collett, the director of the Brussels-based Migration Policy Institute Europe.

Cons: It's a drop in the bucket. Germany plans to take in 800,000 asylum-seekers this year, and says it's ready for 500,000 a year for the next several years. Facing those numbers, the E.U. plan simply doesn't do enough. And there are many **thorny questions** to work out: What happens when an asylum-seeker who has family in France gets assigned to Lithuania instead? In a Europe without borders, how would policymakers ensure the refugees stay put? And what happens to asylum-seekers who arrive beyond the quotas? Do they pile up in refugee camps on Europe's edges, or do they simply keep pushing through to Western Europe?

And many nations, especially in Eastern and Central Europe, are opposed to quotas.

"I do not consider them any real solution to the migration crisis," Czech Prime Minister Bohuslav Sobotka said Monday, according to the Czech News Agency.

3) Military action against the **smugglers** who bring help refugees get to Europe.

Britain and others have been pushing for U.N. Security Council authorization to **deploy navies** to board and intercept the flimsy boats that set sail across the Mediterranean from Libya and Egypt to Europe's shores. The boats,

operated by human **smugglers**, are **dangerous**, frequently sinking during the passage. More than 2,700 migrants have died this year.

Pros: The plan would discourage the **smugglers**, who often have ties to organized crime and profit tremendously from the some of the world's most **vulnerable** populations. Fewer boats crossing the Mediterranean would reduce the immediate crisis for Europe and might discourage some of the economic migrants coming illegally from Africa and South Asia. And a stepped-up naval presence in the Mediterranean might make search-and-rescue operations more successful when **smugglers'** ships capsize.

Cons: Stopping **smugglers** doesn't address the root causes of the refugee crisis. It just displaces the burden to other countries. And in some ways, these plans are a solution to yesterday's problem. Over the course of this year, the bulk of migrant traffic to Europe has shifted westward to the Balkans: asylum-seekers make a short sea hop from Turkey to nearby Greek islands, then travel to Western Europe overland through Macedonia, Serbia and Hungary. The naval plans wouldn't do anything about that at all.

4) Resettling refugees directly from camps surrounding Syria, and from Syria.

Remember "Schindler's List?" Or the U.S. efforts to resettle refugees from Vietnam in the 1970s? This would be the 21st-century equivalent, more or less: E.U. diplomats handing out visas on the ground in the countries where more than 4 million Syrian refugees have settled.

Pros: This is arguably the most humane option, since it would make an end-run around **smugglers**. Refugees could simply get on a plane from Turkey, Lebanon or Jordan and fly straight to Europe, saving the **danger** of a **smuggled, overland trip** that sometimes costs up to \$10,000. It's what British Prime Minister David Cameron suggested Monday when he said Britain would take in 20,000 Syrian refugees directly from the Middle Eastern camps over the next five years.

"We want to encourage people not to make that **dangerous crossing** in the first place," Cameron said.

Cons: Realistically, there's **little political support** in Europe to do this on a scale that would actually relieve **pressure** on the camps. Cameron's commitment over the next five years is equivalent to what Germany took in this weekend alone. And it's not clear that handing out visas in the region would stop the separate overland flow to Europe. That's because the most **vulnerable** refugees typically jump to the front of the line for resettlement schemes such as the British one. The asylum-seekers currently coming to Europe by land are the ones with the resources to pay a sometimes hefty price to **smugglers**.

"When you are facing a **humanitarian disaster**, when you are facing the aftermath of Hurricane Katrina, when you say, 'I think we can resettle 25 people,' people would just **laugh in your face**," said Elspeth Guild, a migration specialist at the Brussels-based Center for European Policy Studies.

5) Bring peace to Syria, Afghanistan, Iraq and Eritrea.

Those are the conflict-ridden countries that are supplying the bulk of the asylum-seekers to Europe. If there wasn't **violence** there, Europe wouldn't have a refugee problem.

Pros: Everyone's happy.

Cons: Not going to happen anytime soon.

Обнаруженные в тексте статьи маркеры представлены в Таблице 13.

Таблица 13. – Текстуальный анализ статьи *The Washington Post*

Военная терминология (0)	Отсутствует
Дискурсивные маркеры манипуляции (23)	Глаголы: fail (2), fall, buckle
	Прилагательные: dangerous (2), smuggled, vulnerable (2), tragic, thorny
	Существительные: violence, disaster, smuggler (8), danger, pressure
Прецедентное имя Vladimir Putin (0)	Отсутствует

Советская терминология (0)	Отсутствует
Прилагательные приставками pro-, anti-	Отсутствуют

Статья описывает проблемы миграции в Европе и предлагает несколько способов ее решения, при этом автор приводит все за и против каждого конкретно взятого способа. Текст достаточно нейтрален, изложение строится в описательном ключе, здесь не наблюдается типичных для манипулятивного дискурса стратегий позитивной самопрезентации и негативной презентации оппонента. Отсутствует поляризация как таковая. Все глаголы, имеющие негативную коннотацию (*fail, fall*), описывают провал принятой в Европе политики относительно беженцев, когда лидеры европейских государств оказались не способны решить проблему миграции и теперь бессильны перед огромным потоком беженцев, хлынувшим из стран Северной Африки. Политику Евросоюза называют гуманитарной катастрофой (*humanitarian disaster*). Идиоматические выражения, присутствующие в тексте, подчеркивают недостаточность принимаемых мер в отношении беженцев – капля в море (*drop in the bucket*) и небольшая политическая поддержка (*little political support*), а смотря на реализуемую политику, люди лишь посмеются им в лицо (*people would just laugh in your face*).

Среди существительных с негативной окраской выделяется множество раз повторяющееся слово контрабандисты (*smugglers*), которое зачастую употребляется вместо стилистически и оценочно нейтрального – беженцы (*refugee*). Однако отметим, что их также признают наиболее уязвимой категорией граждан (*vulnerable*), погоня за мечтой для которых оборачивается трагическими последствиями (*tragic consequences*). Пласт негативной лексики в тексте напрямую связан с действиями беженцев: их попытки пересечь границу и поселиться в Европе описываются как контрабандная сухопутная поездка (*smuggled, overland trip*) или опасное

пересечение (*dangerous crossing*).

С помощью использования некоторых лексических единиц с негативной коннотацией авторы, в основном, не стремятся кого-то очернить или выставить в негативном свете – данная лексика, скорее, выражает сожаление и сочувствие к странам, принявшим весь удар в виде огромного числа беженцев на себя – *European nations <...> have buckled under the weight of the more than 400,000 asylum-seekers* (Европа буквально прогибается под грузом в виде более чем 400000 беженцев).

Примечательно, что лексемы военной тематики отсутствуют вовсе. Обнаружено лишь словосочетание *deploy navies* (развернуть флот) при описании ситуации, когда Британия и некоторые другие государства настоятельно просили разрешение у Совета Безопасности на перехват лодок с беженцами в Средиземном море.

Сравним численное преимущество маркеров в манипулятивной статье: из Таблиц 12 и 13 наглядно видно, что в первой (содержащей манипуляцию) статье присутствует 25 лексем на военную тематику, 15 дискурсивных маркеров, 6 раз упомянуто прецедентное имя *Vladimir Putin*, дважды наблюдается отсылка к лексике на советскую тематику. Во второй (не принадлежащей к поляризованному политическому дискурсу) статье выявлены 23 дискурсивных маркера манипуляции, при этом лексема *smugglers* ('контрабандисты'), характерная именно для данной тематики, повторяется 8 раз. Таким образом, получается, что общее количество словоупотреблений, обозначенных нами как маркеры манипуляции, в манипулятивной статье – 48, а в статье на тему миграции в Европе – 23. Подсчитаем также непосредственное число различных лексем (без учета повторений): 35 лексем в статье, содержащей манипуляцию (19 военных терминов, 13 дискурсивных маркеров, прецедентное имя *Vladimir Putin*, 2 слова на советскую тематику) и 13 лексем в статье о миграции. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в первой статье, действительно, достаточно высокая плотность маркеров манипуляции.

Проанализировав и сравнив две статьи, приходим к следующему выводу: в статьях, освещающих политическую ситуацию на Украине и категоризованных нами как манипулятивные, присутствуют специфические для данного политического поляризованного дискурса маркеры манипуляции, нехарактерные для статей другой тематики, а именно: военная терминология, дискурсивные маркеры манипуляции, прецедентное имя *Vladimir Putin*, прилагательные с приставками *pro-* и *anti-*, прилагательное *soviet* и другая лексика на советскую тематику. Таким образом, можно предположить, что авторы намеренно используют вышеупомянутые лексические единицы для создания манипулятивного эффекта в статьях, где упоминается Россия и конфликт на Украине.

2.8. Статистическая проверка валидности отобранных для автоматической классификации параметров

Работа над статистической проверкой параметров началась со сбора тренировочного корпуса, состоящего из 150 манипулятивных, на наш взгляд, текстов, а также 150 контрольных текстов, случайно взятых с аналогичных сайтов. Изначально отобранные нами тексты были представлены в виде двух списков URL ссылок, поэтому для того, чтобы преобразовать их в корпус были пройден следующий алгоритм:

- 1) извлечение контента с сайта;
- 2) очистка от лишней разметки;
- 3) нормализация текста (токенизация и создание регистра для всех слов).

Далее, мы на нашем корпусе проверили функционирование и значение следующих метрик (применили характеристические функции):

- 1) прилагательные с приставками *pro-* и *anti-*: данная метрика отображает соотношение числа слов, начинающихся с приставок *pro-* и *anti-*, и общего числа слов;

- 2) морфема *soviet-*: оценивается соотношение количества слов, содержащих корень *soviet-*, или словосочетаний с данной лексемой и общего числа слов в тексте;
- 3) военная терминология: соотношение количества слов из списка военной терминологии (Приложение А), и общего числа слов в тексте;
- 4) дискурсивные маркеры манипуляции: соотношение количества слов из списка дискурсивных маркеров манипуляции и общего числа слов в тексте;
- 5) прецедентное имя *Vladimir Putin*;
- 6) лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них слова: оценивается соотношение количества слов, содержащих корень *Nazi-* или *fascist*, или словосочетаний с данными лексемами и общего числа слов в тексте.

Мы предполагаем, что данные параметры могут быть использованы для определения степени манипулятивности текста, а также являются достаточно значимыми метриками для доказательства манипулятивности текста.

Для подтверждения гипотезы была вычислена статическая значимость различия между средними значениями характеристических функций при помощи метода статистической проверки гипотез. В качестве порога статистической значимости был выбран порог в 5%.

Нулевая гипотеза – различия между средними значениями статистически не значимы (P -значение $> 5\%$). Альтернативная гипотеза – различия статистически значимы (P -значение $\leq 5\%$).

В качестве инструмента для сравнения значений функций был использован двухвыборочный t -критерий Стьюдента для независимых выборок. Под t -критерием Стьюдента понимаются методы статистической проверки гипотез, основанные на распределении Стьюдента. Чаще всего t -критерий применяется для проверки равенства средних

значений в двух выборках. Принцип заключается в следующем: в числителе случайная величина с нулевым математическим ожиданием, а в знаменателе – выборочное стандартное отклонение этой случайной величины, получаемое как квадратный корень из несмещенной оценки дисперсии [Student, 1908]. Полученные результаты представлены в Таблице 14.

Таблица 14. – Результаты сравнения значений функций

Метрика	t-критерий (различие между средним количеством слов в текстах)	p-значение (вероятность одинаковости двух выборок)
<i>pro-</i> и <i>anti-</i>	2.13633331	0.03522494
<i>soviet-</i>	3.72056850	0.00039430
Дискурсивные маркеры манипуляции	4.955	0.00000308
Военная терминология	2.3306	0.0223
Прецедентное имя <i>Vladimir Putin</i>	5.8044	0.0000001667
Лексемы <i>Nazi</i> и <i>fascists</i> и производные от них слова	0.3592	0.7202

Как мы можем видеть для метрик *pro-* и *anti-*, *soviet-*, маркеров манипуляции, военной терминологии и прецедентного имени *Vladimir Putin* p-значение меньше выбранного порога значимости, поэтому мы можем отбросить нулевую гипотезу и принять альтернативную. Таким образом, данные характеристические функции могут быть использованы для дифференциации манипулятивных текстов и текстов других тематик, не

содержащих манипуляцию, направленную против России. При этом стоит отметить, что показатели для дискурсивных маркеров манипуляции и прецедентного имени *Vladimir Putin* – весьма значительные, что свидетельствует о том, что они важны для оценки манипулятивности текстов.

Анализ лексем *Nazi* и *fascist* и производных от них слов показал, что различия по данному признаку несущественны и, скорее всего, не могут быть использованы для разграничения манипулятивных и неманипулятивных текстов. Тем не менее, данный параметр все-таки может приниматься во внимание в сочетании с другими при анализе манипулятивности текстов.

Код программы представлен в Приложении Г.

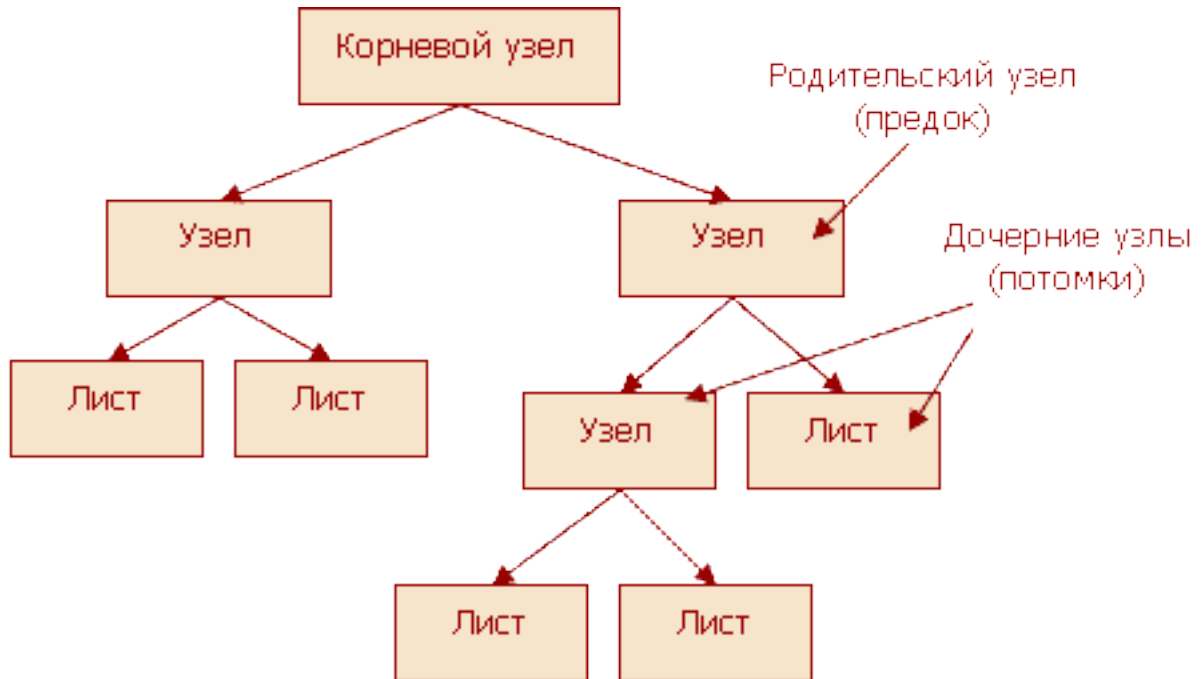
2.9. Деревья принятия решений как метод автоматического анализа данных

Деревья решений – это способ представления правил в иерархической последовательной структуре, при этом каждому объекту соответствует один узел решения. Под правилом понимается логическая конструкция, представленная в виде «если ... то ...» [Бериков, 2002; Мошков, 1994; Murthy, 1997]. Деревья решений – метод автоматического анализа данных, который восходит к работам Ховленда и Ханта конца 50-х годов XX века. Тем не менее, основополагающей работой, оказавшей непосредственное влияние на развитие данного направления, стала книга 1966 года Ханта, Мэрина и Стоуна «Experiments in Induction». Основными понятиями в рамках данного метода являются следующие:

1. Объект – пример, шаблон, наблюдение.
2. Атрибут – признак, независимая переменная, свойство.
3. Метка класса – зависимая переменная, целевая переменная, определяющий класс объекта признак.
4. Узел – внутренний узел дерева, узел проверки.
5. Лист – конечный узел дерева, узел решения.
6. Проверка – условие в узле [Бериков, 2002].

На Рисунке 5 представлена обобщенная схема деревьев решений.

Рисунок 5. – Схема деревьев решений

Все задачи, решаемые при помощи данного аппарата, могут быть объединены в следующие три класса:

1. Описание данных: хранение информации о данных в компактной форме.
2. Классификация: отнесение объектов к одному из заранее известных классов. Целевая переменная должна иметь дискретные значения.
3. Регрессия: если целевая переменная имеет непрерывные значения, деревья решений позволяют установить зависимость целевой переменной от независимых (входных) переменных.

Общий алгоритм построения дерева принятия решения таков:

1. Выбрать атрибут A и поместить его в корневой узел.
2. Из тестовых примеров (или набора данных) для каждого значения атрибута B выбрать только те, для которых $A=B$.
3. Рекурсивно построить дерево принятия решений [там же].

Основная проблема заключается в первом шаге – на каком основании выбирается каждый следующий атрибут A ? На этот вопрос существует несколько ответов в виде частных алгоритмов принятия решений – главными

из которых являются алгоритмы ID3, C4.5 и CART (Таблица 15).

Таблица 15. – Частные алгоритмы принятия решений

Алгоритм	Объяснение
ID3	Основа – понятие информационной энтропии или меры неопределенности информации. Для определения следующего атрибута подсчитывается энтропия всех неиспользованных признаков относительно тестовых образцов и выбирается тот, для которого энтропия минимальна.
C5	Алгоритм выполняется по принципу ID3, но появляется возможность разбиения области значений независимой числовой переменной на несколько интервалов, каждый из которых будет являться атрибутом. Таким образом исходное множество делится на подмножества, и, если дерево получается слишком большим, возможна обратная группировка нескольких узлов в один лист.
CART	Цель алгоритма – построение бинарных деревьев решений, когда каждый узел при разбиении дает только двух потомков, т.е. алгоритм действует путем деления на каждом шаге множества примеров ровно напополам – по одной ветви идут примеры, в которых правило выполняется (правый потомок), по другой – нет (левый потомок). В процессе «роста» на каждом узле дерева алгоритм проводит перебор всех атрибутов, и выбирает для следующего разбиения тот, который максимизирует значение показателя, вычисляемого по математической формуле и зависящего от отношений числа примеров в правом и левом потомке к общему числу примеров.

На первом этапе работы предполагается загрузка данных в оперативную память. Мы сохранили данные – тексты статей с сайтов – в базу данных в формате *json*. Предварительное скачивание статей с сайтов, а также их очистка от лишней разметки были проделаны на этапе статистической проверки параметров (см. параграф 2.8. и Приложение Г).

На втором этапе проводится нормализация данных, предполагающая замену номинальных признаков таким образом, чтобы каждый из них лежал

в диапазоне от 0 до 1. Библиотека *Scikit-Learn* располагает готовыми для этого функциями. Значения метрик были предварительно подсчитаны нами ранее (см. Приложение Г) и загружены в базу данных в формате json, поэтому данный этап был пропущен.

Третий этап заключается в отборе признаков (*feature selection*) и расчете их информативности. В нашем случае мы заранее определили ограниченный перечень метрик, поэтому не было необходимости рассчитывать их информативность и проводить их фильтрацию.

На следующем этапе, после предварительного анализа предложенных алгоритмов машинного обучения, в документированной библиотеке *Scikit-Learn* [scikit-learn.org] для проводимого исследования был выбран алгоритм деревьев решений.

Мы остановились на данном алгоритме, поскольку он хорошо применим для задач классификации, а также предоставляет более точные результаты на относительно небольшом объеме данных по сравнению с другими алгоритмами машинного обучения. Кроме того, алгоритм достаточно прост в понимании и интерпретации, не требует подготовки данных и позволяет оценить модель при помощи статистических тестов. В Приложении Д представлен программный код алгоритма деревьев решений применительно к нашему исследованию.

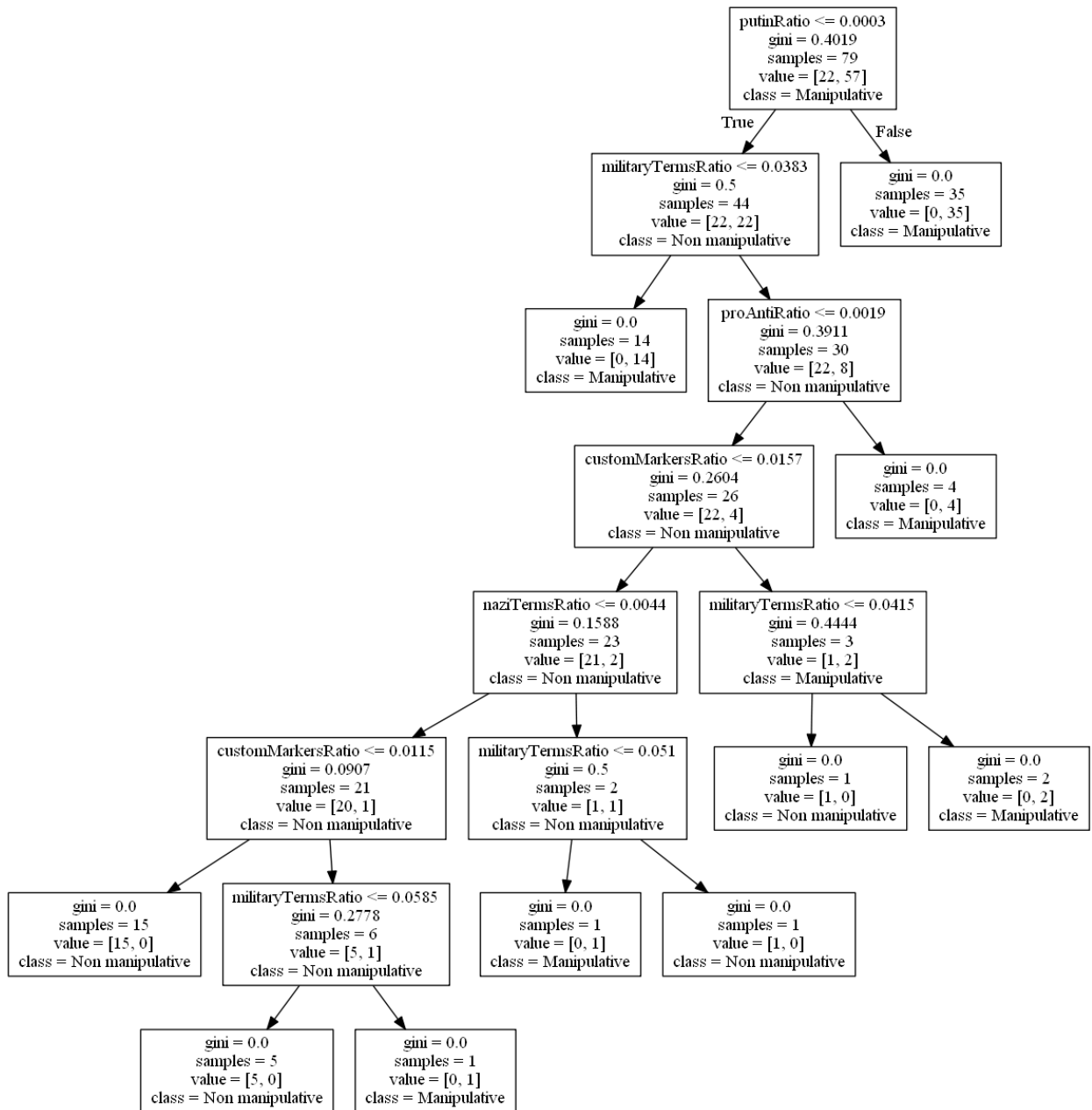
На заключительном этапе результаты выводятся в файл.

Классификатор был первоначально обучен на 80 случайно выбранных из нашей выборки текстах.

На Рисунке 6 представлено одно из первых «деревьев решений» для классификации множества из 80 текстов, построение которого идет сверху вниз. В первом узле констатируется, что из 79 загруженных предположительно манипулятивных текстов 35 содержат статистически большое количество использований прецедентного имени *Vladimir Putin*, что уже является основанием для их классификации как манипулятивных. Оставшиеся 44 текста проверяются на наличие военной лексики: в 14 ее

количество статистически значимо, а в 30 – нет. Первые 14 попадают в категорию манипулятивных, а оставшиеся 30 проверяются на наличие других маркеров и т.д.

Рисунок 6. – Дерево принятия решений

Затем обучающая выборка была увеличена до 1800 текстов.

После обучения классификатора мы получили возможность оценить значимость выявленных нами параметров. Таким образом, были получены следующие цифры (см. Табл. 16):

Таблица 16. – Результаты построения алгоритма деревьев принятия решений

Дискурсивные маркеры манипуляции 'customMarkersRatio'	0.06368568
Военная терминология 'militaryTermsRatio'	0.44938862
Приставки pro- и anti- 'proAntiRatio'	0.15636527
Прецедентное имя <i>Vladimir Putin</i> 'putinRatio'	0.30701754
Лексика на советскую тематику 'sovierRatio'	0
Лексемы <i>Nazi</i> и <i>fascist</i> и производные от них слова 'naziTermsRatio'	0.02354288

Чем ближе данный показатель к 1, тем выше важность параметра для классификации. Исходя из полученных данных, мы можем сделать следующие выводы: наиболее весомые в рамках нашей классификации параметры – военная терминология и прецедентное имя *Владимир Путин*.

2.10. Интерфейс онлайн версии программы и алгоритм работы с ней

При поддержке Центра цифровой экономики СФУ представленный выше алгоритм был использован в он-лайн версии классификатора, доступного в режиме тестирования по ссылке <http://bias.verbalab.ru/>.

Для категоризации текста как манипулятивного необходимо вставить его в окошко *Paste your text*, набрать кодовое слово (*Enter your code*). Кодовое слово можно получить, предварительно запросив его по ссылке xyz@verbalab.ru (или нажать на ячейку Don't have code), а затем проверить текст, нажав Check text.

Программа осуществляет классификацию статей исходя из числа ненулевых параметров: если в тексте не найден вообще или обнаружен всего

1 – ненулевой параметр, текст считается неманипулятивным, 2-3 – низкой степени манипулятивности, 4 – средней, 5-6 – высокоманипулятивный.

В дальнейшем валидность результатов должна улучшаться, поскольку чем больше текстов будет проанализировано классификатором, тем больше статистических закономерностей будет выявлено.

Продemonстрируем принцип работы классификатора на примере нескольких произвольно взятых текстов из изданий *The Washington Post* и *The New York Times*.

Возьмем одну из наиболее, по данным предварительного лингвистического анализа, манипулятивных статей нашей выборки – «Владимир Путин скрывает правду» (*Vladimir Putin Hides the Truth*) и проверим ее с помощью классификатора.

Vladimir Putin Hides the Truth

For President Vladimir Putin of Russia, the manipulation and suppression of facts is as much a tool of his war in Ukraine as an AK-47 or a rocket launcher. He continues to insist that Russian soldiers and weapons are not involved in the conflict in the eastern sector of the country, despite evidence to the contrary from NATO, the United States and independent journalists.

Last week Mr. Putin added a new and especially cruel twist to his formula of deception by decreeing that the deaths or wounds of Russian soldiers in “special operations” can be classified as military secrets, even in peacetime. In the past, the list of state secrets applied only to personnel losses in wartime.

The decree furthers a climate of propaganda and secrecy that was well established during Soviet times and that Mr. Putin has worked hard to revive. It could lead to the arrest of journalists and human rights activists who gather and publicize information about soldiers’ deaths, further restricting the open flow of essential information.

On a personal level, the decree is especially heartless because it could make it even more difficult for loved ones to obtain the facts about their soldiers’ deaths or injuries, which grieving families need to understand the circumstances of the

casualties. Government critics also charge that Russia's refusal to acknowledge that its **soldiers** are in **combat** denies them disability payments and their relatives death benefits and other awards.

Mr. Putin clearly **fears** a political backlash from Russians who could turn against him and his **destructive policies** if they learn the truth about Ukraine. Public opinion polls have largely shown that Russian support for **Mr. Putin** is high and many Russians don't believe their **military forces** are involved in Ukraine.

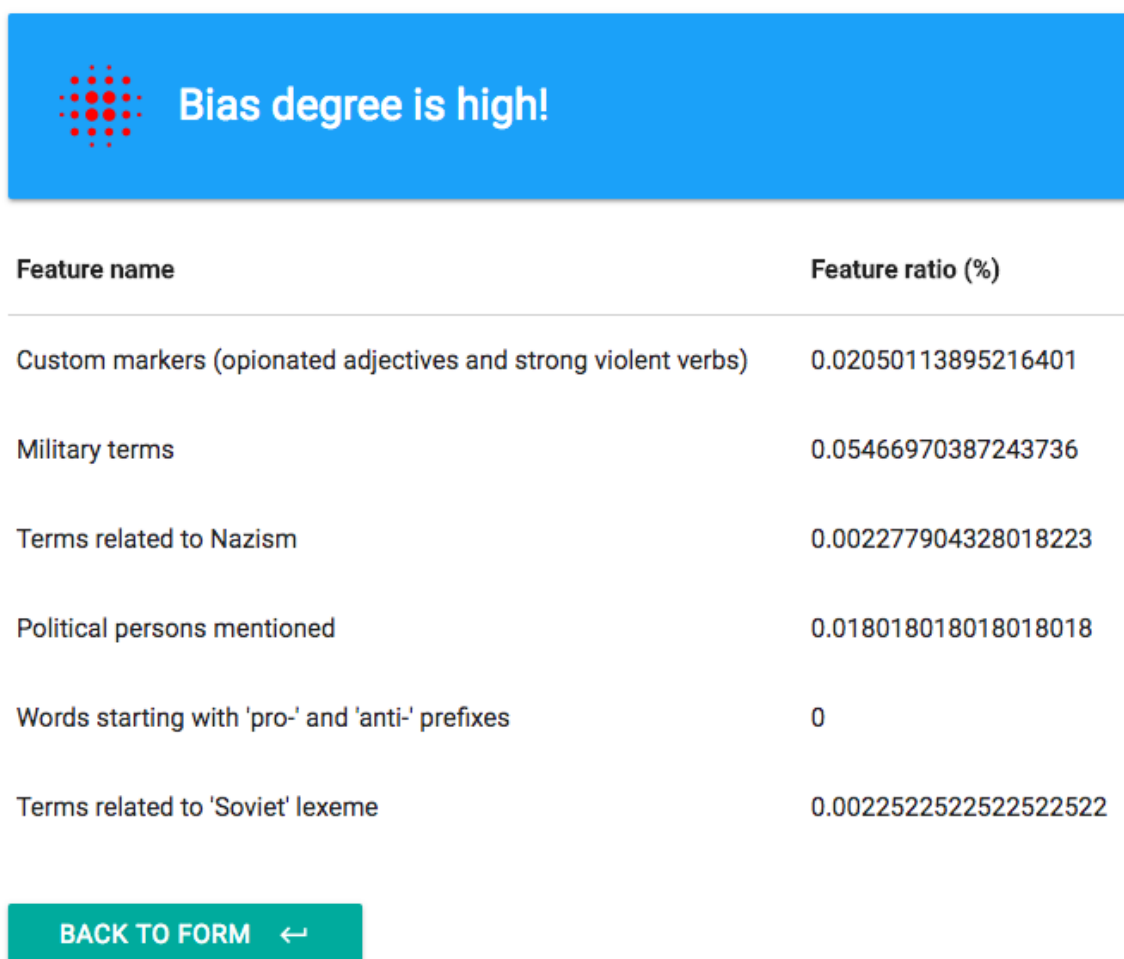
But that could change. A recent report by members of Russia's political opposition said that at least **220 active-duty Russian soldiers** had died in Ukraine since last spring. And there are signs that the toll is rising, including wounded **troops** showing up at hospitals, new graves appearing in cemeteries, dozens of military funerals during the past year and testimony from relatives of the dead, *The Times* reported.

Some analysts suspect the new decree may also be a sign that **Mr. Putin** is gearing up for another **military push** in Ukraine, when the casualty numbers could be even higher.

Regardless of the executive order, Russians have access to the Internet and even in villages, information gets through. **Mr. Putin** may not be able to count on the complicity of his citizens if more young men come home in body bags.

(The New York Times, 2/06/15)

Получаем следующий результат (Рис. 7).

Рисунок 7. – Проверка статьи «*Vladimir Putin Hides the Truth*»

Согласно классификатору, статья обладает значительным манипулятивным потенциалом, степень манипулятивности – высокая (Bias degree is high). Из Рисунка 8 видно, что в тексте в той или иной степени присутствуют все маркеры манипуляции за исключением прилагательных с антонимичными приставками *pro-* и *anti-*. При этом, больше всего в тексте военной терминологии. При проведении анализа текста мы, действительно, находим лексику на военную тематику: *soldiers, combat, personnel, weapons, AK-47, rocket launcher, military forces, military push, troops*. Владимир Путин упоминается 8 раз (включая заголовок), при этом его политику называют разрушительной (*destructive policy*), а сам он позиционируется как провокатор очередного военного восстания на Украине (*Mr. Putin is gearing up for another military push in Ukraine*). Манипуляция (*manipulation*) и

утаивание фактов (*suppression of facts*) – его основные методы борьбы. Стратегия дискредитации оппонента (России) подкрепляется использованием лексики с негативной коннотацией: *heartless* (бессердечный), *cruel* (жестокий), *grieving families* (горем убитые семьи), *deception* (ложь). В статье при описании политики правительства РФ есть даже отсылка ко временам СССР (*Soviet times*), с его тоталитарным режимом, пропагандой (*propaganda*) и секретностью (*secrecy*).

Возьмем еще одну статью данной тематики из The Washington Post.

Ukraine pro-Russia rebels hold elections in the east, fueling conflict

*MOSCOW — Residents of **rebel-held** eastern Ukraine voted for leaders on Sunday, taking another step toward establishing an independent enclave and **exacerbating tensions** between Russia and the West.*

*Thousands of residents across **war-torn** eastern Ukraine lined up Sunday to give their backing to the current **rebel** leadership, which has been working to establish a new **pro-Russian state** in the southeast corner of the country.*

*The vote, which was embraced by Russia and condemned by Western and Ukrainian leaders, will change little in terms of leadership on the ground. But **rebels** said it would give them a measure of popular support in their negotiations with the central government in Kiev, and it underlined how fully Ukraine has lost control of the region.*

***Rebel** leaders have declared that an often-violated two-month-old **cease-fire** is dead, and last week they said they plan to take over more territory that is vital for the establishment of their state.*

*A Ukrainian **military** spokesman said Sunday that Russian **military support** had been flowing into eastern Ukraine in recent days, and witnesses on Sunday reported long columns of **unmarked military trucks** traveling into the **rebel** stronghold of Donetsk. Ahead of the vote, Russian Foreign Minister Sergei Lavrov said Russia would recognize the results.*

*“I voted for peace and the future of our republic,” **rebel** leader Alexander Zakharchenko said after voting, RIA Novosti reported. After the elections, he said,*

Kiev “will recognize us, give us our land back without a fight, and we will establish good diplomatic relations.”

Zakharchenko, a former electrician at an eastern Ukrainian mine, took over leadership of **rebels** in the Donetsk region from a Russian citizen in early August. He was running Sunday against two little-known candidates. The leader of **rebels** in the Luhansk region, Igor Plotnitsky, a **Soviet armed forces veteran** and former civil servant, also was expected to win.

Rebels had no access to voter registration rolls, and anyone could vote at any polling place he or she wanted, as well as online. Polling stations were crowded, with long lines, although there were fewer polling stations than for the Ukrainian parliamentary elections in 2012, and it was difficult to establish meaningful turnout figures. Many residents have fled to other parts of Ukraine and to Russia.

Some witnesses saw **gunmen** at some of the polling stations. At other voting locations, people were selling cut-rate onions, cabbage and carrots.

Russian lawmakers loyal to the Kremlin said that after the elections they may step up support for the **rebels** and the breakaway state they call New Russia.

“The elections that are taking place today are lawful and civilized forms of realizing the right to self-determination for the people of New Russia,” Sergei Zheleznyak, the vice-speaker of Russia’s lower house of parliament, said in a statement on the Web site of Russian President **Vladimir Putin’s** political party, United Russia.

Ukraine’s leaders were far less sanguine about the vote. Ukraine’s Security Service said Sunday that it had launched a criminal inquiry into the elections, and it declared *persona non grata* several far-right European politicians who had arrived in eastern Ukraine to watch the elections.

“Ukraine and the entire civilized world will not accept this farce,” Ukrainian President Petro Poroshenko wrote on Twitter on Sunday. “I hope that Russia does not recognize these pseudo-elections!”

Rebels appear to be seeking to establish an enclave similar to Transnistria

in Moldova or South Ossetia in Georgia, two spots in **former Soviet republics** that the Kremlin has used to maintain leverage over national governments.

But the **rebel-controlled** regions of eastern Ukraine are still deeply dependent on Kiev for electricity and other key resources. **Rebels** have struggled to find ways to pay civil servants and pensions, for which the Kiev government is no longer footing the bill, in the territory they control.

The **separatist** conflict began after Russia-friendly Ukrainian President Viktor Yanukovich was ousted by protesters in February. Russia then **annexed** Ukraine's Crimean Peninsula, and separatist protesters seized eastern Ukrainian government buildings and territory starting in April. The fighting has killed more than 4,000 people, according to U.N. estimates, including hundreds since the **cease-fire** went into force Sept. 5.

(The Washington Post, 2/11/2014)

Анализ текста классификатором – на Рисунке 8.

Рисунок 8. – Проверка статьи «*Ukraine pro-Russia rebels hold elections in the east, fueling conflict*»

Bias degree is medium!

Feature name	Feature ratio (%)
Custom markers (opionated adjectives and strong violent verbs)	0.029957203994293864
Military terms	0.04850213980028531
Terms related to Nazism	0
Political persons mentioned	0.0013812154696132596
Words starting with 'pro-' and 'anti-' prefixes	0
Terms related to 'Soviet' lexeme	0.0027624309392265192

BACK TO FORM ←

Данную статью классификатор охарактеризовал как текст средней степени манипулятивности (*Bias degree is medium*). В статье присутствуют 4 параметра: дискурсивные маркеры, военная терминология, прецедентное имя *Vladimir Putin* и лексика на советскую тематику. Обратимся к тексту. Действительно, в статье в небольшом количестве присутствует лексика на военную тематику: *cease-fire* (прекращение огня, режим перемирия), *gunmen* (боевики, вооруженные), *armed forces* (вооруженные силы), *military trucks* (военные грузовые автомобили), сама лексема *military* повторяется неоднократно.

Вновь в негативном контексте упоминается Владимир Путин как лидер партии «Единая Россия» – автор как бы перекладывает на него всю ответственность за слова Сергея Железняка о выборах на востоке Украины, ведь он член партии Владимира Путина (*Vladimir Putin's political party, United Russia*).

В некотором количестве мы можем наблюдать дискурсивные маркеры манипуляции: нередко встречается *rebels* и *separatists* (повстанцы/сепаратисты) и производные от него *rebel-controlled* и *rebel-held* (контролируемый повстанцами), *to annex* (аннексировать), *to violate* (нарушать), *to exacerbate tensions* (усиливать напряжение).

Встречается также отсылка к советскому прошлому: сначала вполне нейтральное при характеристике главы ЛНР Игоря Плотницкого – *Soviet armed forces veteran* (ветеран вооруженных сил СССР), а вот второй случай более интересный в предложении:

Rebels appear to be seeking to establish an enclave similar to Transnistria in Moldova or South Ossetia in Georgia, two spots in former Soviet republics that the Kremlin has used to maintain leverage over national governments.

Похоже, что повстанцы собираются создать анклав, подобный Приднестровью в Молдове или Южной Осетии в Грузии, двух горячих точках в бывших советских республиках, которые Кремль использовал для установки рычагов влияния на национальную власть.

Тем самым подчеркивается, что несмотря на распад Советского Союза, Россия по-прежнему считает, что имеет право захватить территории бывших советских республик и установить над ними контроль.

Вывод таков: манипуляция, безусловно, присутствует в статье, однако на лексическом уровне текст не настолько насыщен маркерами манипуляции, по сравнению с предыдущим, поэтому вполне логично, что классификатор категоризовал его как в средней степени манипулятивный.

И, наконец, другая статья, категоризованная классификатором как текст в низкой степени манипулятивный. Статья из *The New York Times* под названием *Russia says U.S.-Supplied Weapons to Ukraine Could Escalate Conflict* – По заявлению России, поставляемое Соединенными Штатами оружие в Украину может усугубить конфликт (проверка статьи классификатором – на Рис. 9).

*Russia Says U.S. - Supplied **Weapons** to Ukraine Could Escalate **Conflict***
Dec. 23, 2017

*MOSCOW — The decision by the United States to supply **weapons** to Ukraine is dangerous as it will encourage Kiev to use force in eastern Ukraine, Russian officials said on Saturday.*

*The statement came one day after the State Department said that the United States would provide Ukraine with “enhanced defensive capabilities” as Kiev battles **Russian - backed separatists** in the eastern part of the country.*

*President Petro Poroshenko of Ukraine said on Facebook on Saturday the **weapons** would be used to protect Ukrainian soldiers and civilians.*

*Supplies of any **weapons** would encourage those who support the **conflict** in Ukraine to use the “force scenario,” Russia’s Deputy Foreign Minister Grigory Karasin said on Saturday, according to the RIA state news agency. Franz Klintsevich, a member of the upper house of the Russian Parliament’s security committee, said Kiev would consider arms supplies as support of its actions, Interfax news agency reported.*

“Americans, in fact, directly push Ukrainian forces to war,” Mr. Klintsevich said.

*Since Moscow’s **annexation** of Crimea in 2014, Ukraine and Russia have been at loggerheads over a war in eastern Ukraine between separatists and Ukrainian government forces that has **killed** more than 10,000 people in three years.*

*Mr. Poroshenko said in his Facebook post that he had confirmed the **weapons** deal with Secretary of State Rex W. Tillerson, calling it “a trans- Atlantic vaccination against the Russian virus of **aggression**.”*

*“American weapons in the hands of Ukrainian soldiers are not for **offensive**, but for stronger rebuff of the **aggressor**, protection of Ukrainian soldiers and civilians, as well as for effective self- defense in accordance with Article 51 of the U.N. Charter,” Mr. Poroshenko said.*

*Kiev accuses Moscow of sending **troops** and **heavy weapons** to the region, which Russia denies.*

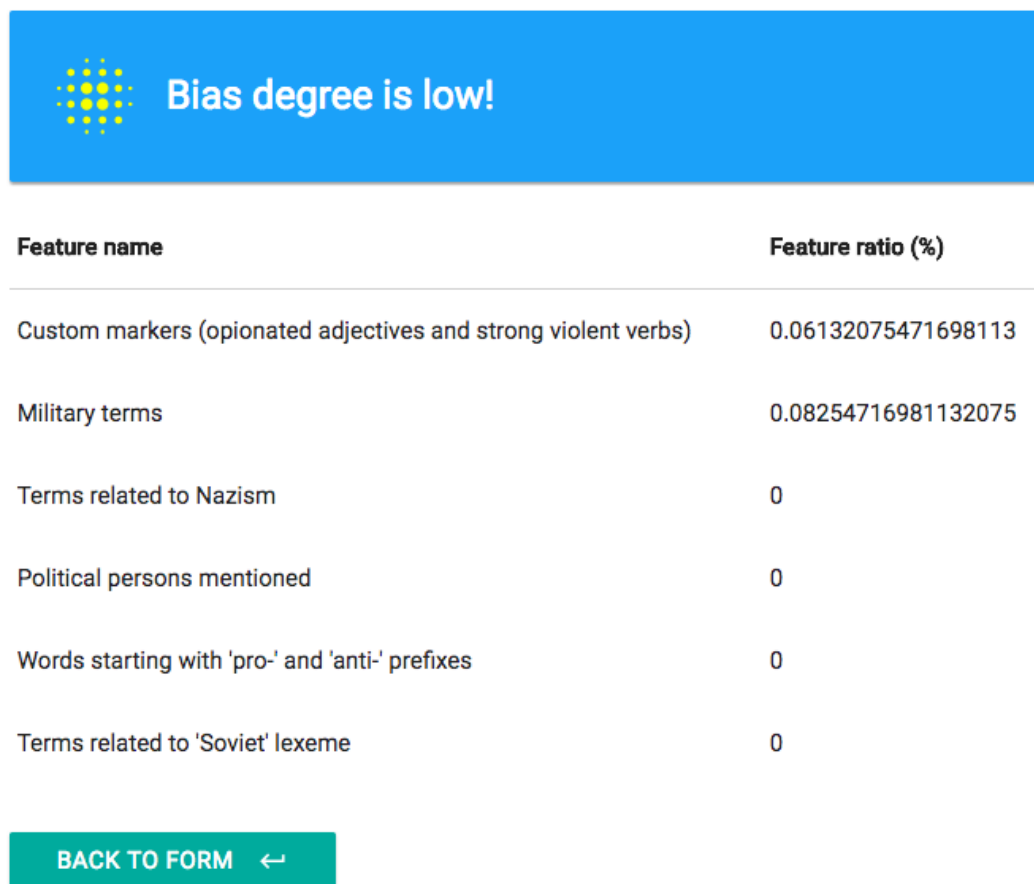
The Russian foreign ministry said the decision by the United States undermines the Minsk agreements, the TASS state news agency reported on Saturday.

The agreements, intended to end the fighting in Ukraine, were signed by Ukraine, Russia, Germany and France in the Belarusian capital in early 2015.

*But despite the **cease- fire** agreements, the fighting has continued. Earlier this week, European observers and Western diplomats reported that the **violence in rebel- held** eastern Ukraine escalated sharply. The recent fighting is the heaviest it has been in nearly a year, said the Organization for Security and Cooperation in Europe, which monitors the implementation of the peace agreement.*

*The organization had recorded 16,000 **cease- fire** violations between Dec. 11 and Dec. 17, a 35 percent increase on the week before.*

Рисунок 9. – Проверка статьи «*Russia Says U.S.- Supplied Weapons to Ukraine Could Escalate Conflict*»

В вышеупомянутой статье классификатор обнаружил два вида маркеров манипуляции – дискурсивные маркеры и военная терминология. Первый маркер вербализован следующими лексемами: *Russian-backed separatists* (поддерживаемые Россией сепаратисты), *conflict* (конфликт), *annexation* (аннексия), *to kill* (убивать), *aggression* (агрессия), *aggressor* (агрессор), *violence* (жестокость), *rebel-held* (занимаемый повстанцами).

Весьма распространено в настоящее время в американских СМИ называть повстанцев ДНР и ЛНР пророссийскими – данная статья не является исключением. В ней журналисты отмечают: *США намерены поставлять оружие на территорию Украины для борьбы с повстанцами, поддерживаемыми Россией, на востоке страны – the United States would provide Ukraine with “enhanced defensive capabilities” as Kiev battles Russian - backed separatists in the eastern part of the country.*

В названии упоминается конфликт, который может лишь усугубиться в связи с таким решением американского правительства – *Russia Says U.S.- Supplied Weapons to Ukraine Could Escalate Conflict*. Говорят также о «Российском вирусе агрессии» *the Russian virus of aggression*.

Вступление Крыма в состав РФ по-прежнему называют аннексией – *Moscow's annexation of Crimea in 2014* (аннексия Крыма Москвой в 2014). После аннексии разразилась война, в которой было убито более 10000 человек – *war in eastern Ukraine between separatists and Ukrainian government forces that has killed more than 10,000 people* (война на востоке Украины между сепаратистами и украинскими правительственными войсками, которая убила более 10000 человек).

Военная терминология представлена такими лексемами, как *troops* (войска), *cease-fire* (прекращение огня), *heavy weapons* (тяжелое вооружение), *offensive* (нападение). Достаточно часто повторяется лексема *weapons* (оружие), что в данном случае, безусловно, связано с тематикой статьи.

Таким образом, при наличие в тексте двух типов маркеров манипуляции статья считается классификатором в низкой степени манипулятивной.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Глава 2 посвящена описанию методологии автоматического выявления маркеров манипуляции и работе с автоматической обработкой данных. Под вербальным маркером понимается вычлняемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления (в нашем случае – манипуляции). При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление. Если маркер становится измеряемой величиной, он превращается в параметр. Под параметром в нашем случае мы понимаем индивидуальное измеряемое свойство исследуемого объекта (манипуляции).

Материалом исследования стали тексты статей, освещающие отношения США и России на фоне кризиса на Украине, американских изданий *The New York Times* и *The Washington Post*.

Алгоритм выявления параметров для автоматического диагностирования манипулятивного дискурса предполагал следующие этапы: сплошная выборка 100 текстов статей, социолингвистический эксперимент с привлечением 36 респондентов, дискурс-анализ выделенных респондентами фрагментов, сужение выборки с опорой на результаты эксперимента. Русскоязычные респонденты, будучи представителями стороны «плохих» в поляризованной оппозиции «Мы – хорошие, они – плохие», определили в качестве наиболее «дискомфортных, ранящих» отрывков текста, которые привлекают к себе внимание, – пассажи, содержащие манипуляцию.

Выявлены 6 маркеров манипуляции, которые могут выступать в качестве метрик (параметров) для разработки компьютерного классификатора, а именно: дискурсивные маркеры (выделенные во время дискурсивного анализа материала и в ходе экспериментальной работы с информантами), прецедентное имя *Vladimir Putin*, прилагательные с

приставками *pro-* и *anti-*, прилагательное *soviet-* и лексика на советскую тематику, военная терминология, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них слова

Многие авторы умышленно используют военную терминологию как инструмент манипуляции, который создает устрашающий образ России как государства-агрессора. Упоминание о советском прошлом России разделяет мир на «своих» (США и Европа) и «чужих» (страны бывшего СССР, в большей степени – Россия), противопоставляет благополучную свободную жизнь в государствах, где царит равноправие, депрессивному постсоветскому пространству. Прецедентное имя *Vladimir Putin* у большинства североамериканских СМИ кодифицирует образ тирана и диктатора, силой присоединившего Крым и представляющего угрозу всему мировому сообществу, поэтому употребление этого прецедентного имени помогает создать негативный образ оппонента – Президента и России в целом. Эффект поляризации и принцип деления мира на «своих» и «чужих» подкрепляется прилагательными с антонимичными приставками *pro-* и *anti-*, которые также способны переложить ответственность за какое-либо действие на оппонента. Сопоставление оппонента с нацистами способствует его дискредитации, а также усиливает эффект поляризации.

Дискурсивные маркеры манипуляции были обнаружены с помощью дискурсивного анализа отмеченных респондентами пассажиры и являются вербализациями стратегий выставления оппонента в невыгодном свете (дискредитации) и позитивной самопрезентации. Лексически они представлены, в основном, лексемами с яркой негативной коннотацией.

Все маркеры доказали свою статистическую значимость в ходе проверки с применением двухвыборочного t-критерия Стьюдента, преодолев установленный нами порог значимости, что свидетельствует о том, что они могут выступать в качестве параметров для компьютерного классификатора. Наиболее статистически значимыми оказались значения дискурсивных маркеров манипуляции и прецедентного имени *Vladimir Putin*.

Для обработки текстовых данных нами был выбран метод автоматического анализа «Дерева принятия решений», понимаемый как способ представления правил в иерархической последовательной структуре, при котором каждому объекту соответствует один узел решения. При этом под правилом понимается логическая конструкция, представленная в виде «если ... то ...». Выбор данного алгоритма обусловлен тем, что он хорошо подходит для решения задач классификации, а также предоставляет достаточно точные результаты на относительно небольшом объеме данных.

Ключевыми в рамках данного метода являются такие понятия, как *объект*, *атрибут*, *метка класса*, *узел*, *лист*, *проверка*. Под объектом понимается пример, шаблон, наблюдение. Атрибут обозначает признак, независимую переменную или какое-либо свойство. Метка класса – это зависимая переменная, целевая переменная или определяющий класс объекта признак. Под узлом подразумевается внутренний узел дерева или узел проверки. Лист обозначает конечный узел дерева или узел решения, а под проверкой понимается условие в узле.

Задачи, решаемые алгоритмом «дерева принятия решений» – описание данных, классификация и регрессия.

Общий алгоритм построения дерева решений выглядит следующим образом: 1) выбор атрибута *A* и его локализация в корневом узле, 2) на примере тестовых данных выбор только тех значений атрибута *B*, которые равны атрибуту *A*, 3) построение дерева принятия решений. Частные алгоритмы принятия решений могут быть следующими: ID3, C4.5, CART.

Этапы построения классификатора предполагают: загрузку данных, нормализацию данных, отбор признаков, построение дерева решений, вывод данных.

В рамках нашего исследования типичный алгоритм был трансформирован, пропущены этапы нормализации данных, в связи с тем, что значения метрик были предварительно подсчитаны и загружены в базу данных, и отбора признаков, поскольку перечень метрик также определен

нами заранее.

Изначально дерево принятия решений строилось на материале 80 текстов, затем выборка была расширена до 1800.

При построении алгоритма принятия решений была вычислена значимость каждого параметра, в результате чего наиболее весомыми в рамках нашей классификации оказались военная терминология (0.45) и прецедентное имя *Vladimir Putin* (0.3). Для остальных параметров получены следующие значения: дискурсивные маркеры манипуляции – 0.065, приставки *pro-* и *anti-* – 0.16, лексика на советскую тематику – 0, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них – 0.024. Значимость оценивалась исходя из того, насколько полученные для каждого параметра значения близки к 1.

После работы с деревом принятия решений и оценки значимости параметров создан интерфейс онлайн версии классификатора, доступного в тестовом режиме. Программа осуществляет классификацию статей исходя из числа ненулевых параметров: 0–1 ненулевой параметр – неманипулятивный текст, 2–3 ненулевых параметра – низкой степени манипулятивности, 4 – средней, 5–6 – высокоманипулятивный.

Апробация программного обеспечения и его интерфейса демонстрирует валидность получаемых результатов, что доказывается совпадением результатов автоматической классификации с результатами текстуального анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический массмедийный дискурс традиционно вызывает к себе интерес многих современных исследователей, поскольку действия власти в фокусе СМИ всегда находятся в центре внимания, особенно в период разного рода политических кризисов и геополитической напряженности. В нашем случае выбор пал на наиболее идеологизированный и манипулятивно насыщенный дискурс – поляризованный политический дискурс, определяемый как дискурс, пропагандирующий стереотипные, очерняющие репутацию представления о политическом оппоненте и восхваляющий сторону «своих», благодаря чему создается эффект поляризации.

В проведенном исследовании осмысливается его центральное понятие «манипуляция», определяемое как вид речевого воздействия, который всегда подразумевает в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования. На основе изучения теоретических источников определено основополагающее различие манипуляции и речевого воздействия, которое заключается в том, что манипуляция всегда является непрямым воздействием, направленным на причинение ущерба адресату, а речевое воздействие может быть как открытым, так и скрытым (непрямым) и при этом в обоих случаях не обязательно наносит ущерб интересам объекта – может приносить и пользу.

Материалом исследования стали манипулятивные тексты, а именно – тексты статей, освещающие отношения США и России на фоне кризиса на Украине американских изданий *The New York Times* и *The Washington Post*. Главной отличительной чертой манипулятивных текстов является их нацеленность на формирование противопоставления «своих» и «чужих» и отсутствие открытых призывов к насилию, унижению и оскорблениям, как, например, в экстремистских текстах.

Центральным методом исследования политического дискурса является критический дискурс-анализ по Т.А. ван Дейку, предполагающий исследование дискурса в два этапа: контекстуальный анализ и собственно

текстуальный анализ – в нашем случае, анализ текста на лексическом уровне.

Таким образом, первый ключевой вывод, полученный в ходе исследования, заключается в следующем: манипуляция как вид речевого воздействия, всегда подразумевающий в качестве цели выгоду для субъекта манипуляции и определенный ущерб, который наносится объекту манипулирования, является центральным понятием поляризованного политического дискурса СМИ, конститутивным признаком которого является борьба за власть и противопоставление «мы–они». Выявить вербальные средства манипуляции позволяет использование инструментария критического дискурс-анализа и методологии коммуникативно ориентированной политической лингвистики.

В рамках настоящего исследования выявлены вербальные маркеры манипуляции, под которыми понимаются *вычленяемые, подлежащие формализации и дальнейшей параметризации языковые единицы, указывающие на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления*. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление.

Автоматическое диагностирование манипуляции построено на поиске в текстах заданных параметров, под которыми понимаются поддающиеся измерению вербальные маркеры. Выявлены 6 маркеров манипуляции, которые впоследствии были использованы в качестве параметров для работы классификатора, а именно: дискурсивные маркеры (выделенные во время дискурсивного анализа материала и в ходе экспериментальной работы с информантами), прецедентное имя *Vladimir Putin*, прилагательные с приставками *pro-* и *anti-*, морфема *soviet* и лексика на советскую тематику, военная терминология, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них.

Военная терминология помогает создать устрашающий образ оппонента – России, государства-агрессора, обладающего значительной военной мощью и готового в любой момент развязать военные действия.

Эффект поляризации усиливается за счет употребления лексемы *soviet* и другой лексики на советскую тематику, поскольку в американских СМИ советское прошлое, находящее отклик в постсоветском настоящем России, с его проблемами, авторитарным правительством и отсутствием свободы слова, как мир «чужих» противопоставляется демократичному Западу – миру «своих», благополучию и всеобщему равенству.

Формированию биполярного мира способствует употребление прилагательных с антонимичными приставками *pro-* и *anti-*. В случае с приставкой *pro-* в сочетании с прилагательным *Russian* осуществляется перекладывание ответственности за активизацию повстанческого движения на Востоке Украины на Россию. Префикс *anti-*, используемый с прилагательными *American* и *Western*, усиливает поляризацию, поскольку кодифицирует такие смыслы, как «антидемократический», «не такой, как на Западе», а значит – «неправильный».

Сопоставление оппонента с нацистами, а также использование некоторых лексем данной тематики способствует его дискредитации, т. е. служит реализации ведущей стратегии в рамках поляризованного дискурса. Вербализациями данной, а также другой центральной стратегии поляризованного политического дискурса – позитивной самопрезентации – являются обнаруженные в ходе эксперимента и анализа материала дискурсивные маркеры манипуляции.

Прецедентное имя *Vladimir Putin* в полной мере выполняет свою парольную функцию и кодифицирует в американском политическом дискурсе образ «тоталитарного» руководителя, якобы «силой» присоединившего Крым и «развязавшего войну на Украине», а значит у аудитории намеренно формируется негативное мнение и даже отторжение по отношению к оппоненту, находящемуся в позиции «чужих» (они) – России.

Вышеупомянутые маркеры были выявлены в ходе экспериментального исследования с привлечением 36 респондентов, а также дискурсивного анализа материала. Русскоязычные респонденты, будучи объектами

манипуляции или представителями стороны «плохих» в поляризованной оппозиции «Мы – хорошие, они – плохие», определяют в качестве наиболее запоминающихся отрывков текста пассажи, содержащие манипуляцию. Таким образом, предварительная выборка текстов статей, предварительно категоризованных как манипулятивные, была впоследствии сужена с опорой на результаты эксперимента.

Все маркеры доказали свою статистическую значимость в ходе проверки с применением двухвыборочного t-критерия Стьюдента, преодолев установленный нами порог значимости, а значит могут выступать в качестве параметров классификатора. Наиболее весомыми оказались значения дискурсивных маркеров манипуляции и прецедентного имени *Vladimir Putin*.

Созданный автоматический классификатор текстов основан на алгоритме деревьев принятия решений, понимаемом как способ представления правил в иерархической последовательной структуре, при котором каждому объекту соответствует один узел решения. Под правилом понимается логическая конструкция, представленная в виде «если ... то ...». Данный алгоритм используется для решения задач описания данных, классификации и регрессии. На начальном этапе дерево решений строилось на материале 80 текстов, затем выборка была расширена до 1800.

Общий алгоритм построения дерева решений включает в себя 1) выбор атрибута A и его локализация в корневом узле, 2) на примере тестовых данных выбор только тех значений атрибута B, которые равны атрибуту A, 3) построение дерева принятия решений.

При построении дерева решений есть возможность вычислить и оценить значимость каждого параметра. Наиболее близкие к единице показатели говорят о весомости данного параметра для диагностирования манипуляции. Наибольшие значения получили маркеры военная терминология (0.45) и прецедентное имя *Vladimir Putin* (0.3). Для остальных параметров получены следующие значения: дискурсивные маркеры манипуляции – 0.065, приставки *pro-* и *anti-* – 0.16, лексика на советскую

тематику – 0, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них – 0.024.

На завершающем этапе разработан интерфейс онлайн программы, которая классифицирует тексты на основании числа ненулевых параметров: 0–1 ненулевой параметр – неманипулятивный текст, 2–3 ненулевых параметра – низкой степени манипулятивности, 4 – средней, 5–6 – высокоманипулятивный.

Данный классификатор англоязычных поляризованных текстов является научной разработкой, потенциальными потребителями которой могут стать рядовые пользователи сети Интернет, специалисты массовой медийной сферы, стремящиеся к получению более объективной информации из источников на английском языке, а также государственные структуры, проводящие мониторинг информации, поступающей в российское медиапространство.

Предполагается, что в дальнейшем классификатор будет усовершенствован, поскольку пройдет обучение на материале большего числа текстов. Рассматривается также возможность создания мобильного приложения и аналогичного классификатора для русскоязычных текстов.

Данное исследование вносит свой теоретический и практический вклад в развитие современной лингвистической науки и компьютерной лингвистики, в частности. В рамках настоящего исследования достигается более глубокое понимание понятия «манипуляция», которое сопоставляется с понятием «речевое воздействие», вводятся новые термины – «маркер манипуляции» и «метрика для измерения манипулятивности текста». Практический вклад работы обусловлен разработанным алгоритмом, который может быть применен для решения задач классификации текстов на разнообразном языковом материале, а также созданным онлайн классификатором, оказавшимся достаточно эффективным для осуществления автоматической обработки политических текстов. Поставленная цель достигнута в полном объеме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1963. – С. 57–63.
2. Алтунян, А.Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов / А.Г. Алтунян. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 263 с.
3. Аносова, Н.Э. Проблемы перевода англоязычного политического дискурса СМИ / Н.Э. Аносова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2013. – № 2 (117). – С. 219–225.
4. Антонова, Ю.А. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Ю.А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова [и др.]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 271 с.
5. Базылев, В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России - 2: материалы раб. совещ. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6–8.
6. Балл, Г.А., Бургин, М.С. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение / Г.А. Балл, М.С. Бургин // Вопросы психологии. – 1994. – С. 56–66.
7. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
8. Баранов, А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. № 7. – С. 108–118.
9. Баранов, А.Н., Казакевич, Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре) / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 42 с.
10. Белл, Э., Браймен, А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / Э. Белл, А. Браймен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 776 с.

11. Бериков, В.Б. Анализ статистических данных с использованием деревьев решений: Учебное пособие / В.Б. Бериков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. – 60 с.
12. Бессонов, Б.Н. Идеология духовного подавления / Б.Н. Бессонов. – М. – 1971. – 295 с.
13. Бордунова, С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации / С.С. Бордунова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 424 с.
14. Большая советская энциклопедия: в 30 т. [Электронный ресурс] / Гл. Ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969-1978. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/>.
15. Будаев, Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы / Э.В. Будаев. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. – 149 с.
16. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург. – 2007. – № 1. – С. 16–32.
17. Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Метафора в политической коммуникации / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Наука, Флинта, 2008. – 248 с.
18. Быкова, О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О.Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1999. – №1 (8). – С. 99–103.
19. Велихов, П.Е. Машинное обучение для понимания естественного языка / П.Е. Велихов // Открытые системы. – СУБД. – 2016. – №1. – С. 18–21.
20. Верховин, С.С. О статусе количественных методов в лингвистике / С.С. Верховин // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 3 (24). – С. 145–150.

21. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
22. Волконогов, Д.А. Психологическая война / Д.А. Волконогов. – М. – 1983. – 352 с.
23. Воронцова, Т.А. О соотношении понятий «публичный дискурс» – «язык СМИ» – «публичная речь» / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – №3. – С. 17–22.
24. Ворошилова, М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография / М.Б Ворошилова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, – 2013. – 194 с.
25. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте [Электронный ресурс]. – 2015. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438>.
26. Выходилова, З. К проблематике связности текста / З. Выходилова // *Rossica Olomucensia. Olomouc.* – 2000. – С. 229–233.
27. Герасимов, В.М., Деркач, А.А., Косопкин, А.С., Нефедова Т.И. Психология парламентаризма / В.М. Герасимов, А.А. Деркач, А.С. Косопкин, Т.И. Нефедова. – М. – 1999.
28. Гладкий, А.В. Математические методы изучения естественных языков / А.В. Гладкий // Математическая логика, теория алгоритмов и теория множеств: сб. работ. – 1973. – С. 95–108.
29. Головин, Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1971. – 189 с.
30. Грачев, Г.В., Мельник, И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Эксмо, 2003. – 153 с.
31. Грушевская, Т.М. Политический газетный дискурс: лингвопрагматический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Грушевская Татьяна Михайловна. – Краснодар. – 2002. – 256 с.

32. Гудков, Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д.Б. Гудков // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 30–36.
33. Гудков, Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ / Д.Б. Гудков // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 2000. – С. 45–52.
34. Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Красных, В.В., Багаева, Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. Филология. – Москва. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
35. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
36. Денисюк, Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Денисюк Елена Викторовна. – Екатеринбург. – 2003. – 200 с.
37. Детинко, Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Детинко Юлия Ивановна. – Волгоград. – 2013. – 22 с.
38. Доценко, Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия / Е.Л. Доценко // Психологический журнал. – 1993. – № 4. – С. 132—138.
39. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
40. Захаров, В.П., Богданова, С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика» / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Санкт-Петербург: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. – 148 с.

41. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1962. – 382 с.
42. Зелинский, С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание / С.А. Зелинский. – СПб.: СКИФИЯ, 2008. – 280 с.
43. Иванов, Л.Ю. Пиар есть пиар – примеры речевой манипуляции в новом российском политическом дискурсе / Л.Ю. Иванов // Sprach. Literatur. Politic. Ost-und Sudosteuroopa. – Гамбург. – 2004. – С. 33–62.
44. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 29–33.
45. Иванова, С.В., Садуов, Р.Т. Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования (о способах классификации манипулятивных уловок) / С.В. Иванова, Р.Т. Садуов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2 (25). – С. 52–59.
46. Иванова, С.В., Чанышева, З.З. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа / С.В. Иванова, З.З. Чанышева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 39–49.
47. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2001. – 832 с.
48. Карасик, В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций / В.И. Карасик // Речевое общение и аргументация. – СПб.: Экополис и культура, 1993. – С. 30–38.
49. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. – 1987. – 262 с.
50. Караяни, А.Г., Сыромятников, И.В. Прикладная военная психология / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.

51. Ковалев, Г.А. Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия / Г.А. Ковалев // Вопросы психологии. — 1987. — № 3. — С. 41–49.

52. Ковалев, Г.А. О системе психологического воздействия. (К определению понятия) / Г.А. Ковалев. — М. — 1989. — 153 с.

53. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А. Языковые маркеры манипуляции для разработки технологии оценки уровня манипулятивности текста масс-медиа / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 26. — С. 542–545.

54. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А., Калинин, А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина, А.А. Калинин // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 194–199.

55. Колмогорова, А.В., Горностаева, Ю.А., Калинин, А.А. Разработка компьютерной программы автоматического анализа и классификации поляризованных политических текстов на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия: практические результаты и обсуждение / А.В. Колмогорова, Ю.А. Горностаева, А.А. Калинин // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 67–75.

56. Колмогорова, А.В., Талдыкина, Ю.А. Использование методики социолингвистического анкетирования для анализа речевой манипуляции / А.В. Колмогорова, Ю.А. Талдыкина // Вестник ТвГТУ, серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». — 2015. — № 3. — С. 59–63.

57. Компьютерные технологии в лингвистике и филологии. Ч.2 / В.П. Захаров, В.И. Рубинер, А.К. Филиппов, М.В. Хохлова; под общ. ред. В.П. Захарова: учебно-метод. пособие. — Санкт-Петербург: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. — 56 с.

58. Кривоус, Т.В., Новикова, А.А. Языковые маркеры инфернального пространства в повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота» / Т.В. Кривоус,

А.А. Новикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 2 (68). – С. 31–33.

59. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

60. Лекции Техносферы, 1 семестр. Алгоритмы интеллектуальной обработки больших объемов данных [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: habrahabr.ru/company/mailru/blog/254897.

61. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.

62. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.

63. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под редакцией А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 340 с.

64. Линский. Л. Референция и референты / Л. Линский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. XIII. – С. 161–178.

65. Ляшевская, О.Н., Шаров, С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1090 с.

66. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

67. Мамай, Е.С. Явление референции в науке о тексте [Электронный ресурс] / Е.С. Мамай // Филология и литературоведение. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2013/04/466>.

68. Мошков, М.Ю. Деревья решений. Теория и приложения: учебное пособие / М.Ю. Мошков. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 176 с.

69. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 208 с.

70. Немирова, А.Д. Языковая игра на основе фразеологизмов и прецедентных текстов в заголовках современных газет / А.Д. Немирова // Вестник Московского государственного университета печати. – Москва: Московский политехнический университет, 2013. – № 6. – С. 153–157.

71. Никитина, К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественного сознания / К.В. Никитина // Управление общественными и экономическими системами. Орел. – 2006. – №2. – С. 1–7.

72. Новикова-Грунд, М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М.В. Новикова-Грунд // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 82–93.

73. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов; под ред. А.И. Петренко. – 2-е изд. Стереотип. – М.: Горячая линия – Телеком, 2015. – 496 с.

74. Паршин, П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин, А.Н. Баранов, Ю.К. Пирогова [и др.] // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М.– 2000.

75. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования, методологические проблемы. – М.: Наука, 1987. – С. 398–425.

76. Паршин, П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс] / П.Б. Паршин. – 2009. Режим доступа: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm.

77. Паршин, П.Б. От такого и слышу: о содержании и узусе понятия манипуляции / П.Б. Паршин // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии. Труды Межд. конференции Диалог'2003. – М.: Наука, 2003. – С. 1–5.

78. Политическая лингвистика [сайт]. – 2005-2018. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/community.html>.

79. Потапова, Р.К., Потапов, В.В. Некоторые прикладные аспекты исследования звучащей речи / Р.К. Потапова, В.В. Потапов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2011. – Вып. 1 (607). – С. 164–186.

80. Прикладная и компьютерная лингвистика / И.С. Николаев, О.В. Митренина, Т. М. Ландо. – Москва: Ленанд, 2016. – 320 с.

81. Редкина, Е.С. Языковая игра в использовании прецедентных феноменов в новейшей русской поэзии / Е.С. Редкина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – Екатеринбург. – 2017. – № 2 (26). – С. 89–95.

82. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин [и др.]. – М.: Международный институт рекламы, Издат. дом Гребенникова, 2000. – 270 с.

83. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1997.

84. Рубашкин, В.Ш. Онтологическая семантика. Знания. Онтологии. Онтологически ориентированные методы информационного анализа текстов / В.Ш. Рубашкин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2012. – 348 с.

85. Сагатовский, В.Н. Социальное проектирование (к основам теории) / В.Н. Сагатовский // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск. – 1980. – С. 84–85.

86. Руженцева, Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография / Н.Б. Рубашкин. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – 294 с.

87. Семкин, М.А. Актуальные термины политической лингвистики. Словарь современных медиа / М.А. Семкин. – М.: Издательство «Форум», 2015. – 112 с.

88. Смирнов, А.А. Информационно-психологическая война. Об одном средстве международного информационного противоборства / А.А. Смирнов // Свободная мысль. – 2013. – № 6. – С. 81–96.

89. Современный словарь по конфликтологии / науч. ред. В.А. Светлов. – М.: ФЛИНТА: НОУ ВПО «МПСУ», 2013. – 432 с.

90. Солнцева, К.В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Солнцева Ксения Викторовна. – М. – 2008. – 191 с.

91. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

92. Стрелковский, Г.М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык / Г.М. Стрелковский. – М.: Воениздат, 1979. – 272 с.

93. Сухотин, Б.В. Исследование грамматики числовыми методами / Б.В. Сухотин. – М.: Наука, 1990. – 176 с.

94. Таткина ЮА Использование методики социолингвистического актирования для анализа речевого манипулятивного воздействия / ЮА Таткина // Электронный сборник материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы Свободы 2015». Красноярск – 2015. – С 54–57.

95. Федосеева, А.В. Игра с прецедентными феноменами в газетных заголовках: аббревиатуры в аспекте словотворчества / А.В. Федосеева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону: ФГАОУВО Южный федеральный университет, 2007. – Спецвыпуск. – С. 62–65.

96. Филинский, А.А. Критический анализ политического в газетных дискурса предвыборных кампаний 1999-2000: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Филинский Алексей Анатольевич. – Тверь. – 2002. – 144 с.

97. Фрумкина, Р.М. Статистические методы изучения лексики / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1964. – 115 с.

98. Ханина, Е.А. Использование игры с прецедентными феноменами в немецком политическом дискурсе / Е.А. Ханина // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – Челябинск. – 2016. – № 1 (383). – С. 142–149.

99. Чемезова, И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чемезова Ирина Анатольевна. – Екатеринбург. – 2008. – 225 с.

100. Чернявская, В.Е., Молодыченко, Е.Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих» / В.Е. Чернявская, Е.Н. Молодыченко. – М.: Ленанд, 2014. – 200 с.

101. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

102. Чудинов, А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А.П. Чудинов // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж. – 2003. – № 1. – С. 17–29.

103. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – Москва: Флинта, Наука, 2006. – 254 с.

104. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. I. (Глава 1-2) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург. – 2003. – 248 с.

105. Чудинов, А.П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии / А.П. Чудинов // Уральский филологический вестник. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – № 2 – С. 85–93.

106. Шапочкин, Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике / Д.В. Шапочкин // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск. – 2013. – № 10

(301). – С. 101–107.

107. Шевчук, В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике / В.Н. Шевчук. – М. – 1985. – 94 с.

108. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.

109. Шейгал, Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 114–123.

110. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования) / В.П. Шейнов. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – 848 с.

111. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – Москва: «Мысль», 1980. – 326 с.

112. Шиллер, Г. Манипуляция и запрограммированное сознание / Г. Шиллер // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2001. – С. 610-636.

113. Шустрова, Е.В. Опыт исследования примеров метафорического олицетворения в романах Дж. Болдуина / Е.В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 11. – С. 276–284.

114. Шустрова, Е.В. Метафорическое олицетворение чувства и состояния в афроамериканском литературном дискурсе / Е.В. Шустрова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2006. – № 19. – С. 253–262.

115. Шустрова, Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Шустрова Елизавета Владимировна. – Воронеж. – 2008. – 44 с.

116. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 534–535.

117. Alelyani, S., Tang, J., Liu, H. Feature Selection for Clustering: A Review / S. Alelyani, J. Tang, H. Liu. Data Clustering: Algorithms and Applications. – 2013. – 37 p.

118. Arciuli, J., Mallard, D., Villar, G. "Um, I can tell you're lying: Linguistic markers of deception versus truth-telling in speech / J. Arciuli, D. Mallard, G. Villar // *Applied Psycholinguistic*. – 2010. – Vol. 31. – Pp. 397–411.

119. Baum, L.E., Eagon, J.A. An inequality with applications to statistical estimation for probabilistic functions of Markov processes and to a model of ecology / L.E. Baum, J.A. Eagon // *Bulletin of the American Mathematical Society*. – 1967. – Vol. 73. Issue 3. – Pp. 360–363.

120. Baum, L.E. et. al. A Maximization Technique Occurring in the Statistical Analysis of Probabilistic Functions of Markov Chains / L.E. Baum, T. Petrie, G. Soules, N. Weiss // *The Annals of Mathematical Statistics*. – 1970. – Vol. 41. – № 1. – Pp. 164–171.

121. Baum, L.E. An Inequality and Associated Maximization Technique in Statistical Estimation of Probabilistic Functions of a Markov Process / L.E. Baum // *Inequalities*. – 1972. – Vol. 3. – Pp. 1–8.

122. Bird, S., Klein, E., Loper, E. *Natural Language Processing with Python* / S. Bird, E. Klein, E. Loper. – O'Reilly, 2009. – 504 p.

123. Bird, S. et. al. *Multidisciplinary Instruction with the Natural Language Toolkit* / S. Bird, E. Klein, E. Loper, J. Baldridge. // *Proceedings of the Third Workshop on Issues in Teaching Computational Linguistics: Multidisciplinary Instruction with the Natural Language Toolkit*. – Ohio. – 2008. – Pp. 62–70.

124. Celle, A., Huart, R. *Connectives as Discourse Landmarks* / A. Celle, R. Huart. – Amsterdam: Benjamins, 2007. – 212 p.

125. Chilton P.A., Schaeffner C. *Discourse and politics* / P.A. Chilton; edited by T.A. van Dijk // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. – London. – 1997. – Pp. 206–230.

126. Cohen, K. et. al. *Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media* / K. Cohen, F. Johansson, L. Kaati, J.C. Mork // *Terrorism and Political Violence*. – 2014. – Vol. 26. – № 1. – Pp. 246–256.

127. Dictionary of Military and Associated Terms [Электронный ресурс]. – 2010. – 469 p. – Режим доступа: https://ratical.org/radiation/NuclearExtinction/jp1_02.pdf.
128. Dijk, T.A. van. Discourse and manipulation / T.A. van Dijk // Discourse and Society. – 2006. – Vol. 17. – Issue 2. – Pp. 359–383.
129. Dijk, T.A. van. What is political discourse analysis? / T.A. van Dijk. – Amsterdam: Benjamins, 1997. – Pp.11–52.
130. Dijk, T.A. van. Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk. – N.Y. – 1983. – 418 p.
131. Dijk, T.A. van. News as Discourse. N. Jersey / T.A. van Dijk. – London. – 1998. – 200 p.
132. Dijk, T.A. van. Ideology: multidisciplinary approach / T.A. van Dijk. – London. – 1998. – 170 p.
133. Dijk, T.A. van Context models in discourse processing / T.A. van Dijk. – N.Y. – 1999. – Pp. 123–148.
134. Dijk, T.A. van Discourse, ideology and context / T.A. van Dijk // Folia Linguistica. – 2001. – Vol. 35. – Pp. 11–40.
135. Eissa, M.M. Polarized discourse in the news / M.M. Eissa // Procedia. Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 134. – Pp. 70–91.
136. Erman, B. Pragmatic Expressions in English: A Study of ‘You Know’, ‘You see’ and ‘I mean’ in Face-to-Face Conversation / B. Erman. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1987. – 248 p.
137. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London: Longman, 1989. – 259 p.
138. Fairclough, N., Wodak, R. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse as social interaction. – London: Sage Publications, 1997. – Pp. 258–284.
139. Fiorina, M.P., Abrams, S.A., Pope, J.C. Polarization in the American public: Misconceptions and misreadings / M.P. Fiorina, S.A. Abrams, J.C. Pope // The Journal of Politics. – 2008. – Vol. 70. – No. 2. – Pp. 556–560.

140. Fraser, B. Pragmatic markers / B. Fraser // *Pragmatics*. – 1996. – Vol. 6. – Pp. 167–190.
141. Fraser, B. What are discourse markers? / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1999. – Vol. 31. – Pp. 931–952.
142. Furko, P. The Pragmatic Marker – Discourse Marker Dichotomy Reconsidered: The Case of ‘Well’ and ‘Of Course’ / P. Furko. – Debrecen: Debrecen University Press, 2007. – 136 p.
143. Furko, P. The functional spectrum of pragmatic markers in political news interviews and celebrity interviews / P. Furko // *Topics in Linguistics*. – 2013. – Vol. 11. – Pp. 13–21.
144. Furko, P., Abuczki, A. English discourse markers in mediatized political interviews / P. Furko, A. Abuczki // *Brno Studies in English*. – 2014. – Vol. 40. – Pp. 45–64.
145. Furko, P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse / P. Furko // *Palgrave Communications. Humanities. Social Sciences. Business*. – 2017. – Vol. 3. – Pp. 1–8.
146. Goodin, R.E. *Manipulatory politics* / R.E. Goodin. – CT: Yale U. Pr. New Haven, 1980. – 264 p.
147. Graber, D. *Political Languages* / D. Graber // *Handbook of Political Communication*. – London: Sage Publications, 1981. – Pp. 195–224.
148. Herdan, G. *Language as Choice and Chance* / G. Herdan. – Noordhoff: Groningen, 1956. – 356 p.
149. Jaynes, E.T. *Information Theory and Statistical Mechanics* / E.T. Jaynes // *The Physical Review*. – 1957. – Vol. 106. – No. 4. – Pp. 620–630.
150. Jaynes, E.T. *Monkeys, kangaroos and N* / E.T. Jaynes // *Maximum-Entropy and Bayesian Methods in Applied Statistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 1–23.
151. Jones, J.M. Americans Increasingly See Russia as Threat, Top U.S. Enemy [Электронный ресурс] / J.M. Jones // *Gallup*. – 2015. – Режим

доступа: http://www.gallup.com/poll/181568/americans-increasingly-russia-threat-top-enemy.aspx?g_source=russia&g_medium=search&g_campaign=tiles.

152. Jovic, A., Brkic, K., Bogunovic, N. A review of feature selection methods with applications / A. Jovic, K. Brkic, N. Bogunovic // 2015 38th International Convention on Information and Communication Technology, Electronics and Microelectronics (MIPRO). – 2015. – Pp. 1200–1205.

153. Key, W.B. The age of manipulation: The con in confidence, the sin in sincere / W.B. Key. – N.Y.: Holt, Cop., 1989. – 296 p.

154. Kohavi, R., John, G.H. Wrappers for feature subset selection / R. Kohavi, G.H. John // Artificial Intelligence. – 1997. – Vol. 97. – Pp. 273–324.

155. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1. – Pp. 39–74.

156. Liu, H., Yu, L. Towards integrating feature selection algorithms for classification and clustering / H. Liu, L. Yu // IEEE Trans. Knowl. Data Eng. – 2005. – Vol. 17. – Issue 4. – Pp. 491–502.

157. Louwerse, M.M., Mitchell, H.H. Towards a Taxonomy of a Set of Discourse Markers in Dialog: A Theoretical and Computational Linguistic Account / M.M. Louwerse, H.H. Mitchell // Discourse Processes. – 2003. – Vol. 35. Issue 3. – Pp. 199–239.

158. Meyerhoff, M. Sounds pretty ethnic, eh?: A pragmatic particle in New Zealand English / M. Meyerhoff // Language in Society. – 1994. – Vol. 23. – Issue 3. – Pp. 367–388.

159. Michie, D., Spiegelhalter D.J., Taylor C.C. Machine Learning, Neural and Statistical Classification / D. Mitchel, D.J. Spiegelhalter, C.C. Taylor. – 1994. – 290 p.

160. Murthy, S. K. Automatic construction of decision trees from data: a multi-disciplinary survey / S.K. Murthy // Data Mining and Knowledge Discovery. – 1998. – Vol. 2. – Issue 4. – Pp. 345–389.

161. Newman, M.L. et. al. Lying words: Predicting deception from linguistic styles / M.L. Newman, J.W. Pennebaker, D.S. Berry, J.M. Richards // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2003. – Vol. 29. – Pp. 665–675.

162. O'Connor, E.M., Simms, C. M. Self-revelation as manipulation — the effects of sex and Machiavellianism on self-disclosure / E.M. O'Connor, C.M. Simms // Social Behavior and Personality. – 1990. – Vol. 18. – Issue 1.– Pp. 95–100.

163. Online Etymology Dictionary [электронный ресурс]. – 2001-2018. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>.

164. Paine, S.C. Persuasion, manipulation and dimension / S.C. Paine // Journal of Politics. – 1989. – Vol. 51. – Issue 1. – Pp. 38–49.

165. Pickering, L. et. al. Prosodic Markers of Saliency in Humorous Narratives / L. Pickering, M. Corduras, J. Eisterhold [et. al.] // Discourse Processes. – 2009. – Vol. 46. – Issue 6. – Pp. 516–540.

166. Proto, L. Who's pulling your strings? Now to stop being manipulated by your own personalities / L. Proto. – Wellingborough: Thorsons, 1989. – 144 p.

167. Raza, M.S., Qamar, U. Understanding and Using Rough Set Based Feature Selection: Concepts, Techniques and Applications / M.S. Raza, U. Qamar. – Singapore: Springer, 2017. – 194 p.

168. Russia [Электронный ресурс] // Gallup. Режим доступа: <http://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx>.

169. Riker, W.N. The art of Political Manipulation / W.N. Riker. – New Haven: Yale U. Pr., 1986. – 152 p.

170. Rosenberg, Sh.W., McCafferty, P. The Image and the Vote: Manipulating Voter's Preferences / Sh.W. Rosenberg, P. McCafferty // The Public Opinion Quarterly. – N.Y. – 1987. – Vol. 51. – Issue 1.– Pp. 31–47.

171. Ross, Q.J. C4.5: Programs for Machine learning / Q.J. Ross. – San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 1993. – 302 p.

172. Rudinow, J. Manipulation / J. Rudinow // Ethics. – 1978. – Vol. 88. – Issue 4. – Pp. 338–347.

173. ScikitLearn [сайт]. – 2007-2017. – Режим доступа: scikit-learn.org/stable/modules/linear_model.html.
174. Schiffrin, D. Discourse Markers / D. Schiffrin. // Journal of Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – Vol. 25. – Pp. 255–273.
175. Schudson, M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s / M. Schudson // Media, Culture and Society. – 1997. – Vol. 19. – Issue 3. – Pp. 311–330.
176. Seidel, G. Political discourse analysis / G. Seidel // Handbook of Discourse Analysis. – London: Academic Press, 1985. – № 4. – Pp. 43–60.
177. Shannon, C., Weaver, W. The Mathematical Theory of Communication / C. Shannon, W. Weaver. – Univ. of Illinois Press, 1949. – 117 p.
178. Student. The Probable Error of a Mean / Student // Biometrika. – 1908. – Vol. 6. – № 1. – P. 1–25.
179. Swift A. Americans See Russia Less Negatively, as Less of a Threat [Электронный ресурс] / A. Swift // Gallup. – 2016. Режим доступа: <http://news.gallup.com/poll/189284/americans-russia-less-negatively-less-threat.aspx>.
180. Turner, M. Aspects of the Invariance Hypothesis / M. Turner // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1. – Issue 2. – Pp. 247–255.
181. Vilar, E. The manipulated man / E. Vilar. – New York. – 1972. – 144 p.
182. Villar, G., Arciuli, J., Paterson, H. Linguistic Indicators of a False Confession / G. Villar, J. Arciuli, H. Paterson // Psychiatry, Psychology and Law. – 2013. – Vol. 20. – Issue 4. – Pp. 504–518.
183. Wodak, R., Fairclough, N. Critical Discourse Analysis / R. Wodak, N. Fairclough // Discourse as Social Interaction. – London: Sage Publications, 1997. – Pp.258–284.

184. Wodak, R. *Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century* / R. Wodak // *Research on Language and Social Interaction*. – 1999. – Vol. 32. – Issues 1-2. – Pp.185–193.

185. Wodak, R. “Others in discourse”: racism and anti-Semitism in present-day Austria / R. Wodak // *Research on democracy and society*. – 1996. – Vol. 3. – Pp.275–296.

186. Zipf, G.K. *The Psychobiology of Language* / G.K. Zipf. – Houghton-Mifflin. – 1935. – 336 p.

187. Zipf, G.K. *Human Behavior and the Principle of Least Effort* / G.K. Zipf. – Addison-Wesley. – 1949. – 573 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Список военной лексики

adversary	apron
aerial picket	archipelagic sea lanes passage
aerial port	architecture
aerodynamic missile	armed forces
aeromedical evacuation	armed mine
aerospace defense	armistice
aggressor forces	armored reconnaissance vehicles
aimpoint	army
air portable	artillery
airborne	assault
airburst	at priority call .
aircraft	atomic air burst
aircrafts	atomic warfare
air-defense systems	atomic weapon
airdrop	attack
airfield	attrition
airlift	autocode format
airmobile	aviation
airspace	backfill
airspeed	back-haul airlift
air-to-air	backscatter
air-to-surface	back-scattering
airways	backshore
alliance	backwash
allocation	balisage
allotment	ballistic missile
ammunition	bandwidth
amphibian	battalions
amphibious	battery
annotated print	battle
annotation	battlefield
antemortem	battlespace
antenna mine	blind transmission
antiarmor helicopter	blister agent
anticountermining device	bomb
anti-g suit	bomber
antilift device	bombing
antipersonnel	bonding
antiradiation	borei-class submarines
antirecovery	bottom mine
antisubmarine	breakbulk
antisurface air operation	bridgehead
antisweep device	brigade
antisweeper mine	broach
antitank helicopter	buddy-aid
antitank mine	buffer
antiwatching device	burnout

burn-through range	countersabotage
cache	countersign
camouflage	countersubversion
carrier air wing	countersurveillance
catalytic attack	counterterrorism
catapult	covering fire
causeway	creeping mine
c-day	crossing area
cease fire	cross-leveling
cease fire line	cross-loading
celestial guidance	cross-servicing
chalk commander	cross-targeting
chalk number	cryogenic
chalk troops	cryptanalysis
chart sheet	cryptochannel
chemical	cryptographic
biological	cryptologic
radiological	cryptology
nuclear defense	cryptomaterial
chuffing	cryptopart
cipher	cryptosecurity
civil defense	cryptosystem
clearance capacity	cyberspace
clutter	cease-fire
coalition	convoys of weapons
coassembly	dazzle
combat	d-day
combatant	dead mine
combustor	dead space
command	de-arming
container	debarkation
convoy	debarkation
counterair	deceased
counterattack	deck alert
counterbattery	declassification
counterdeception	declassify
counterdrug	declination
counterdrug	defense
counterfire	defensive
counterforce	defilade
counterguerrilla	definitive
counterinsurgency	defoliant
counterintelligence	degaussing
countermeasures	demilitarized
countermine	demobilization
countermobility	demolition
countermove	departure airfield
counteroffensive	departure area
counterpreparation	departure end
counterproliferation	departure point
counterpropaganda	detained
counterreconnaissance	detainee

deterioration
deterrence
deterrent options
detonating cord
detonator
deviation
diaphragm stop
diapositive
direct fire
disabling fire
disarmament
disarmed mine
disembarkation
disengagement
dispenser
dispersal
dispersion
disposition
disruptive
dissemination and integration
dissemination system
ditching
doppler effect
doppler radar
drift
drone
dual-capable
dud
dummy
dwell time
earmarking of stocks
earthing
echelon
electronic warfare systems
elicitation
eligible traffic
emplacement
employment
enabling force
encipher
endurance
engagement
envelopment
equipment
espionage
evader
evasion
exfiltration
exoatmosphere
expellee
exploitation
explosive
fairway
feasibility
feint
fender
ferret
fireball
firepower
flanking attack
flatted cargo
force
forcible entry
fordability
foreshore
forward
front
frontal attack
frustrated cargo
full charge
gadget
garble
garnishing
garrison force
gear
geospatial
glide bomb
glide mode
grad rocket launchers
guerrilla
guided
gull
gun
harassing fire
harassment
harbor
hardstand
hardware
harmonization
hasty attack
hatch
havens
hazard
heavy antitank weapon
helicopter
helipad
heliport
herbicide
high airburst
homeland
horizon
horn
hostage
hostile

howitzer
howitzers
hub
hunter track
hydrogen bomb
hypersonic
hyperstereoscopy
hypobaric
ignition
indirect fire
infiltration
inflammable cargo
infrared
inshore patrol
inspection
insurgency
integration
intelligence
interagency
interceptor
interdiction
interface
interim
interned
interoperability
interoperation
interpretability
interpretation
inter-service
intertheater
intracoastal
intransit
intratheater
intruder
ionosphere
ir pointer
irregular forces
j-2x
jamming
j-axis
jet
jettison
joiner
jumpmaster
leapfrog
lever
leverage
liaison
lightening
lighterage
localizer
lodgment
loran
maneuver
manifest
manpower
margin
marker
marshalling
mayday
meaconing
megaton weapon
mensuration
merchant
military
mine
minefield
minehunting
misfire
missile
mission
mobility
mobilization
mock-up
multichannel
munition
muzzle
napalm
narcoterrorism
nautical
navigation
neutralization
neutralize
no-fire
nonalignment
noncombatant
nondeferrable
nongovernmental
nonlethal
nonstandard
nonstocked
non-submarine
nuclear
nuclear arsenal
nuclear warheads
nuisance
oblique
obliquity
obstructor
occupation
occupational
offensive
offset
oiler

operational	preinitiation
optimum	prevention
orbit	prisoner
order	proactive
ordnance	proclamation
oscillating mine	procurement
otter	provisioning
outbound	proword
overhaul	pyrotechnic
overlap	quay
overlay	radar
overpressure	radioactive
overprint	railhead
overseas	ratification
padding	rationalization
pallet	ratline
parachute	r-day
paradrop	reachback
parrot	reaction time
partisan	readiness
passenger mile	reattack
passive	rectification
password	refugee
pathfinders	regrade
pathogen	regular
payload	reinforcement
p-day	reinforcing
peacekeeping	requisition
peak overpressure	resistance
pencil beam	resupply
penetration	resuscitative care
permafrost	retained personnel
persistency	reticle
personnel	retrofit
phony minefield	retrograde
photoflash bomb	riot
pictomap	rocket
pillbox	route
pilot's trace	rupture zone
pinpoint	ruse
pipeline	sabotage
piracy	salted weapon
plate	salvage
platform drop	satellite
plot	seaward
port	security
power projection	sedition
practice mine	segregation
prearranged fire	seize
precautionary	seizures
precession	self-defense
precursor	self-destroying

self-protection	tanker
ship	tanks
shipping	target
shoal	targeting
shoreline	taxiway
shortfall	t-day
short-range	tear line
shuttered	technical
sinker	terrain
sonar	terrestrial
sonic	terrorism
sonobuoy	terrorist
source	thermal
split	threat
sprocket	tophandler
squadron	toxin
squib	trafficability
squirt	training
staballoy	trajectory
staff	transattack period
stimulants	transfer loader
stowage	transmission security
strafing	transonic
straggler	transponder
strapping	transportability
strategic	transportation
stretcher	transporting
strikedown	transshipment point
subkiloton	traverse
submarine	treason
submunition	troop
subordinate	troops
subsonic	trucks
supercargo	turbojet
supplementary facilities	turnaround
supply	uncharged demolition target
suppression	unclassified matter
surface warfare	understowed cargo
surface-to-air guided missile	underwater demolition
surface-to-air missile	uniformed
surface-to-air missile envelope	units
surface-to-air missile installation	unmanned
surface-to-air missile site	unscheduled convoy phase
surface-to-air weapon	unstable patient
surface-to-surface guided missile	unstuffing
surveillance	unwanted cargo
sustainment	unwarned exposed
swept path	urban triad
switch horn	validate
tactical	vehicle
tactics	verification
tagline	verify

vertex
vetting
vignetting
visibility range
wanted cargo
war
warble

warhead
warp
weapon
weaponeering
weaponry
withdrawal operation

ПРИЛОЖЕНИЕ Б**Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine**

By Karoun Demirjian and Michael Birnbaum August 22, 2014

MOSCOW — The conflict between Russia and Ukraine hit dangerous new heights Friday as Russia sent an enormous aid convoy into rebel-held Ukrainian territory without the permission of the Kiev government, a move that a top Ukrainian security official described as a “direct invasion.” The maneuver came amid reports from NATO that Ukrainian troops were coming under Russian artillery fire from inside their borders.

“Russian artillery support — both cross-border and from within Ukraine — is being employed against the Ukrainian armed forces,” NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen said in a statement accusing Moscow of a “blatant breach of Russia’s international commitments” that would intensify a crisis he said it had helped to create and fuel.

“The disregard of international humanitarian principles raises further questions about whether the true purpose of the aid convoy is to support civilians or to resupply armed separatists,” Rasmussen said. It was the strongest denunciation of Russia’s role in Ukraine that NATO has issued and the first time the alliance has accused Russian forces of firing artillery at the Ukrainian army from within Ukraine.

The charges coincide with Russia’s decision to move a convoy of more than 200 trucks into Ukraine on Friday without either government permission or the participation of the International Committee of the Red Cross (ICRC).

Russia’s Foreign Ministry said in a statement Friday morning that Moscow had run out of patience with “delays” and other “excuses” from Ukraine after a nearly 10-day standoff. It said Ukraine’s leaders were deliberately trying to slow-walk the delivery of aid to the war-torn region of Luhansk until “there is no one at all to provide help to.”

The White House condemned the Russian action and said it raised the likelihood that Russia planned the convoy as a pretext for invasion.

“At the same time as Russian vehicles violate Ukraine’s sovereignty, Russia maintains a sizeable military force on the Ukrainian border capable of invading Ukraine on very short notice,” National Security Council spokeswoman Caitlin Hayden said. “We recall that Russia denied its military was occupying Crimea until it later admitted its military role and attempt to annex this part of Ukraine.”

U.S. Air Force Gen. Philip M. Breedlove, the supreme allied commander in Europe, separately condemned “Russia’s illegal incursion” into Ukraine as he expressed concern about the massing of 20,000 Russian “combat-ready troops” on the border with eastern Ukraine and the flow of

Russian arms and operatives to pro-Moscow separatist forces. The unauthorized convoy “indicates that Russia is more interested in resupplying separatists rather than supporting local populations,” Breedlove said in a statement.

Ukrainian authorities appeared to be scrambling Friday to decide how to respond to the border incursion.

Officials had threatened a military response if the Russian convoy tried to force its way into Ukraine, despite the risk of triggering an all-out invasion by Russian forces. Yet allowing the trucks to disperse across the Luhansk region without any Ukrainian controls in effect allows Russia to force a cease-fire in Kiev’s fight against pro-Russian separatists.

State security chief Valentyn Nalyvaichenko told journalists in Kiev that Ukrainian forces would not use force against the convoy because they want to avoid “provocations.” But Ukraine’s prime minister struck a more confrontational tone.

“It’s clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission,” Arseniy Yatsenyuk said on national television. “We need to use all methods to stop Russian military aggression.”

For Ukrainian officials, a potential military response ultimately depends on whether the Russian convoy tries to do anything more than distribute aid.

“If we find in the convoy some other equipment, some other equipment that’s not humanitarian aid, then the direction will be different,” military spokesman Andriy Lysenko said.

On Friday evening, Russian state television broadcast images of the trucks pulling up to a loading dock in rebel-held Luhansk. Shirtless men wearing jeans unloaded large white bags that appeared to be filled with grain, beans or flour and moved them into a warehouse.

The original ICRC plan was for the trucks to enter Ukraine, deposit aid supplies and leave immediately by the same route. Russia’s ambassador to the United Nations, Vitaly Churkin, declined to say whether the convoy would hold to that plan.

Meanwhile, Ukraine’s Foreign Ministry urged international allies to condemn Russia for what Ukrainian President Petro Poroshenko called a “flagrant violation of international law.”

In Washington, a Pentagon spokesman, Rear Adm. John Kirby, stopped short of calling the movement an invasion but said “it strains credulity to think that this equipment’s not moving across the border accompanied by Russian forces.”

Kirby called on Russia to withdraw vehicles and personnel and threatened “additional costs and isolation” otherwise. That is a reference to potential further economic sanctions on Russia and diplomatic ostracizing of Moscow, tactics the West has applied for months with little success.

“They should not be doing this under the guise of a humanitarian convoy,” Kirby said.

In a conversation with German Chancellor Angela Merkel, Russian President Vladimir Putin said “explicit delays from the side of Kiev” forced Russia to send the convoy across the border unilaterally. Further delays in getting help to Luhansk residents, many of whom have no water or electricity, would be “unacceptable”, he added.

The latest delays, however, emanated from the ICRC’s concerns for the safety of its workers.

Poroshenko had agreed last week to let Russian and European aid into rebel-held portions of the eastern region of Luhansk, but only if ICRC workers presided over the shipments. The ICRC asked for security guarantees, which Ukraine gave — but only for areas under government control.

On Friday morning, ICRC officials told Russia that after a night of heavy shelling in Luhansk, they did not yet have the necessary safety guarantees.

Yet the convoy was shrouded in controversy from the start. When Russia first sent the trucks toward Ukraine they did it without specific ICRC authorization, prompting Ukraine and its allies to worry that the shipment was designed as cover for a military invasion.

Ukrainian officials refused to let the trucks through a government-controlled border crossing in the Kharkiv region, so the convoy headed for rebel-controlled territory instead.

The trucks then spent more than a week idling outside the Izvaryne border crossing to Luhansk, which is controlled by pro-Russian rebels, as government ministers tried to hammer out a deal.

Reporters in the area noted the presence of food, water and emergency supplies in the trucks. Some on the scene also reported seeing heavy military vehicles near the convoy on the Russian side of the border.

Last week, Western reporters watched a column of Russian armored personnel carriers enter Ukraine while the aid convoy was waiting on the Russian side. Ukraine said its forces subsequently destroyed part of the column, but Russia denied that any of its vehicles had crossed the border or had been attacked.

On Thursday, Russian customs officials cleared the first group of aid trucks into the border zone between Russian and Ukrainian territory, where they were waiting for the go-ahead to enter Ukraine.

That night, ICRC officials said the first trucks would likely enter Ukraine on Friday.

William Branigin, Anne Gearan and Karen DeYoung in Washington and Stephanie Kirchner in Berlin contributed to this report.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Russian propaganda effort helped spread 'fake news' during election, experts say

By Craig Timberg, November 24 of 2016

The flood of “fake news” this election season got support from a sophisticated Russian propaganda campaign that created and spread misleading articles online with the goal of punishing Democrat Hillary Clinton, helping Republican Donald Trump and undermining faith in American democracy, say independent researchers who tracked the operation.

Russia’s increasingly sophisticated propaganda machinery — including thousands of botnets, teams of paid human “trolls,” and networks of websites and social-media accounts — echoed and amplified right-wing sites across the Internet as they portrayed Clinton as a criminal hiding potentially fatal health problems and preparing to hand control of the nation to a shadowy cabal of global financiers. The effort also sought to heighten the appearance of international tensions and promote fear of looming hostilities with nuclear-armed Russia.

Two teams of independent researchers found that the Russians exploited American-made technology platforms to attack U.S. democracy at a particularly vulnerable moment, as an insurgent candidate harnessed a wide range of grievances to claim the White House. The sophistication of the Russian tactics may complicate efforts by Facebook and Google to crack down on “fake news,” as they have vowed to do after widespread complaints about the problem.

There is no way to know whether the Russian campaign proved decisive in electing Trump, but researchers portray it as part of a broadly effective strategy of sowing distrust in U.S. democracy and its leaders. The tactics included penetrating the computers of election officials in several states and releasing troves of hacked emails that embarrassed Clinton in the final months of her campaign.

“They want to essentially erode faith in the U.S. government or U.S. government interests,” said Clint Watts, a fellow at the Foreign Policy Research Institute who along with two other researchers has tracked Russian propaganda since 2014. “This was their standard mode during the Cold War. The problem is that this was hard to do before social media.”

Watts’s report on this work, with colleagues Andrew Weisburd and J.M. Berger, appeared on the national security online magazine War on the Rocks this month under the headline “Trolling for Trump: How Russia Is Trying to Destroy Our Democracy.” Another group, called PropOrNot, a nonpartisan collection of researchers with foreign policy, military and technology backgrounds, planned to release its own findings Friday showing the startling reach and effectiveness of Russian propaganda campaigns.

The researchers used Internet analytics tools to trace the origins of particular tweets and

mapped the connections among social-media accounts that consistently delivered synchronized messages. Identifying website codes sometimes revealed common ownership. In other cases, exact phrases or sentences were echoed by sites and social-media accounts in rapid succession, signaling membership in connected networks controlled by a single entity.

PropOrNot's monitoring report, which was provided to The Washington Post in advance of its public release, identifies more than 200 websites as routine peddlers of Russian propaganda during the election season, with combined audiences of at least 15 million Americans. On Facebook, PropOrNot estimates that stories planted or promoted by the disinformation campaign were viewed more than 213 million times.

Some players in this online echo chamber were knowingly part of the propaganda campaign, the researchers concluded, while others were "useful idiots" — a term born of the Cold War to describe people or institutions that unknowingly assisted Soviet Union propaganda efforts.

The Russian campaign during this election season, researchers from both groups say, worked by harnessing the online world's fascination with "buzzy" content that is surprising and emotionally potent, and tracks with popular conspiracy theories about how secret forces dictate world events.

Some of these stories originated with RT and Sputnik, state-funded Russian information services that mimic the style and tone of independent news organizations yet sometimes include false and misleading stories in their reports, the researchers say. On other occasions, RT, Sputnik and other Russian sites used social-media accounts to amplify misleading stories already circulating online, causing news algorithms to identify them as "trending" topics that sometimes prompted coverage from mainstream American news organizations.

The speed and coordination of these efforts allowed Russian-backed phony news to outcompete traditional news organizations for audience. Some of the first and most alarming tweets after Clinton fell ill at a Sept. 11 memorial event in New York, for example, came from Russian botnets and trolls, researchers found. (She was treated for pneumonia and returned to the campaign trail a few days later.)

This followed a spate of other misleading stories in August about Clinton's supposedly troubled health. The Daily Beast debunked a particularly widely read piece in an article that reached 1,700 Facebook accounts and was read online more than 30,000 times. But the PropOrNot researchers found that the version supported by Russian propaganda reached 90,000 Facebook accounts and was read more than 8 million times. The researchers said the true Daily Beast story was like "shouting into a hurricane" of false stories supported by the Russians.

This propaganda machinery also helped push the phony story that an anti-Trump

protester was paid thousands of dollars to participate in demonstrations, an allegation initially made by a self-described satirist and later repeated publicly by the Trump campaign. Researchers from both groups traced a variety of other false stories — fake reports of a coup launched at Incirlik Air Base in Turkey and stories about how the United States was going to conduct a military attack and blame it on Russia — to Russian propaganda efforts.

The final weeks of the campaign featured a heavy dose of stories about supposed election irregularities, allegations of vote-rigging and the potential for Election Day violence should Clinton win, researchers said.

“The way that this propaganda apparatus supported Trump was equivalent to some massive amount of a media buy,” said the executive director of PropOrNot, who spoke on the condition of anonymity to avoid being targeted by Russia’s legions of skilled hackers. “It was like Russia was running a super PAC for Trump’s campaign. . . . It worked.”

He and other researchers expressed concern that the U.S. government has few tools for detecting or combating foreign propaganda. They expressed hope that their research detailing the power of Russian propaganda would spur official action.

A former U.S. ambassador to Russia, Michael A. McFaul, said he was struck by the overt support that Sputnik expressed for Trump during the campaign, even using the #CrookedHillary hashtag pushed by the candidate.

McFaul said Russian propaganda typically is aimed at weakening opponents and critics. Trump’s victory, though reportedly celebrated by Putin and his allies in Moscow, may have been an unexpected benefit of an operation that already had fueled division in the United States. “They don’t try to win the argument,” said McFaul, now director of the Freeman Spogli Institute for International Studies at Stanford University. “It’s to make everything seem relative. It’s kind of an appeal to cynicism.”

The Kremlin has repeatedly denied interfering in the U.S. election or hacking the accounts of election officials. “This is some sort of nonsense,” Dmitry Peskov, press secretary for Putin, said last month when U.S. officials accused Russia of penetrating the computers of the Democratic National Committee and other political organizations.

RT disputed the findings of the researchers in an e-mail on Friday, saying it played no role in producing or amplifying any fake news stories related to the U.S. election. “It is the height of irony that an article about “fake news” is built on false, unsubstantiated claims. RT adamantly rejects any and all claims and insuations that the network has originated even a single “fake story” related to the US election,” wrote Anna Belkina, head of communications.

The findings about the mechanics of Russian propaganda operations largely track previous research by the Rand Corp. and George Washington University’s Elliott School of

International Affairs.

“They use our technologies and values against us to sow doubt,” said Robert Orttung, a GWU professor who studies Russia. “It’s starting to undermine our democratic system.”

The Rand report — which dubbed Russian propaganda efforts a “firehose of falsehood” because of their speed, power and relentlessness — traced the country’s current generation of online propaganda work to the 2008 incursion into neighboring Georgia, when Russia sought to blunt international criticism of its aggression by pushing alternative explanations online.

The same tactics, researchers said, helped Russia shape international opinions about its 2014 annexation of Crimea and its military intervention in Syria, which started last year. Russian propaganda operations also worked to promote the “Brexit” departure of Britain from the European Union.

Another crucial moment, several researchers say, came in 2011 when the party of Russian President Vladimir Putin was accused of rigging elections, sparking protests that Putin blamed the Obama administration — and then-Secretary of State Clinton — for instigating.

Putin, a former KGB officer, announced his desire to “break the Anglo-Saxon monopoly on the global information streams” during a 2013 visit to the broadcast center for RT, formerly known as Russia Today.

“For them, it’s actually a real war, an ideological war, this clash between two systems,” said Sufian Zhemukhov, a former Russian journalist conducting research at GWU. “In their minds, they’re just trying to do what the West does to Russia.”

RT broadcasts news reports worldwide in several languages, but the most effective way it reaches U.S. audiences is online.

Its English-language flagship YouTube channel, launched in 2007, has 1.85 million subscribers and has had a total of 1.8 billion views, making it more widely viewed than CNN’s YouTube channel, according to a George Washington University report this month.

Though widely seen as a propaganda organ, the Russian site has gained credibility with some American conservatives. Trump sat for an interview with RT in September. His nominee for national security adviser, retired Lt. Gen. Michael T. Flynn, traveled to Russia last year for a gala sponsored by the network. He later compared it to CNN.

The content from Russian sites has offered ready fodder for U.S.-based websites pushing far-right conservative messages. A former contractor for one, the Next News Network, said he was instructed by the site’s founder, Gary S. Franchi Jr., to weave together reports from traditional sources such as the Associated Press and the Los Angeles Times with ones from RT, Sputnik and others that provided articles that often spread explosively online.

“The readers are more likely to share the fake stories, and they’re more profitable,” said

Dyan Bermeo, who said he helped assemble scripts and book guests for Next News Network before leaving because of a pay dispute and concerns that “fake news” was crowding out real news.

In just the past 90 days — a period that has included the closing weeks of the campaign, Election Day and its aftermath — the YouTube audience of Next News Network has jumped from a few hundred thousand views a day to a few million, according to analytics firm Tubular Labs. In October alone, videos from Next News Network were viewed more than 56 million times.

Franchi said in an e-mail statement that Next News Network seeks “a global perspective” while providing commentary aimed at U.S. audiences, especially with regard to Russian military activity. “Understanding the threat of global war is the first step to preventing it,” he said, “and we feel our coverage assisted in preventing a possible World War 3 scenario”.

Программный код статистической проверки параметров

Извлечение контента с сайта (на примере ссылок из *The Washington*

Post)

```

1 import csv
2 import json
3 import requests
4 from bs4 import BeautifulSoup
5
6 filename = '/home/alexdel/reactor/manipulare/unbiased_data/links/wp.csv';
7
8 linksCsv = csv.reader(open(filename, 'r'), delimiter = ',', quotechar = '"')
9 links = [row[0] for row in linksCsv]
10
11 articlesContent = []
12
13 for link in links:
14     print('scraping: ' + link)
15     result = requests.get(link)
16     soup = BeautifulSoup(result.content, 'lxml')
17     item = {}
18
19     item['articleText'] = soup.find('article', {'itemprop':'articleBody'}).get_text()
20     item['articleHeader'] = soup.find('h1', {'itemprop':'headline'}).get_text()
21     item['articleSrc'] = 'WP'
22     item['articleBiased'] = False
23     item['articleUrl'] = link
24
25     articlesContent.append(item)
26
27 with open('/home/alexdel/reactor/manipulare/unbiased_data/wp_results.json', 'w') as
28 outfile:
29     json.dump(articlesContent, outfile)

```

Очистка от лишней разметки

```

1 import nltk
2 from nltk.tokenize import RegexpTokenizer
3 tokenizer = RegexpTokenizer("[\w']+")
4
5 def cleanTextData(textString):
6     words = tokenizer.tokenize(textString)
7     words = [w.lower() for w in words]
8     return words

```

Проверка метрик

```

1  from cleaner import cleanTextData
2
3  def countProAntiRatio(text):
4      words = cleanTextData(text)
5      matchedWords = 0
6
7      for word in words:
8          if word.startswith('pro-') or word.startswith('anti'):
9              matchedWords += 1
10
11     return matchedWords/len(words)
12
13 def countSovietRatio(text):
14     words = cleanTextData(text)
15     matchedWords = 0
16
17     for word in words:
18         if word.find('soviet') > -1:
19             matchedWords += 1
20
21     return matchedWords/len(words)
22
23 def countNaziTermRatio(text):
24     #prepare nazi words list
25     with open('data/words/nazi_term.txt') as f:
26         naziWords = f.readlines()
27         naziWords = [w.lower() for w in naziWords if w != '']
28
29     normalText = text.lower()
30
31     wordsFound = 0
32     for w in naziWords:
33         w = w.strip()
34         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
35             print(w)
36             wordsFound += normalText.count(w)
37
38
39     return wordsFound/len(normalText.split())
40
41 def countCustomMarkersRatio(text):
42     #prepare nazi words list
43     with open('data/words/manip_markers.txt') as f:
44         customMarkers = f.readlines()
45         customMarkers = [w.lower() for w in customMarkers if w != '']
46
47     normalText = text.lower()
48
49     wordsFound = 0
50     for w in customMarkers:
51         w = w.strip()
52         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
53             wordsFound += normalText.count(w)
54
55
56     return wordsFound/len(normalText.split())
57
58 def countMilitaryTermsRatio(text):
59     #prepare nazi words list
60     with open('data/words/military_terms.txt') as f:
61         militaryTerms = f.readlines()
62         militaryTerms = [w.lower() for w in militaryTerms if w != '']

```

```

63     normalText = text.lower()
64
65     wordsFound = 0
66     for w in militaryTerms:
67         w = w.strip()
68         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
69             print(w)
70             wordsFound += normalText.count(w)
71
72
73     return wordsFound/len(normalText.split())
74
75 def countPutinRatio(text):
76     words = cleanTextData(text)
77     matchedWords = 0
78
79     for word in words:
80         if word.find('putin') > -1:
81             matchedWords += 1
82
83     return matchedWords/len(words)
84

```

Обработка информации

```

1  import json
2  import numpy
3  import scipy
4  from features import countProAntiRatio, countSovietRatio, countNaziTermRatio,
5  countCustomMarkersRatio, countMilitaryTermsRatio, countPutinRatio
6
7  from pymongo import MongoClient
8  client = MongoClient('localhost:27017')
9  db = client.manipulation
10
11  articles = db.articles.find({})
12
13  featureName = 'putinRatio'
14
15  for a in articles:
16      db.articles.update({
17          '_id': a['_id']
18      },{
19          '$set': {
20              'features.' + featureName: countPutinRatio(a['articleText'])
21          }
22      }, upsert=False, multi=False)
23
24
25  pos = db.articles.find({"articleBiased": True})
26  neg = db.articles.find({"articleBiased": False})
27
28  print(scipy.stats.ttest_ind([i['features'][featureName] for i in neg],

```

Программный код алгоритма деревьев принятия решений

```
1 import json
2 import codecs
3 from random import shuffle
4 from sklearn.feature_extraction import DictVectorizer
5 from sklearn.model_selection import train_test_split
6 from sklearn import svm
7 from sklearn.tree import DecisionTreeClassifier
8
9
10 with codecs.open('data/articles.json', 'r', 'utf-8') as data_file:
11     data = json.load(data_file)
12
13     # prepara features as matrix vec = DictVectorizer()
14     #split dataset into train and test
15     X_train, X_test, y_train, y_test = train_test_split(data, [i['articleBiased'] for i
16     in data], test_size=0.1, random_state=12)
17
18     # train
19     clf = DecisionTreeClassifier(random_state=0)
20     clf.fit(vec.fit_transform([i['features'] for i in X_train]).toarray(), y_train)
21
22     print(vec.get_feature_names())
23     print(clf.feature_importances_)
```